ЕВРАЗИЙСКАЯ № 5 (30) 2017
АДВОКАТУРА

Издается при содействии Ассоциации некоммерческих организаций – адвокатских образований «Гильдия российских адвокатов» и НОУ ОВО «Российская академия адвокатуры и нотариата»

Журнал основан в 2012 году.
Издается один раз в два месяца.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Список Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ)

Редакционный совет

Председатель

МИРЗОЕВ Гасан Борисович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, Заслуженный юрист Российской Федерации, Президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва).

Заместитель председателя

ВОЛОДИНА Светлана Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва).

Члены редакционного совета

АДИЛОВ Надир Адил оглы – доктор философии по юридическим наукам, Советник председателя Государственного агентства по обслуживанию граждан и социальным инновациям при Президенте Азербайджанской Республики, заведующий отделением национального законодательства и международного права Института по правам человека Национальной академии наук Азербайджана, заместитель председателя Конфедерации юристов Азербайджана (Азербайджанская Республика, г. Баку);

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права юридического факультета Воронежского государственного университета (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВАН ЕРП Сьеф – магистр права, профессор кафедры гражданского права и европейского частного права и заведующий департаментом частного права Маастрихтского университета, Президент Нидерландской ассоциации сравнительного права, член исполнительного комитета Европейского юридического института (Нидерланды, г. Маастрихт);

ВЛАСОВ Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ВОРОНОВ Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры теории и истории права и государства Российского нового университета (г. Воронеж);

ВУЯДИНОВИЧ Драгика – доктор права, профессор кафедры теории, философии и социологии права юридического факультета университета г. Белград (Республика Сербия, г. Белград);

ГАЛОГАНОВ Алексей Павлович – доктор юридических наук, адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, Президент Адвокатской палаты Московской области (Российская Федерация, г. Москва);

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРЫШЕВ Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе и практике Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Российская Федерация, г. Уфа);

ЖАНАБИЛОВ Нурлан Еркинович – доктор права, профессор, Почетный работник образования Казахстана, первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов, Президент Международной ассоциации адвокатов «Азия Инюрколлегия» (Республика Казахстан, г. Астана);

ЗИНН Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права и руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения Университета г. Оснабрюк, директор Центра европейских и международных исследований уголовного права (Федеративная Республика Германия, г. Оснабрюк);

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург);

ПОПЕЛЮШКО Василий Александрович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, директор Института права им. И. Малиновского Национального университета «Острожская академия» (Украина, г. Острог);

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, адвокат, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Уфа);

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса факультета государственного управления и права Восточно-Казахстанского государственного университета (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск);

РОДРИГЕС Хосе Норонья – доктор права, адвокат, директор центра юридических и экономических наук, профессор права факультета экономики и управления Азорского университета (Республика Португалия, г. Понта Дельгада);

САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва);

ХВАН Леонид Борисович – кандидат юридических наук, доцент, руководитель аналитической службы адвокатской фирмы «Азизов и партнеры» (Республика Узбекистан, г. Ташкент);

ШАГИЕВА Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (Российская Федерация, г. Люберцы);

ШАКИРОВ Тимур Равильевич – магистр права, правовой советник программы по Европе Международной комиссии юристов (Швейцария, г. Женева);

ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры адвокатуры и правоохранительной деятельности Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва);

ЯНГ Саймон Нгай ман – магистр права, профессор юридического факультета Университета Гонконга, адвокат (Гонконг).

Редакционная коллегия

Главный редактор

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии

КАУРАКОВА Мария Викторовна – кандидат юридических наук, заведующая отделом научных публикаций;

КУЛАГИН Александр Владимирович – руководитель редакционно-издательского центра ЕврАзНИИПП;

ПЕТРОВ Дмитрий Вячеславович – руководитель отдела новостей;

ПОЛЯНСКАЯ Вероника Владимировна – литературный редактор;

РАГУЛИНА Индира Тагировна – помощник главного редактора;

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович – руководитель IT-отдела ЕврАзНИИПП.

Учредитель: АНО «Евразийский научно-исследовательский институт проблем права»
Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-50845 от 14.08.2012
Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Адрес издателя и редакции: 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24
Адрес типографии: ФГУП «Издательство Известия» Управления делами Президента Российской Федерации, 127254, Российская Федерация, г. Москва, проезд Добролюбова, д. 6, стр.1
Сдано в печать: 31.10.2017. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 15. Тираж 500 экз. Свободная цена
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России»: 41210
website: www.eurasian-advocacy.ru e-mail: eurasian-advocacy@mail.ru тел.:+7917-40-61-340

EURASIAN № 5 (30) 2017
ADVOCACY

Journal is published by support of Association of non-profit organizations – advocacy offices «Guild of Russian Advocates» and NOU OVO «Russian Academy of Advocacy and Notaries»

Journal is published since 2012. Published once in two months.

The journal is included in the list of the reviewed scientific publications in which the main scientific results the main scientific results of theses on competition of an academic degree of the candidate of science, on competition of an academic degree of the doctor of science have to be published

Editorial Council

Chairman

MIRZOEV Gasan Borisovich – LLD, professor, Deserved Lawyer of the Russian Federation, advocate, President of the Guild of Russian Advocates, rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow).

Vice-chairman

VOLODINA Svetlana Igorevna – PhD, associate professor, advocate, vice-president of the Federal Chamber of Advocates (Russian Federation, Moscow).

Members of the Editorial Council

ADILOV Nadir Adil oglu – PhD, Adviser to the chairman of the State agency on service of citizens and social innovations at the President of the Azerbaijan Republic, manager of the National legislation and the International law department of Institute on Human rights of National Academy of Sciences of Azerbaijan, Vice-chairman of Confederation of Lawyers of Azerbaijan (Azerbaijan Republic, Baku);

BIRJUKOV Pavel Nikolaevich – LLD, professor, head of the chair of International and European law of law faculty of the Voronezh state university (Russian Federation, Voronezh);

EGORYSHEV Sergey Vasilevich – LLD, professor, vice-rector of Eastern Law and Economy Humanitarian Academy (Russian Federation, Ufa);

GALOGANOV Alexei Pavlovich – LLD, advocate, vice-president of the Federal Chamber of Advocates, president of Advocacy chamber of Moscow area (Russian Federation, Moscow);

GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna – LLD, associate professor, advocate, professor of the chair of Civil law of the faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

HVAN Leonid Borisovich – PhD, associate professor, head of analytical service of law firm «Azizov and Partners» (Republic of Uzbekistan, Tashkent);

JURIEV Sergey Sergeyevich – LLD, professor, advocate, professor of chair of advocacy and law-enforcement activity of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow);

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – LLD, professor of chair of penal law and process of the St. Petersburg institute (branch) of the All-Russian state university of justice (Russian Federation, St. Petersburg);

POPELYUSHKO Vasily Aleksandrovich – LLD, professor, advocate, director of the Institute of Law of the National University «Ostrozhskaya Academy» (Ukraine, Ostrog);

RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, associate professor, advocate, head of the Center of Research of Problems of Organization and Activity of Advocacy of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Ufa);

RAKHIMBERDIN Kuat Hazhumukhanovich – LLD, associate professor, head of the chair of criminal law and criminal procedure of the faculty of Public administration and Law of the East Kazakhstan State University (Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk);

RODRIGUES José Noronha – PhD, advocate, Director of Center of Juridical and Economic Studies, professor of Law at Azores University (Portugal Republic, Açores, Ponta Delgada);

SANGADZHIYEV Badma Vladimirovich – LLD, professor, assistant of manager chair of judicial authority, law-enforcement and human rights activity of the Russian university of friendship of the people (Russian Federation, Moscow);

SHAGIYEVA Rozalina Vasilyevna – LLD, professor, professor of chair of the Theory and History of state and law of the Russian customs academy (Russian Federation, Lyubertsy);

SHAKIROV Timur Ravilyevich – LLM, legal adviser of the program for Europe of International Commission of Jurists (Switzerland, Geneva);

SINN Arndt – PhD, professor, head of Institute of Economic criminal law and the head of chair of German and European criminal law and criminal trial, international criminal law and comparative jurisprudence of University of Osnabruck, director of Center of the European and international researches of criminal law (ZEIS) (Federative Republic of Germany, Osnabruck);
VAN ERP Sjef – LLM, professor of chair of Civil law and European private law and Head of the Private Law Department of Maastricht University, President of the Netherlands Comparative Law Association, Member of Executive Committee of European Law Institute (Nedherlands, Maastricht);
VLASOV Anatoly Aleksandrovich – LLD, professor, professor of chair of International private and civil law of Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (Russian Federation, Moscow);
VORONOV Alexander Alekseevich – LLD, professor, advocate, professor of chair of Theory of Law and State the Russian New University (Voronezh);
VUJADINOVIC Dragica – PhD, professor at the Faculty of Law of University of Belgrade (Serbia Republic, Belgrade);
YOUNG Simon Ngai Man – LLM, advocate, professor of Faculty of Law of the University of Hong Kong (Hong Kong);
ZHANABILOV Nurlan Erkinovich – PhD, professor, honourable worker of education of Kazakhstan, First Vice-president of International Union (Commonwealth) of advocates, President of International association of advocates «Asia Injurkollegiya» (Republic of Kazakhstan, Astana).

Editorial Board

Editor-in-Chief
RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, associate professor.

Members of the Editorial Board
FARKHUTDINOV Dinar Insurovich – head of the IT Department of EvrAzNIIPP;
KAURAKOVA Maria Viktorovna – PhD, head of the Department of Scientific Publications;
KULAGIN Alexander Vladimirovich – head of the Publishing Center of EvrAzNIIPP;
PETROV Dmitry Vyacheslavovich – head of the News Department;
POLYANSKAYA Veronika Vladimirovna – copy editor;
RAGULINA Indira Tagirovna – assistant to the Editor-in-Chief.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения редакции журнала.
© Евразийская адвокатура, 2017.

Содержание

ПЕРСОНА

Квалифицированная юридическая помощь – гарантия защиты прав и свобод.
Интервью с профессором кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН, доктором юридических наук, профессором, членом экспертного совета при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Еленой Валерьевной Виноградовой 7

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Захаренков Д.Н.
Основные начала организации и деятельности адвокатуры советского периода 10

Бондаренко Ю.В.
Церковь и государство в Западной Европе: проблемы взаимодействия 14

Алиев О.Ф.О.
Историко-правовой обзор проблем вынужденной миграции 17

Барановский А.А.
История создания и деятельности Киевского Совета присяжных поверенных (1916–1919 гг.) 26

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДВОКАТУРЫ

Мельниченко Р.Г.
Три тенденции адвокатского нормотворчества в поправках 2017 г. 38

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ

Султанов А.Р.
Копипаст как отказ в правосудии 40

Нечкин А.В., Стальнова М.А.
Срок исковой давности и приказное производство: конституционный и процессуальный аспект новелл отечественного законодательства 45

Мелконян Д.А.
Исковая давность в спорах по признанию сделок недействительными 50

Юрова И.О.
Добросовестность при осуществлении гражданских прав 53

Белозерова И.И.
Адвокат в уголовном процессе Республики Вьетнам 57

Калинкина Л.Д., Соткова В.В.
Возражения адвоката-защитника – форма протеста на действия председательствующего в судебном заседании с участием присяжных заседателей 60

Крысина Н.Р.
Собирание и представление доказательств защитником при производстве с участием присяжных заседателей 66

ПРАВОСУДИЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Кудрявцев В.Л.
Правовые и процессуальные проблемы определения предмета преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта» 70

Джафарли В.Ф.
Критический уголовно-правовой анализ статьи 159[6] Уголовного Кодекса Российской Федерации «Мошенничество в сфере компьютерной информации» 85

Ванюшева Я.В.
Коррупционные факторы, способствующие торговле людьми 89

Добряков Д.А.
К вопросу о неприменимых видах наказаний в уголовном законодательстве Российской Федерации 93

Игбаева Г.Р.
Контракт о службе в органах внутренних дел как административный акт 98

Ахметшин Р.А.
Особенности деятельности сотрудников органов внутренних дел при выявлении мелкого хищения чужого имущества на месте совершения административного правонарушения 102

Янбухтин Р.М., Игбаева Г.Р.
Перспективные направления формирования позитивного образа полиции в общественном мнении 104

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Канатов Т.К.
Классификация объектов авторского права и смежных прав в странах Евразийского экономического союза 108

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 115

Contents

PERSONA

The qualified legal aid – a guarantee of protection of the rights and freedoms.

Interview with Elena Valeryevna Vinogradova – professor of chair of judicial authority, law-enforcement and human rights activity of Legal institute of RUDN, doctor of juridical sciences, professor, member of advisory council at Committee of the Federation Council on the constitutional legislation and state construction 7

HISTORICAL EXPERIENCE

Zakharenkov D.N.
Problems of realization of the principle of independence in the relationship between advocacy and the state 10

Bondarenko Y.V.
Church and state in Western Europe: problems of interaction 14

Aliyev O.F.O.
The historical and legal review of problems of the compelled migration 17

Baranowski A.A.
The history of the establishment and activities of the Kiev council of sworn attorneys (1916–1919) 26

PROBLEMS OF ORGANIZATION AND ADVOCACY PROFESSION FUNCTIONING

Melnichenko R.G.
Three trends law rulemaking in 2017 amendments 38

ACTUAL PROBLEMS OF ADVOCACY PRACTICE

Sultanov A.R.
Copy-paste as a denial of justice 40

Nechkin A.V., Stalnova M.A.
The statute of limitations and writ proceedings: the constitutional and procedural aspect of the novels of domestic legislation 45

Melkonyan D.A.
The statute of limitations in disputes on the recognition of transactions as invalid 50

Yurova I.O.
Welfare in the implementation of civil rights 53

Belozerova I.I.
Advocate in criminal trial of the Republic Vietnam 57

Kalinkina L.D., Sotkova V.V.
Objections of a defense attorney – a form of protest against the actions of the presiding judge in jury trials 60

Krysina N.R.
Collection and presentation of evidence by the defense counsel during the legal procedure with the participation of jurors 66

JUSTICE AND LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE EURASIAN SPACE

Kudryavtsev V.L.
Legal and procedural problems of definition of subject of crime under article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation «Making a knowingly unjust sentence, decision or other judicial act» 70

Dzhafarli V.F.
Critical criminal-law analysis of Art. 159[6] of the Criminal Code of the Russian Federation «Fraud in the field of computer information» 85

Vanyusheva Y.V.
Corruption factors contributing to human trafficking 89

Dobryakov D.A.
To the issue of dormant types of punishments in the criminal legislation of the Russian Federation 93

Igbaeva G.R.
The contract on service in bodies of internal Affairs as an administrative act 98

Akhmetshin R.A.
Features of activity of employees of internal affairs bodies in identifying petty theft of another's property at the place of committing an administrative offense 102

Yanbuhtin R.M., Igbaeva G.R.
Prospective directions for the formation of police positive image in public opinion 104

ACTUAL PROBLEMS OF LAW SCIENCE AND PRACTICE

Kanatov T.K.
Classification of objects of copyright and related rights in the Eurasian Economic Union 108

ABOUT THE AUTHORS 115

КВАЛИФИЦИРОВАННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ – ГАРАНТИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД

Интервью с профессором кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН, доктором юридических наук, профессором, членом экспертного совета при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Еленой Валерьевной Виноградовой.

THE QUALIFIED LEGAL AID – A GUARANTEE OF PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS

Interview with Elena Valeryevna Vinogradova – professor of chair of judicial authority, law-enforcement and human rights activity of Legal institute of RUDN, doctor of juridical sciences, professor, member of advisory council at Committee of the Federation Council on the constitutional legislation and state construction.

Визитная карточка

Виноградова Елена Валерьевна родилась 29 октября 1962 г. в Ташкенте. После окончания вуза в 1984 г. работала в научно-исследовательском институте Госстроя РСФСР. В 1995 г. окончила юридический институт МВД России. Работала старшим преподавателем, доцентом, профессором в Ставропольском государственном университете. В 1998 г. защитила кандидатскую, в 2001 г. – докторскую диссертацию по тематике экологической безопасности. В 2002–2016 гг. работала на различных должностях в Генеральной прокуратуре, Совете Федерации, Конституционном Суде Российской Федерации. Награждена благодарностями Председателя и Руководителя Аппарата Совета Федерации, медалью «20-летие Конституционного Суда Российской Федерации». С 2009 г. – Государственный советник Российской Федерации 1 класса.

Соавтор ежегодных докладов Совета Федерации о состоянии законодательства Российской Федерации 2004–2009 гг. Имеет около 100 публикаций, в том числе четыре монографии и три учебника, соавтор пяти Комментариев к Уголовному кодексу Российской Федерации.

Замужем, четыре дочери.

– Здравствуйте, уважаемая Елена Валерьевна! Спасибо, что нашли время для интервью. Первый традиционный вопрос: расскажите о Вашем пути в юриспруденцию.

– Юристом я стала не сразу. Очевидные гуманитарные способности, о которых все говорили еще в школе, предполагали, что буду поступать в юридический вуз. Но папа, который тогда работал следователем по особо важным делам прокуратуры республики, был категорически против. Он считал, что работа юриста так или иначе соприкасается с людьми, совершающими преступление. А это совсем не для женщин. Считал, что будет правильно, если моя профессиональная жизнь будет связана с благородными, честными романтичными людьми. Вот за этой романтикой я отправилась на горно-геологический факультет и долгое время полагала, что это действительно моя жизнь. Работала в геологических экспедициях: тайга, горы, Тихий океан… романтика. Потом, когда появились дети, работала в научно-исследовательском институте, который занимался проблемами геоэкологии. Здесь поняла, что эти проблемы невозможно решать без правовых знаний. Поступила в юридический институт, окончила его, защитила кандидатскую, а потом докторскую диссертацию по экологической проблематике. После защиты докторской предложили переехать в Москву в НИИ Генеральной прокуратуры. Работа в НИИ предполагала очень тесный контакт с Комитетом Совета Федерации по правовым и судебным вопросам, для которого в качестве эксперта я часто готовила материалы к заседаниям Конституционного Суда Российской Федерации. Через какое-то время в Совете Федерации мне предложили работу по обеспечению представительства Совета Федерации в Конституционном Суде. Вначале было очень сложно. И глубина задач, и высочайший уровень представительства требовали не только глубоких знаний, но и умения отстаивать свою позицию, выстраивать отношения с другими представителями сторон. С 2003 года в качестве представителя Совета Федерации, как стороны, принявшей (подписавшей) оспариваемый нормативный правовой акт, я стала участвовать в заседаниях Конституционного Суда. Затем около десяти лет представляла Совет Федерации в Конституционном Суде почти во всех заседаниях.

– Скажите, у Вас в этот период оставалось время на научную работу?

– В Совете Федерации в составе рабочих групп я принимала участие в создании ежегодных докладов Совета Федерации о состоянии законода-

тельства Российской Федерации 2004–2009 годов. Времени было, конечно, мало. Но всегда продолжала преподавать. По приглашению В.В. Гребенникова в 2004 году пришла в РУДН профессором кафедры: вначале конституционного и муниципального права, а затем судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности. Преподавала, писала научные статьи, осуществляла подготовку магистров и аспирантов. Но основной работой были подготовка и осуществление представительства в Конституционном Суде Российской Федерации

– Считаете ли Вы, что представительство в КС РФ близко к адвокатской деятельности?

– Безусловно, представительство в любом суде, Конституционный Суд здесь не исключение, по своей внутренней сущности сродни работе адвокатов. Выступая как представитель стороны, ты должен обеспечить правовыми аргументами ее позицию. Должен быть готов находить юридически верные конструкции, которые позволят позицию противоположной стороны сделать менее веской, убедить всех присутствующих в процессе (не только стороны и судей КС РФ, но и журналистов, представителей органов власти, правозащитников) в том, что озвучиваемая позиция направлена на обеспечение гарантий защиты законных прав и свобод личности, общества, государства.

– Каковы, на Ваш взгляд, перспективы законодательного регулирования представительства в судах?

– Сейчас эта тема весьма актуальна, об этом много говорят. Нет так давно, 27 сентября 2017 года, одним из депутатов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен законопроект об осуществлении представительства сторон в судах.

Нужно отметить, что предложенная инициатива затрагивает комплекс вопросов, среди которых повышение качества юридического образования в стране, обоснование стоимости юридических услуг, предоставление бесплатной юридической помощи в гражданском судопроизводстве и т. д.

Согласно данному законопроекту представителями в судах общей юрисдикции и арбитражных судах могут быть только граждане, имеющие высшее юридическое образование. Что касается иностранных организаций, то они вправе выступать представителями граждан и организаций в судах при условии их аккредитации при общероссийской общественной организации граждан, которые имеют юридическое образование.

Очевидно, что вопросы профессионального представительства в различных видах судопроизводства (гражданском, административном, уголовном и конституционном) приобретают огромную значимость в современной России. В нынешних условиях, исходя из принципа состязательности и усложнения законодательства, реализация права на судебную защиту затруднительна без возможности воспользоваться услугами профессионального юриста-представителя. Поэтому установление действенного механизма гарантирования права на получение квалифицированной юридической помощи приобретает значительную актуальность.

В то же время рыночные механизмы, действующие в сфере оказания юридической помощи, порой делают недоступной для некоторых слоев населения саму помощь профессионального юриста и лишают таких граждан, по сути, возможности защитить свои нарушенные права в суде эффективным способом.

Наличие проблем, связанных с профессиональным представительством в российских судах, делает актуальным обсуждение этой тематики в профессиональном сообществе.

– Можно ли сказать, что Вы сторонник позиции, что реализация права на судебную защиту невозможна без профессиональной квалифицированной юридической помощи?

– Да, конечно. Предусмотренное статьей 48 Конституции РФ право на квалифицированную юридическую помощь является частью действенного механизма судебной защиты, поэтому в настоящее время, учитывая развитие рыночных механизмов, проблемы, существующие в сфере оказания юридической помощи, требуют внимания. Здесь нужно отметить, что эти проблемы затрагивают комплекс вопросов, среди которых повышение качества юридического образования в стране, предоставление бесплатной юридической помощи, обоснование критериев качества юридических услуг. Напомню, что концепция регулирования рынка юридических услуг уже несколько лет разрабатывается в Министерстве юстиции РФ.

Кстати, в ближайшее время в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ будет проходить круглый стол на тему «Актуальные проблемы профессионального судебного представительства». Я планирую участие в этом мероприятии. Предполагается, что будут обсуждаться вопросы профессионального судебного представительства. Исследование этой темы имеет большое практическое значение и невозможно без теоретического обоснования

понятия профессионального представительства, обсуждения возможности его нормативного закрепления.

Большой интерес, на мой взгляд, представляет обсуждение возможности закрепления адвокатской монополии на ведение дел в суде. Этот вопрос имеет давнюю историю.

Более чем двадцать лет назад возникла дискуссия о том, предполагает ли право на квалифицированную юридическую помощь то, что она может быть оказана только членами профессионального сообщества, и если ее оказывают только члены профессионального юридического сообщества, означает ли это, что право на ее оказание имеют только адвокаты. Иными словами, защита интересов лица должна осуществляться по желанию этого лица любыми лицами, или конституционная обязанность государства предоставлять всем нуждающимся квалифицированную юридическую помощь предполагает необходимость привлекать для защиты своих интересов исключительно адвокатов?

В ходе Конституционного Совещания в проект статьи 48 Конституции вносились поправки, ограничивающие круг лиц, оказывающих юридическую помощь, только членами коллегии адвокатов, которые были отклонены, чтобы избежать монопольного права адвокатов оказывать юридическую помощь.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 28 января 1997 г. № 2-П указал, что гарантированность права на получение квалифицированной юридической помощи означает конституционную обязанность государства обеспечить каждому желающему достаточно высокий уровень любого из видов предоставляемой юридической помощи (не только в уголовном процессе, но и в любой другой сфере деятельности, где возникает необходимость в такой помощи), но не означает обязанности гражданина непременно пользоваться помощью только такого уровня, если, конечно, при этом не нарушаются конституционные принципы судопроизводства, а также права и интересы других лиц.

Тем самым предполагается возможность выбора между различными уровнями квалификации предоставляемой юридической помощи – адвоката, чья квалификация подтверждается предъявлением ордера юридической консультации, и защитника, не являющегося адвокатом, от которого подтверждения квалификации не требуется.

Вероятно, следует уделить внимание изучению зарубежного опыта профессионального судебного представительства.

Кроме этого, предполагается обсуждение других важных проблем, связанных с профессиональным представительством: гонорар успеха, бесплатная юридическая помощь и др., решение которых позволит создать эффективную модель института представительства в суде.

– Что Вы можете пожелать нашему журналу и его читателям?

– Журналу – интересных авторов, расширения читательской аудитории, успехов, всего самого хорошего.

– Большое спасибо Вам за беседу!

Беседовал доктор юридических наук, доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
А.В. Рагулин

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация:
Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-917-40-61-340

Захаренков Д.Н.

ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТУРЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

***Цель**: Определить базовые основы организации и деятельности адвокатуры в СССР.*

***Методология**: Использовались диалектический и историко-правовой методы.*

***Результаты**: В настоящей статье поэтапно рассматривается советское законодательство об адвокатуре. Автор исследует динамику развития правовой регламентации наиболее важных вопросов организации и деятельности адвокатуры.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Статья обладает определенной научной ценностью.*

***Ключевые слова**: адвокатура, СССР, принципы.*

Zakharenkov D.N.

PROBLEMS OF REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF INDEPENDENCE IN THE RELATIONSHIP BETWEEN ADVOCACY AND THE STATE

***Purpose**: Define the basic principles of the organization and activities of the advocacy in the USSR.*

***Methodology**: Dialectical and historical legal methods were used.*

***Results**: The Soviet legislation on the legal profession is gradually considered in this article. The author examines the dynamics of the development of legal regulation of the most important issues of the organization.*

***Novelty/originality/value**: Article has a certain scientific and practical value.*

***Keywords**: Advocacy, USSR, principles.*

После Октябрьской революции 1917 года к власти в стране пришли большевики, ратовавшие за полное уничтожение буржуазно-помещичьего государственного аппарата. Адвокатура и суд расценивались ими как «неотъемлемая часть всей государственной машины буржуазного общества», основной задачей которой являлась защита интересов буржуазии, а потому они были ликвидированы Декретом о суде № 1 от 22 ноября 1917 года. Теперь согласно статье 3 Декрета № 1 осуществлять представительство в гражданском и защиту в уголовном процессах могли «все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданским правами», что привело к снижению в этот период качественного уровня юридической помощи [3, с. 17].

Постепенно вместо адвокатуры начали учреждаться иные формы организации юридической помощи, первыми из которых стали коллегии правозаступников, регламентированные изданным 7 марта 1918 года Декретом о суде № 2.

Затем Декретом (Положением) о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 года коллегии правозаступников преобразовались в коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе. Коллегии комплектовались по усмотрению исполкомов советов, за деятельностью коллегий был установлен государственный контроль, осуществляемый губернскими отделами юстиции, а члены коллегий считались должностными лицами и получали содержание в размере оклада, который приравнивался к окладам судей народных судов. Таким образом было положено начало тенденции «огосударствления» института защиты, существовавшей практически в течение всего периода советской власти. «Защитники являлись такими же чиновниками, как и судьи. Получая жалование от государства, они равнодушно взирали на события, происходящие в суде», – писал Н.В. Палибин [6, с. 109].

Интересен тот факт, что Положение предусматривало создание органа корпоративного самоуправления – совета коллегии, избираемого на общем собрании членами коллегии сроком на один год и полномочного выделять судебным учреждениям защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданских процессах. С другой стороны, учрежденные советы были лишь зачаточной формой организации на пути становления самоуправляемости, так как они обладали чрезвычайно узкими полномочиями, вопросы их внутреннего управления не были регламентированы.

Что же касается требований, предъявляемых к членам коллегий, то по-прежнему отсутствовали какие-либо условия об образовании или стаже юридической деятельности: члены коллегии избирались на общих со всеми должностными лицами основаниях из состава лиц, обладающих активным и пассивным избирательными правами.

В период новой экономической политики острее встал вопрос о необходимости учреждения формально самоуправляемой корпорации адвокатов как свидетельства законности советской правовой системы внутри страны и за рубежом [9, с. 170]. На IV Всероссийском съезде деятелей со-

ветской юстиции комиссар юстиции Д. Курский высказался по поводу дальнейших перспектив института защиты: «Либо мы создадим организацию адвокатов, которая будет находиться под нашим контролем, либо возьмет верх частная практика» [9, с. 66].

В результате сперва было разработано Положение ВЦИК об адвокатуре от 26 мая 1922 года, которым вновь возрождалась адвокатура через создание коллегий защитников при губернских отделах юстиции. Следом за ним было принято Положение о коллегии защитников от 5 июля 1922 года, детализирующее и уточняющее порядок деятельности коллегий защитников, а также регламентирующее процедуру вступления в коллегию с определением обязательных для члена коллегии требований: 2-летний стаж или сдача специального экзамена. На основе вышеназванных документов стали создаваться новые адвокатские организации: 8 октября 1922 года на собрании московской адвокатуры был избран президиум коллегии, 16 октября была образована коллегия защитников Самарской губернии. Более того, последовали предложения по созыву Всероссийского съезда советских адвокатов [7, с. 58].

Несмотря на то, что законодатель наконец признал необходимость учреждения советской адвокатуры, в ней все же сохранялись такие негативные элементы, как государственный и партийный контроль.

Впоследствии норма о коллегиях защитников нашла свое отражение в статье 17 Основ судоустройства Союза ССР и союзных республик от 29 октября 1924 года. Примечательно, что со времен революции это был первый единый законодательный акт, затрагивающий сферу адвокатуры в масштабах всей страны.

После принятия Конституции СССР 1936 года институт адвокатуры подвергся дальнейшему и более широкому реформированию – на уровне СССР было утверждено Положение об адвокатуре СССР от 16 августа 1939 года. Данное Положение сформировало новую территориальную организацию адвокатуры: в краях, областях, автономных республиках и союзных республиках, не имеющих областного деления, образовывались областные, краевые и республиканские коллегии адвокатов. Статья 14 Положения формально устанавливала самоуправление коллегий: все вопросы, связанные с организацией и деятельностью коллегии адвокатов (прием в коллегию, избрание органов коллегии, дисциплинарное производство в отношении адвокатов и т. д.) разрешаются общим собранием членов коллегии адвокатов и президиумом коллегии адвокатов. И.И. Мартинович, характеризуя Положение, отмечала, что оно «сохраняло и развивало демократические принципы самоуправления коллегий адвокатов» [4, с. 75].

В то же время общее руководство деятельностью коллегий осуществлялось Народным комиссариатом юстиции СССР через наркомов юстиции республик и управления НКЮ республик при областных и краевых советах депутатов трудящихся, в которые, к примеру, могли быть обжалованы решения о наложении дисциплинарного взыскания или о приеме в члены коллегии. Тем самым на адвокатуру продолжало оказываться давление со стороны аппарата власти.

С другой стороны, в Положении получили развитие квалификационные требования к адвокату: членами коллегий могли быть как лица с высшим юридическим образованием, так и без образования или со средним образованием, но имеющие стаж юридической деятельности на должностях, указанных в Положении.

Говоря о Положении об адвокатуре СССР, следует отметить продолжавшееся «огосударствление» адвокатуры, которое характеризовалось возможностью прямого вмешательства государственных органов в деятельность коллегий и возложением на президиумы обязанности предоставлять отчеты о деятельности коллегий в соответствующий территориальный орган НКЮ. В связи с вышесказанным представляется, что и предусмотренное Положением территориальное деление коллегий было направлено на оптимизацию контроля Наркоматов юстиции за деятельностью адвокатов.

Вместе с тем адвокатура была выведена из подчиненности судам, полезность чего подчеркивал М.А. Чельцов: «Специфика адвокатской работы, ставящая адвокатов в необходимость соприкосновения с клиентами – тяжущимися и подсудимыми, требует сохранения самоуправляющейся адвокатской организации, независимой от тех органов – суда и прокуратуры, с которыми ее представители не только встречаются на общей для них работе, но и сталкиваются» [10, с. 124–125]. Аналогичная позиция высказывалась и Н.В. Крыленко: «Только при независимости и автономии от суда и прокурора каждый адвокат сможет защищать подсудимого согласно своему политическому разуму и совести, вступая в спор за право и материальную истину с прокурором и судом» [5, с. 2]. По мнению А.Д. Святоцкого, принятие Положения 1939 года ознаменовало новый этап в развитии демократических принципов организации и деятельности советской адвокатуры [8, с. 108].

Одновременно с этим на период действия Положения об адвокатуре СССР 1939 года пришлась активная политизация адвокатуры (п. «г» ст. 18 Положения законодательно закреплял необходимость мероприятия по повышению идейно-политического уровня членов коллегии) и рост давления на членов адвокатского сообщества путем внедрения членов партии в коллегии и отвода неугодных из их состава, а также проведения массовых репрессий, в том числе в отношении адвокатов.

25 декабря 1958 года в свете наметившейся «либерализации» политической жизни и проводившейся судебной реформы был принят Закон СССР «Об утверждении Основ законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик», которым Верховным Советам союзных республик делегировались полномочия по утверждению Положений о коллегиях адвокатов в республиках. Однако следует отметить, что при разработке соответствующих актов правительства союзных республик опирались на Положение об адвокатуре СССР, утратившее силу только 30 июня 1976 года.

Из нововведений Положение об адвокатуре РСФСР, утвержденное 25 июля 1962 года, установило, что адвокатской деятельностью может заниматься только член коллегии адвокатов; для лиц с высшим юридическим образованием предусматривался также обязательный 2-летний стаж работы по специальности, а в исключительных случаях в коллегию могли приниматься лица без образования, но с 5-летним стажем. Положение установило важнейшую обязанность адвоката – использовать все указанные в законе средства и способы защиты прав и законных интересов граждан, предприятий, учреждений, организаций и колхозов, обратившихся к нему за юридической помощью; соблюдать адвокатскую тайну, запрет на допрос в качестве свидетеля по обстоятельствам, ставшими известными в связи с исполнением обязанностей защитника.

В Положении уточнялся порядок организации и деятельности органов самоуправления коллегии, однако стоит подчеркнуть, что централизация адвокатуры как в пределах каждой союзной республики, так и в масштабе Советского Союза на данном этапе отсутствовала. Сохранялись подотчетность реорганизованным Министерству юстиции, Советам Министров автономных республик, исполнительным комитетам городских Советов депутатов трудящихся и возможность их прямого вмешательства в деятельность коллегий.

Таким образом, несмотря на определенное развитие, на которое обращают внимание многие ученые (к примеру, Е.Г. Дубков считал адвокатуру того времени добровольной, самоуправляемой общественной организацией, независимой от органов следствия, суда, прокуратуры, а также и клиента, призванной путем оказания юридической помощи защищать права и законные интересы граждан и организаций законными способами и средствами, содействуя тем самым соблюдению законности и осуществлению правосудия [2, с. 3]), Положение РСФСР все же не решило главную проблему отечественной адвокатуры – ограничение независимости от государственных органов, препятствующее полноценной защите прав и свобод граждан.

Завершающим этапом регулирования советской адвокатуры стало принятие 30 ноября 1979 года Закона СССР «Об адвокатуре в СССР». Закон внес существенный вклад в регулирование института адвокатуры, определил основные ориентиры его дальнейшего развития. Теперь наличие высшего образования признавалось обязательным требованием, устанавливались общие права и обязанности адвоката, а также порядок образования коллегии, но проблема независимости адвокатуры все же оставалась открытой.

Закон продолжил курс децентрализации законодательства об адвокатуре, провозгласив, что «законодательство Союза ССР и союзных республик об адвокатуре состоит из настоящего Закона… и издаваемых в соответствии с ним положений об адвокатуре, утвержденных Верховными Советами союзных республик, и других актов законодательства Союза ССР и союзных республик». Если Закон СССР определял основные ориентиры, то республиканские положения регулировали организацию и деятельность адвокатуры более обширно, самостоятельно устанавливали порядок приема в коллегию, вопросы поощрений и дисциплинарных взысканий.

К примеру, Законом РСФСР от 20 ноября 1980 года вводилось Положение об адвокатуре РСФСР, сохранявшее в целом основную линию Положения 1962 года, за исключением небольших отличий: например, в качестве уступки сторонникам независимой и самоуправляемой корпорации адвокатов безусловное право отчисления вновь принятого члена коллегии Советом министром и иными руководящими органами было заменено на возможность приостанавливать решение о приеме и вносить этот вопрос в президиум коллегии адвокатов на новое рассмотрение

(это касалось не только приема в коллегию, но всех решений президиума или общего собрания, которые не соответствовали законодательству), давая адвокатскому сообществу самостоятельно принять новое решение. Положения иных республик Союза также не отличались внедрением особых новшеств.

Положение об адвокатуре РСФСР 1980 года и другие Положения об адвокатуре советских республик продолжали действовать вплоть до принятия новых законодательных актов уже после распада СССР.

Резюмируя, отметим, что советская адвокатура выработала систему принципов организации и деятельности, в некотором роде схожую с принципами уставной адвокатуры. При этом необходимо выделить и определенную долю отличий правового положения адвокатуры в период Российской империи и СССР. Так, согласимся со справедливым замечанием С.Н. Гаврилова о том, что существовавшая ранее – в период действия Судебных Уставов – как в достаточной мере самоуправляемая организация, адвокатура в значительной степени потеряла это важное свойство в советский период. А проведенные в этот период преобразования корпорации вызывались скорее не стремлением усовершенствовать этот институт как организацию правозащитную, а намерением законодателя создать управляемую органами государства структуру, вписывающуюся в новый общественный и государственный порядок [1, с. 25].

Итак, на заключительном этапе советской истории, претерпев множество изменений, сформировались следующие принципы организации и деятельности адвокатуры, нашедшие отражение, в частности, в Положении об адвокатуре РСФСР от 1980 года: соблюдение и укрепление социалистической законности, корпоративность на основе коллегий, частичная независимость при подотчетности исполнительным органам государства и под общим руководством Совета народных депутатов, добровольность объединений в коллегии, соблюдение квалификационных требований, оказание бесплатной юридической помощи в предусмотренных законом случаях, неразглашение сведений, полученных от доверителя, избежание конфликта интересов, моральная чистота, политичность. Многие из этих принципов получили дальнейшее развитие в нормах современного законодательства об адвокатуре.

Пристатейный библиографический список

1. Гаврилов С.Н. Актуальные вопросы организации адвокатуры и участия защитника в уголовном процессе в России. История и современность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.
2. Дубков Е.П. Демократические основы организации советской адвокатуры: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1965.
3. Клевцов А.В. Становление и развитие российской адвокатуры в советский период (1917–1991). Историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
4. Кодинцев А.Я. Управление советской адвокатурой накануне Великой Отечественной войны // Адвокат. 2007. № 6.
5. Крыленко Н.В. Задачи советской защиты // Советская юстиция. 1936. № 27.
6. Палибин Н.В. Записки советского адвоката: 20–30-е гг. Paris: YMCA-press, 1998.
7. Ривлин Э.С. Советская адвокатура. М.: Правовая защита, 1926.
8. Святоцкий А.Д. Учреждение и развитие советской адвокатуры: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Львов, 1986.
9. Хаски Ю. Российские адвокаты и советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры. 1917–1939. М., 1993.
10. Чельцов М.А. Об адвокатской профессии и юридической природе советской адвокатуры // Советское государство и право. 1940. № 7.

References (transliterated)

1. Gavrilov S.N. Aktual'nye voprosy organizacii advokatury i uchastija zashhitnika v ugolovnom processe v Rossii. Istorija i sovremennost': dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1998.
2. Dubkov E.P. Demokraticheskie osnovy organizacii sovetskoj advokatury: avtoref. dis. ...kand. jurid. nauk. M., 1965.
3. Klevcov A.V. Stanovlenie i razvitie rossijskoj advokatury v sovetskij period (1917–1991). Istoriko-pravovoj aspekt: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006.
4. Kodincev A.Ja. Upravlenie sovetskoj advokaturoj nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny // Advokat. 2007. № 6.
5. Krylenko N.V. Zadachi sovetskoj zashhity // Sovetskaja justicija. 1936. № 27.
6. Palibin N.V. Zapiski sovetskogo advokata: 20–30-e gg. Paris: YMCA-press, 1998.
7. Rivlin Je.S. Sovetskaja advokatura. M.: Pravovaja zashhita, 1926.
8. Svjatockij A.D. Uchrezhdenie i razvitie sovetskoj advokatury: istoriko-pravovoj aspekt: dis. ... kand. jurid. nauk. L'vov, 1986.
9. Haski Ju. Rossijskie advokaty i sovetskoe gosudarstvo. Proishozhdenie i razvitie sovetskoj advokatury. 1917–1939. M., 1993.
10. Chel'cov M.A. Ob advokatskoj professii i juridicheskoj prirode sovetskoj advokatury // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1940. № 7.

Бондаренко Ю.В.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

***Цель**: Проследить основные тенденции и характер изменений в сфере правового регулирования государственно-церковных отношений в отдельных странах Западной Европы.*

***Методология**: Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных методов, таких как анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, и специальных методов – исторический, системно-структурный, сравнительно-правовой.*

***Результаты**: Современное состояние правового регулирования в сфере отношений государства и Церкви свидетельствует о трансформации устоявшейся модели государственно-церковных отношений в ряде стран Европы, отражая дуализм традиций и неизбежных новаций.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Особый интерес представляет опыт тех государств, которые, следуя демократическим принципам признания свободы совести и свободы вероисповедания, сохраняют исторически сложившиеся традиции государственной конфессиональной политики во взаимоотношениях с институтами церкви.*

***Ключевые слова**: Церковь, конфессиональная политика, государство, свобода совести и вероисповедания.*

Bondarenko Y.V.

CHURCH AND STATE IN WESTERN EUROPE: PROBLEMS OF INTERACTION

***Purpose**: To trace the main trends and nature of changes in the sphere of legal regulation of state-church relations in individual countries of Western Europe.*

***Methodology**: The methodological basis of research is the complex of General scientific methods like analysis, synthesis, comparison, abstraction; and special methods – historical, systematic-structural, comparative legal.*

***Results**:The current state of legal regulation in the sphere of relations between the state and the Church testifies to the transformation of the established model of state-church relations in a number of European countries, reflecting the dualism of traditions and inevitable innovations.*

***Novelty/originality/value**: Special interest is in the experience of those states that, following democratic principles of recognition of freedom of conscience and freedom of religion, preserve the historically established traditions of state confessional politics in relations with the institutions of the church.*

***Keywords**: Church, confessional politics, state, freedom of conscience and religion.*

На протяжении многовековой истории отношения европейских государств и Церкви строились на началах взаимопроникновения. Современная Европа представлена различными моделями взаимоотношений Церкви и государства. В большинстве своем конституции стран Европы закрепили светскую модель политической организации общества, отделяющую Церковь и любые другие религиозные организации от государства. Но в целом ряде стран национальная Церковь сохраняет особый статус, что дает ей возможности пользоваться поддержкой и покровительством государства, включая и государственное финансирование ее деятельности посредством церковного налога, как например в Исландии и Дании. В этом случает Церкви принадлежат значительные преференции в сфере образования и других областях культуры. Прежде всего это характерно для тех стран Европы, где еще в эпоху реформаторского движения религиозные структуры были полностью инкорпорированы в государственный механизм. В то время как в преимущественно католических странах местные Церкви, находясь под властью Святого Престола в Риме, избежали прямого подчинения государству. В качестве иллюстрации достаточно взглянуть по обе стороны Ла-Манша.

Так, во Франции в эпоху буржуазной революции Декларация прав человека и гражданина 1789 г., являющая и поныне конституционную константу, провозгласила свободу совести и вероисповедания, положив начало светской модели государства: «Никто не должен испытывать стеснений в выражении своих мнений, даже религиозных, поскольку это выражение не нарушает общественного порядка, установленного законом». Правовая основа взаимоотношений церкви и французского государства была заложена законом о разделении церквей и государства от 9 декабря 1905 года на принципе полного отделения церкви от государства. Одновременно государство признало равноправие всех религиозных структур.

Для современной Франции в условиях активной интеграции мусульманской культуры с

притоком населения из тех регионов, что традиционно исповедуют ислам, вопрос о состоянии правового регулирования сферы конфессиональных отношений приобретает особую остроту. Усилия современного французского законодателя направлены на разработку и определение параметров наиболее оптимальной модели взаимоотношений основных элементов системы, в рамках которой интересы индивидуума, общества, государства и различных конфессиональных объединений могут быть максимально согласованы. Однако не все правовые новеллы во французском законодательстве бесспорны с точки зрения соблюдения прав и свобод. Так, недопущение использования религиозной символики в образовательных учреждениях привело в 2004 году к запрету на ношение мусульманскими девушками хиджаба, что вызвало массовые акции протеста не только мусульманской части французского сообщества, численность которого насчитывает более 2 миллионов человек. В толерантности французского законодателя усомнились многие активные представители европейского сообщества, усматривая в этом пример ограничительной политики в отношении представителей отдельных исповеданий, так как ношение женщиной хиджаба для традиционного ислама есть неизменная составляющая ее самоидентификации в мусульманском мире.

Если во Франции светские традиции прочно укоренились как важнейшая составляющая государственной политики, то Британия являет собой яркий пример совсем иной модели государственно-церковных отношений. Провозгласив свободу совести и свободу вероисповедания и следуя данным демократическим принципам, британский престол сохраняет исторически сложившиеся традиции государственной конфессиональной политики во взаимоотношениях с Англиканской церковью.

Еще в ходе церковной реформы в правление Генриха VIII, разорвавшего отношения с Ватиканом, английский монарх обрел главенство над Церковью Англии, что юридически было оформлено с принятием парламентом в 1534 году Акта о супрематии, согласно которому Королевское Величество определялся как Верховный Глава Церкви «Supreme Head of the Church of England», сохраняющего силу и поныне [2]. В свою очередь закон содержит категорическое указание в Акте о престолонаследии 1701 года на то, что британский монарх может принадлежать только Англиканской церкви и не вправе вступать в брак с лицом, исповедующим католицизм.

Сегодня вопрос о необходимости дальнейшей модернизации конфессиональной политики все чаще поднимается и в Великобритании, где традиции устоявшийся модели государственно-церковных отношений составляют одну из констант политической действительности и конституционного порядка. Так, 30 декабря 2016 г. британский журнал «Экономист» опубликовал статью под заголовком «Продвигаясь к светскому государству» [1], автор которой отметил, что основой для подобной публикации стали данные Национального Светского Общества Британии, общественной организации, провозгласившей своей целью ликвидацию религиозных привилегий. В докладе приводится достаточно длинный список предложений для того, чтобы урезать незаконные привилегии, которыми сегодня пользуются близкие к религии официальные лица и организации.

Острая потребность в том, чтобы утвердить ценности светского общества, возрастает на фоне роста влияния и увеличивающих сегодня число своих сторонников других религий, включая ислам. Все это происходит на фоне существующих привилегий, принадлежащих когда-то завоевавшей себе особое место в истории страны, но неуклонно сейчас численно «угасающей» Англиканской церкви. Сегодня эта организация охватывает образовательные учреждения, где обучается свыше 1 миллиона английских детей. Естественно, что подобное положение вещей побуждает руководителей других религий также выступить с требованием разрешить им открыть школы под своей эгидой.

В области образования предполагается, что правительство должно сделать «решительные шаги» по направлению к всесторонней системе светской школы. Религиозные школы необходимо лишить той прерогативы, которой они обладают в области найма и допуска. Также от них потребуется преподавать религию в нейтральной форме. Такие общественные церемонии, как дни поминовения по погибшим в войнах, коронация нового главы государства, носившие всегда религиозный характер, по твердому убеждению авторов доклада, должны быть заменены светскими процедурами. В частности, вместо коронационной службы в Вестминстерском аббатстве вокруг нового монарха, где суверен обязуется «поддерживать законы Всевышнего», предлагается проводить светский ритуал в соседнем Вестминстер Холле. Если же монарх пожелает, то можно провести дополнительное богослужение в аббатстве.

В чем причина подобного проникновения составителей доклада в столь чувствительную сферу

британской действительности? Ответ заключается в том, что Англиканская церковь играет весьма заметную роль в общественных и официальных церемониях. Тот факт, что 26 епископов англиканской церкви, или «духовных лордов», занимают места в Верхней палате британского парламента, можно рассматривать как своеобразный пережиток, который, тем не менее, несмотря на свое символическое значение, играет значительную роль в британской политической жизни. С другой стороны, составители указанного доклада начисто отклонили саму возможность предложения, инициированного год назад Комиссией по вопросам религии и убеждений в Британской общественной жизни, созданной в 2013 году Институтом Вульфа, согласно которому в Верхней палате британского парламента должны быть представлены и другие религии. В докладе прозвучала мысль о том, что подобное предложение является неконструктивным и внесет дезорганизацию среди неверующих.

Но такова природа англиканского религиозного истеблишмента, который, несмотря на все большую очевидность произошедших изменений в отношении к традиционной религии значительной части британского сообщества, сумел продемонстрировать исключительную силу своей устойчивости. Как монархия, так и Англиканская церковь сумела удержать некоторые из своих привилегий, при этом отдав большинство из них.

Конец прошедшего – начало XXI века повлекли за собой новый и достаточно серьезный виток секуляризации в ряде скандинавских монархических стран. Так, в 2012 году Парламентом Норвегии были внесены изменения в конституцию, согласно которой Церковь Норвегии утратила статус государственной, сохранив поддержку государства как «народная церковь», а в 2017 году окончательно отделилась от государства.

В 2000 году была отделена от государства Шведская евангелическо-лютеранская церковь согласно закону, принятому в 1995 г. С утратой ею статуса государственной все религиозные общины стали равноправными. Отныне все законы и решения, касающиеся Церкви, принимаются ее Церковным собором, а не риксдагом и правительством; назначения на все церковные должности осуществляются без участия государства; вместо церковного налога вводится членский взнос в размере 1,25 % с налогооблагаемой базы; вступление в лоно церкви совершается только путем крещения [3]. Вместе с тем отделение церкви от государства не отделило ее от сферы высокой политики. Как и прежде в общественной жизни церковь занимает активную и деятельную позицию по решению социальных задач, прибегая подчас к открыто политическим средствам борьбы. Церковь Швеции сегодня активно демонстрирует не только свою включенность в политическую жизнь страны, но и полное проникновение таковой в свою внутреннюю среду. Так, выборы Церковного собора и Церковного правления происходят по партийным спискам, состав которых отражает соотношение сил политических партий в стране, равно как и при замещении вакантных церковных должностей важную роль играет партийная принадлежность. Столь явная политизация деятельности церкви неоднозначно воспринимается самим шведским сообществом. И если одни в этом видят проявление активной позиции Церкви в жизни гражданского общества, то другие – угрозу «внутренней секуляризации» церкви.

Пристатейный библиографический список

1. Erasmus. Slouching towards secularism // The Economist. 2016. December, 20 th.
2. The original text of Henry VIII's 1534 Act of Supremacy [Электронный ресурс]. URL: http://www.britainexpress.com/History/tudor/supremacy-henry-text.htm.
3. Чернышева О. Первые итоги отделения Шведской церкви от государства. 2000–2011 гг. // Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа: сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. И.Р. Такала, И.М. Соломец. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012.

References (transliterated)

1. Erasmus. Slouching towards secularism // The Economist. 2016. December, 20 th.
2. The original text of Henry VIII's 1534 Act of Supremacy [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.britainexpress.com/History/tudor/supremacy-henry-text.htm.
3. Chernysheva O. Pervye itogi otdelenija Shvedskoj cerkvi ot gosudarstva. 2000–2011 gg. // Grani sotrudnichestva: Rossija i Severnaja Evropa: sb. nauch. st. / sost. i nauch. red. I.R. Takala, I.M. Solomec. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2012.

Алиев О.Ф.О.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ

***Цель**: Разработка историко-правового обзора различных проблем, возникающих в сфере вынужденной миграции.*

***Методология**: Использовались диалектический, формально-юридический и историко-правовой методы.*

***Результаты**: Вынужденная миграция в статье рассмотрена как одна из актуальных проблем современности, исследованы история и причины миграции, определены виды вынужденной миграции, рассмотрены проблемы правового регулирования вынужденной миграции, уделено особое внимание экологическому кризису и проблемам экологических беженцев.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Статья обладает определенной научной ценностью и практической значимостью.*

***Ключевые слова**: миграция, нелегальная миграция, вынужденная миграция.*

Aliyev O.F.O.

THE HISTORICAL AND LEGAL REVIEW OF PROBLEMS OF THE COMPELLED MIGRATION

***Purpose**: Development of the historical and legal review of various problems arising in the sphere of the compelled migration.*

***Methodology**: Dialectic, formal - legal and historical and legal methods were used.*

***Results**: The compelled migration in article is considered as one of current problems of the present, the history and the reasons of migration are investigated, types of the compelled migration are defined, problems of legal regulation of the compelled migration are considered, special attention is paid to ecological crisis and problems of ecological refugees.*

***Novelty/originality/value**: Article has a certain scientific value and the practical importance.*

***Keywords**: migration, illegal migration, the compelled migration.*

Введение

Легальную или нелегальную, добровольную или вынужденную миграцию людей в другие страны можно считать одной из чрезвычайно сложных и противоречивых проблем современности. Сегодня миграционные процессы охватили практически весь земной шар. В настоящее время каждый 35-й житель нашей планеты является международным мигрантом. А это означает, что мигрантами являются 175 миллионов человек, то есть 2,9 % населения мира. В Концепции Государственной Политики Управления Миграцией Азербайджанской Республики, целью которой является формирование политики оценки и управления текущей ситуацией в области миграции, указано, что экономические реформы, проводимые в Азербайджанской Республике в направлении развития рыночных отношений, контракты, подписанные с ведущими компаниями мира, которые уже начали приносить свои плоды, восстановление исторического «Шелкового пути» и благоприятное геополитическое положение Азербайджана послужили росту миграционных притоков в республику [14].

Как известно, выделяются следующие виды миграции:

1. «Выезд для работы по контракту». Данный вид миграции в основном имеет сезонный характер, включая миграцию малоквалифицированных работников в области сельского хозяйства;

2. «Утечка умов» – миграция высококвалифицированных специалистов;

3. «Нелегальная миграция» – это миграция людей, которые выезжают в зарубежные страны в качестве туриста, впоследствии остаются там и работают различными путями без разрешения местных властей;

4. «Беженство и вынужденное переселение» – мигранты, эмигрировавшие из-за страха, угрозы, геноцида и т. д. в связи с нарушением территориальной целостности своей страны в результате оккупационной политики другого государства, а также войнами и конфликтами в регионе;

5. «Политически мотивированная миграция» – переселение представителей различных политических партий или движений, обратившихся в основном к властям развитых стран в связи с предоставлением политического убежища [1, с. 331–337].

Таким образом, можем отметить, что международное массовое миграционное движение, включающее различные виды миграции, является актуальным процессом, связанным с коренны-

ми изменениями в жизни общества, с которым столкнулись миллионы людей мира.

История и причины миграции

Как мы отмечали, в зависимости от причин миграция может быть вынужденной и добровольной. Это свойственно как международной, так и внутренней миграции. Так как наше исследование охватывает проблемы вынужденной миграции, мы не коснемся здесь вопросов добровольной миграции. Так в чем же состоит вынужденная миграция? Миграция, происходящая по причинам, не зависящим от субъекта, называется вынужденной [4, с. 20–35]. Это общий термин, используемый для характеристики миграционных потоков, являющихся результатом элемента принуждения, в том числе опасности для жизни и существования, а также естественных и техногенных факторов [2, с. 12]. В качестве примера последствий подобных естественных и техногенных причин можно указать перемещение беженцев либо перемещение граждан внутри страны – образование «армии» вынужденных переселенцев, а также перемещение людей в результате стихийных и экологических катастроф, химических и атомных аварий, голода либо программ развития. История последних лет доказывает, что вынужденная миграция приводит к серьезным последствиям как для отдельных лиц, так и многих государств и мира в целом.

За многотысячелетнюю историю человечества процесс миграции продолжает выступать в качестве основной составной части жизни народов имеет место постоянное, непрерывное перемещение этносов по территории земного шара, начиная с древних времен. Это суждение можно выразить и иначе: мировая история состоит из чередования глобальных этнических передвижений вдоль поверхности планеты.

Человек на самых ранних этапах своего развития – в период первобытной общины – переселялся на новые земли, чтобы выжить. Так наши предки пытались решить такие проблемы, как истощение растительного и животного мира, увеличение численности населения на той или иной территории. Среди племен, занимающихся только охотничьим промыслом, подобное перемещение было результатом жесткой борьбы за места охоты. В эпоху широкого распространения общественной формы собственности существование каждого человека и семьи зависело от владения определенным земельным участком.

В древние времена одной из основных причин кочевания людей были этнические конфликты. В древних письменных источниках содержатся сведения, свидетельствующие о колоссальных этнических конфликтах. Например, начавшаяся с VI века до н.э. и неоднократно повторявшаяся депортация еврейского народа, вывод из Европы арабов, вступивших в нее в качестве оккупантов, вытеснение калмыков с исторической родины на северо-западе Китая, исторические данные о других народах доказывают, что такие события, как крупные межнациональные конфликты, оккупация, геноцид и изгнание из земель, не являются исключением и имели место практически во всех точках планеты.

Захват территории проживания других племен с целью порабощения и последующей продажи их членов как вещей известен давно. Подобной торговлей еще во II тысячелетии до рождества Христова (нашей эры) занимались финикийские пираты.

В средние века вынужденная миграция народов в Европе в основном происходила из районов вспышки эпидемий и голода в более стабильные регионы. Так как инфекционные болезни уничтожали целые города и жилые пункты, люди были вынуждены переселяться в другие, более отдаленные и безопасные места, чтобы избежать гибели.

Вынужденная миграция как одна из актуальных проблем современности

В современный период число факторов, приводящих к вынужденной миграции, стало еще больше. Например, в качестве главных причин вынужденной миграции можно назвать различного вида вооруженные и этнические конфликты, массовое ограничение прав и свобод человека, нарушение какого-либо единого государственного пространства (например, распад и исчезновение с политической карты мира таких государств, как СССР, Югославия), подвергание окружающей среды негативным изменениям в результате антропогенных воздействий и т. д. В истории бывшего СССР также произошли события, относящиеся к вынужденной миграции, например, отдельные народы и нации были полностью депортированы со своих древних земель и переселены в отдаленные, более жесткие по климату районы страны. Во время таких переселений часть людей, перевозимых в грузовых вагонах без каких-либо условий, гибла на дорогах, а некоторые не выдержали в регионах с жестким климатом, к которому не смогли адаптироваться [3, с. 182].

По статистическим данным, сегодня каждый 122-й человек в мире является беженцем, а половину из них составляют дети. Отчет «О глобальных

тенденциях», распространенный в июне 2015 г. Верховным Комиссариатом ООН по делам беженцев, доказывает, что число случаев вынужденного перемещения впоследствии войн, конфликтов и преследований растет самыми высокими темпами, которые были зарегистрированы до настоящего времени. «В конце 2014 г. число насильно переселенных людей составило 59,5 миллионов людей по сравнению с 37,5 миллионами десять лет назад, в 2005 г. Основной рост приходится на долю войны в Сирии с начала 2011 г., и данная война стала самой большой причиной, ...толчком для роста числа беженцев в мире. В 2014 г. в среднем 42500 человек ежедневно стали беженцем, ищущим убежище, или вынужденным переселенцем, что означает четырехкратный рост всего за четыре года. Хоть статистика и свидетельствует о том, что в настоящее время каждый 122-й человек в мире является беженцем или вынужденным переселенцем, нетрудно догадаться, что в реальности данная цифра отличается. В результате событий, произошедших в Северной Африке, Ираке и Сирии, только в 2014 году в Европу прибыло мигрантов на 45 процентов больше по сравнению с предыдущим 2013 годом. Катастрофы с мигрантами, происходящие в Средиземном море, становятся настоящим бедствием для Европы. Возраст 35 миллионов мигрантов составляет 20 лет, а 40 миллионов беженцев – колеблется от 20 до 29 лет» [15]. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) по итогам 2016 г. сообщило, что число беженцев, лиц, ищущих убежище и перемещающихся внутри страны, достигло рекордной отметки – 65,6 миллионов человек. А это на 300 тысяч больше по сравнению с 2015 годом. 80 % из них составляют женщины и дети. Только в Азербайджане в результате Нагорно-Карабахского конфликта имеется более 1 миллиона беженцев и вынужденных переселенцев. Сегодня в мире двадцать миллионов детей являются беженцами и вынужденными переселенцами, а многие находятся в заложниках, похищены или проданы.

Азербайджанская Республика занимает первое место в мире по количеству вынужденных переселенцев и беженцев, и данное число составляет 1 миллион человек. А в 1951 г. число беженцев во всем мире равнялось нынешнему числу людей с этим статусом в Азербайджане – всего один миллион. Сегодня каждый 35-й человек во всем мире и каждый 8-й в Азербайджане является мигрантом. Примерно 48 % мигрантов в мире и 53 % мигрантов в Азербайджане составляют женщины. 97–98 % мигрантов – внутренние, то есть граждане Азербайджанской Республики, вынужденные сменить местожительство внутри страны. Мигранты, поселившиеся и проживающие в других странах, в основном состоят из лиц разной национальной принадлежности, тогда как более 90 % мигрантов, поселившихся в Азербайджане, являются азербайджанцами по национальности [16].

Закон Азербайджанской Республики «О статусе беженцев и вынужденных переселенцев (лиц, переселенных в пределах страны)», принятый 21 мая 1999 г., стал одним из исторических документов в области регулирования проблем вынужденной миграции. В разделе «Общие положения» Закона в качестве основных понятий нашли свое отражение такие вопросы, как значение и юридический статус категорий беженца и вынужденного переселенца. В статье 2 Закона указано, что статус беженца не предоставляется лицу, совершившему преступление против мира, военные преступления, преступление против человечества и человечности; лицу, совершившему до въезда на территорию Азербайджанской Республики за ее пределами тяжкое или особо тяжкое преступление неполитического характера; лицу, виновному в совершении деяний, противоречащих цели и принципам Организации Объединенных Наций. Лицо, получившее статус беженца, пользуется правами и несет обязанности, предусмотренные законодательством Азербайджанской Республики для иностранцев и лиц без гражданства (статья 6). Большое значение представляет статья 20 Закона, устанавливающая основы международного сотрудничества: В целях устранения причин, вызывающих проблему беженцев и вынужденных переселенцев (лиц, переселенных в пределах страны), улучшения их материального положения и совершенствования правового статуса, а также добровольного возвращения беженцев в страну постоянного проживания, Азербайджанская Республика сотрудничает с другими государствами, международными организациями, в первую очередь с управлением Верховного комиссариата ООН по делам беженцев» [17].

Виды вынужденной миграции

Как мы отметили выше, вынужденная миграция определяется как территориальное передвижение людей, покинувших свое место жительства в результате насилия или преследований, совершенных по отношению к ним или их членам семьи, а также чрезвычайных ситуаций экономического, стихийного, техногенного характера [18].

Миграция, которой подверглись лица, покинувшие страну в результате гражданской войны и

массового насилия, впоследствии преследований из-за политических убеждений или принадлежности к различным социальным группам, люди, которых органы государственной власти не были способны либо не захотели защитить, является вынужденной миграцией, связанной с конфликтом. После окончания «холодной войны» в XX столетии число вооруженных конфликтов в мире, наоборот, продолжает расти. Большинство из них – конфликты, произошедшие на почве национальной, этнической или религиозной сепаратисткой борьбы. Большая часть данных вынужденных беженцев мигрируют, пересекая международные границы в поисках убежища. Например, наблюдается массовая миграция людей из таких стран, как Ирак, Сирия, Афганистан, Южный Судан.

«Тем не менее, одна из самых актуальных проблем, связанных с беженцами, как и с другими категориями вынужденной миграции (экологические беженцы, переселенные в пределах страны лица, «сосланные» лица, ищущие убежище лица и т. д.), состоит в том, что помимо международных документов, определяющих их статус, во многих государствах также действуют собственные национальные законодательные акты. Национальные документы, естественно, имеют отличительные особенности, учитывающие местные условия, и в них нашли свое отражение дополнительные критерии для определения тех или иных категорий вынужденной миграции» [5, с. 37].

В целом, как и другие виды миграции, вынужденная миграция может быть как международной, так и внутренней. В последнее время проблема вынужденной миграции стала еще актуальнее, но категории мигрантов, подпадающие под данный вид миграции, все еще точно не определены. Например, «беженцы», «ищущие убежище лица», «депортированные», «эвакуированные», «лица, перемещенные в пределах страны» или «вынужденные переселенцы» и т. д. То есть различные мигрировавшие лица могут быть признаны вынужденными мигрантами.

Считаем, что среди вышеперечисленных категорий вынужденных переселенцев имеется еще одна категория, на первый взгляд не соответствующая ее особенностям. Это «лица, ищущие убежище». Дело в том, что лица, ищущие убежище, обычно имеют достаточно времени и возможность обдумать переезд за границу. В качестве примера можно показать лиц, которые, прибыв в другую страну в качестве туриста, обращаются в соответствующие органы власти с целью получения статуса «беженца». Необходимо отметить, что подобные обращения удовлетворяются в редких случаях. Поэтому, по нашему мнению, лица, ищущие убежище, не должны считаться вынужденными мигрантами, они добровольно принимают решение покинуть страну, гражданами которой являются. Их к этому никто не принуждает. Они намеренно выезжают в зарубежные страны в качестве туриста и остаются в данных странах. Лица, ищущие убежище, на самом деле являются лицами, желающими получить более хорошую работу и условия жизни, и причины, вынуждающие их мигрировать, состоят только в экономических факторах.

Правовое регулирование вынужденной миграции

Проблема беженства, а также поиска убежища существовала с начала формирования человеческого общества. Но первые попытки решения этих серьезных проблем сделаны только в 1919 г. Лигой Наций. Так, после первой мировой войны и октябрьского большевистского переворота в России в мире появились миллионы беженцев. В 1923 г. общее число ищущих убежище людей в Европе составляло 2,5 миллиона. Совет Лиги Наций 26 февраля 1921 г. принял первое решение, связанное с русскими беженцами. В июне 1926 г. по инициативе Международного Комитета Красного Креста учреждена должность Верховного комиссара по беженцам и Бюро по делам беженцев. В 1930 г. после смерти первого руководителя данного бюро Ф. Нансена организация была переименована в Международную Организацию Нансена по беженцам. К функциям организации относились регистрация людей, выдача им временных дорожных документов, подключение большего количества правительств в Европе к действующим соглашениям о беженцах.

После прихода к власти в Германии фашистской партии и нацистского режима в 1933 г. в ответ на это было разработано международное соглашение обязательного характера. 28 октября 1933 г. Лига Наций приняла Конвенцию «О международном статусе беженцев». Документ был подписан восемью государствами. Согласно положениям Конвенции беженцы не подлежат экстрадиции и выводу из страны. В документе было закреплено также создание национальных комитетов по делам беженцев. В 1933–1938 гг. действовал специальный Верховный Комиссариат Лиги Наций по делам немецких беженцев. 4 июля 1936 г. было принято Соглашение «О статусе беженцев из Германии», 10 февраля 1938 г. – Конвенция «О статусе беженцев». Последним меж-

дународно-правовым соглашением, принятым накануне второй мировой войны, был Дополнительный протокол к Конвенции 1938 года. Данный Протокол, принятый в 1939 г., имел целью защитить австрийских беженцев, направившихся в страны Европы после оккупации Австрии Германией, и жертв нацистского преследования.

К сожалению, вторая мировая война поставила точку в деятельности Лиги Наций, и международная система защиты беженцев перестала функционировать. Но 9 ноября 1943 г. 44 государствами было создано Агентство Объединенных Наций по вопросам помощи и послевоенного восстановления (UNRRA). Одной из его главных задач было оказание содействия репатриации лиц, переместившихся во время войны, и привлечение к данному процессу органов власти. Организация за короткое время оказала соответствующую помощь двум миллионам беженцев и переместившихся лиц в Европе.

После окончания второй мировой войны 24 октября 1945 г. была создана Организация Объединенных Наций. В январе 1946 г. состоялась первая сессия Генеральной Ассамблеи ООН, и уже на первом заседании был обсужден вопрос беженцев. На основе Резолюции Генеральной Ассамблеи № 62/1 от 15 декабря 1946 г. была создана Международная Организация по делам беженцев. Согласно Резолюции № 319, принятой на IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшейся 3 декабря 1949 г., учреждено Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев.

В связи с беженцами, составляющими значительную часть вынужденных мигрантов, 28 июля 1951 г. была принята Конвенция «О статусе беженцев» под эгидой ООН. Здесь под понятием «беженец» подразумевается лицо, которое в результате событий, происшедших до 1 января 1951 года, и в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений [19].

Действие данной конвенции распространялось в основном на европейцев, ставших мигрантами впоследствии второй мировой войны. Но в 1967 г. Конвенция была дополнена специальным протоколом ООН, расширяющим сферу ее действия. Уже в 2000 г. к данному Протоколу присоединилось 134 страны мира. В Конвенции 1969 года, принятой Организацией Африканского Единства относительно беженцев, понятие «беженец» получило еще более содержательное определение. Во втором пункте статьи 1 Конвенции предусмотрено, что термин «беженец» применяется к любому лицу, которое вследствие внешней агрессии, оккупации, иностранного господства или событий, серьезно нарушающих общественный порядок в какой-либо части страны или во всей стране его происхождения или гражданской принадлежности, вынуждено покинуть место своего обычного проживания и искать убежище в другом месте за пределами страны своего происхождения или гражданской принадлежности.

Положения о беженцах содержатся и в других международных конвенциях и декларациях. Из них хотелось бы отметить следующие:

– Четвертая Женевская Конвенция «О защите гражданского населения во время войны» 1949 года. Цель документа состоит в защите жертв опасности среди гражданского населения. В статье 17 указано, что находящиеся в конфликте стороны постараются заключать местные соглашения об эвакуации из осажденной или окруженной зоны раненых и больных, инвалидов, престарелых, детей и рожениц и о пропуске в эту зону служителей культа всех вероисповеданий, санитарного персонала и санитарного имущества. Статья 44 Конвенции содержит вопросы, связанные с беженцами и переселенцами. В статье 73 дополнительного Протокола от 1977 г. предусмотрено, что беженцы и апатриды пользуются защитой, предоставляемой в соответствии с частями I и III Четвертой Женевской Конвенции;

– Конвенция «О статусе апатридов» 1954 года. Под термином «апатрид», или лицо без гражданства, подразумевается физическое лицо, не имеющее какого-либо гражданства или подданства и не обладающее доказательствами, которые могли бы установить принадлежность его к какому-либо гражданству или подданству. Человек может стать апатридом при рождении от родителей-апатридов, лишении гражданства государством, добровольном отказе от гражданства и прекращении государством своего существования. В статье 1 Конвенции «О статусе апатридов» предусмотрено, что данный статус не распространяется на беженцев. Далее в данной Конвенции излагаются нормативные положения, связанные со статусом апатридов. Согласно статье 2 Конвенции «у каж-

дого апатрида существуют обязательства в отношении страны, в которой он находится. В силу данных обязательств он, в частности, должен подчиняться законам и постановлениям, а также мерам, принимаемым для поддержания общественного порядка». Государства должны применять положения настоящей Конвенции к апатридам без какой бы то ни было дискриминации по признаку их расы, религии или страны их происхождения;

– Конвенция «О сокращении безгражданства» 1961 года. Государство – участник данной конвенции соглашается предоставлять свое гражданство любому рожденному на его территории лицу, которое иначе не сможет иметь какое-либо гражданство. Государство-участник соглашается не лишать лицо своего гражданства при соблюдении определенных условий, и если лишение гражданства сделало бы это лицо апатридом. В конвенции предусмотрено, что никакое лицо или группа лиц не должны быть лишены их гражданства по расовым, этническим, религиозным или политическим основаниям;

– Декларация Организации Объединенных Наций «О территориальном убежище» 1967 года. В данной Декларации Генеральной Ассамблеи ООН установлен ряд принципов, составляющих основу территориального убежища. В документе указано, что предоставление территориального убежища «является мирным и гуманным актом и поэтому не может рассматриваться никаким другим государством как недружелюбный акт». Согласно статье 4 государство, предоставляющее убежище, не должно позволять лицам, получившим убежище, заниматься деятельностью, противоречащей целям и принципам Организации Объединенных Наций. В Декларации закреплен основной гуманитарный принцип запрета принудительного возвращения назад, и содержится ссылка на статьи 13 и 14 Всеобщей декларации прав человека. Так, данные статьи предусматривают, что каждый человек имеет право покидать любую страну, возвращаться в свою страну, а также искать убежище и пользоваться им [12, с. 12–13].

Хотелось бы отметить, что Комитетом Министров Совета Европы также принят одноименный документ – Декларация «О территориальном убежище». В данном документе, принятом спустя 10 лет после соответствующей Декларации ООН – в 1977 г., члены Совета Европы, государства – участники Конвенции «О статусе беженцев» от 1951 г. подтверждают, что предоставят убежище любому лицу, имеющему вполне обоснованные опасения стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений. Данные государства подтверждают, что предоставление территориального убежища является мирным и гуманным актом, не считается недружественным актом по отношению к любому другому государству и должно уважаться всеми государствами [13].

Наряду с международными актами, имеющими целью регулировать потоки вынужденной миграции между странами, в решении данной проблемы значительную роль играют также документы регионального характера. В качестве примера можно отметить Дублинскую Конвенцию «О предоставлении убежища в странах Европейского Сообщества», Конвенцию Организации Африканского Единства «О беженцах», Картахенскую Декларацию «О беженцах» и другие документы.

В Африканской Конвенции, принятой 10 сентября 1969 г., говорится, что ее участники приложат все усилия в соответствии со своим внутренним законодательством, с тем чтобы принять беженцев и обеспечить устройство тех беженцев, которые по вполне обоснованным причинам не могут или не желают вернуться в страну своего происхождения или гражданской принадлежности.

Совет Европы принял несколько документов по вопросам о беженцах. Самые главные из них следующие:

1. Европейское Соглашение «Об отмене виз для беженцев» (1959 г.). Согласно статье 1 документа беженцы, законно проживающие на территории одной из Договаривающихся Сторон, освобождаются от обязательства приобретать визы для въезда на территорию или выезда с территории другой стороны. Их пребывание не превышает трехмесячного срока. Виза может потребоваться для пребывания, превышающего трехмесячный срок, или в целях получения оплачиваемой работы на территории другой страны;

2. Резолюция № 14 «О предоставлении убежища лицам, подвергающимся угрозе преследования» (1967 г.);

3. Европейское соглашение «О передаче ответственности за беженцев» (1980 г.);

4. Рекомендации «О согласовании национальных процедур, касающихся предоставления убежища» (1981 г.). Документ рекомендует правительствам государств-членов применять ряд принципов в своей законодательной и административной практике. Например, из них можно отметить следующие: все просьбы о предоставлении убежища рассматриваются объективно и

беспристрастно; решение в отношении просьбы о предоставлении убежища принимается лишь центральным органом; в случае признания просителя беженцем ему выдаются документы, подтверждающие его статус беженца, и т. д.;

5. Рекомендации «О защите лиц, удовлетворяющих критериям Женевской Конвенции и официально не являющихся беженцами» (1984 г.);

6. Дублинская Конвенция (1990 г.). Данный документ устанавливает критерии определения, какое государство-член несет ответственность за предоставление убежища, если заявитель подал заявление о предоставлении убежища одному или нескольким государствам – членам Европейского Сообщества. Согласно пункту V статьи 3 Конвенции любое государство-член сохраняет за собой право в соответствии со своим внутренним законодательством переадресовать заявителя, ходатайствующего о предоставлении убежища, к третьему государству.

В 1984 г. принята Картахенская Декларация. В ней определены правовые основы обращения с беженцами из Центральной Америки, включая принцип запрета принудительного возвращения, важность интеграции беженцев и усилия, направленные на устранение причин, вызывающих проблему беженцев на корню. Содержание, установленное для термина «беженец» в декларации, идентично с таковым в Конвенции Организации Африканского Единства. Под данным названием подразумеваются «лица, которые бежали из страны, поскольку их жизни, безопасности или свободе угрожали всеобщее насилие, иностранная агрессия, внутренние конфликты, массовые нарушения прав человека или другие обстоятельства, приведшие к серьезному нарушению общественного порядка» (пункт 3 части III). Положения Конвенции не распространяются на лиц, совершивших преступление против человечества, военных преступников, а также лиц, совершивших тяжкие преступления за пределами страны, предоставляющей им убежище, а также до въезда в данную страну в качестве беженца, виновных в совершении деяний, противоречащих цели и принципам ООН [6, с. 62–66].

Экологический кризис и экологические беженцы

Один из видов вынужденной миграции – это экологическая миграция, а одна из категорий вынужденных мигрантов – «экологические мигранты». Экологический кризис, возникший в результате воздействия человека на биосферу, является одним из самых острых вопросов современного общества. В настоящее время проблема экологических беженцев актуальна для всех государств. Экологические беженцы юридически не признаются беженцами, так как хотя не являются жертвами преследования. В любом случае данный термин стал актуальным с 1990-х годов. Согласно оценкам, озвученным на Конференции ООН по Окружающей среде и развитию, состоявшейся в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, число экологических беженцев превысило число «классических» беженцев. Считаем таких лиц беженцами, т.к. хотя они не являются жертвой преследования, их вынудили покинуть места проживания именно засухи, опустынивания, извержения вулканов, эрозия земель и другие экологические изменения [5, с. 38]. В бывшем СССР многократное превышение уровня радиационного излучения допустимой нормы в регионе в результате взрыва четвертого блока Чернобыльской АЭС и ядерной катастрофы заставило людей покинуть свои родные земли. Правительство Индии официально признало, что 30 % земель страны не пригодны для сельского и лесного хозяйства ввиду утраты плодородия. На Африканском континенте в результате стремительного роста населения и использования земель старыми методами происходит наступление пустынь на степи, степей на саванны, а саванн на тропические леса. Например, за последние годы «Зеленый пояс», граничащий с Сахарой, переместился на 150–200 км к югу. Такие государства, как Нигер, Буркина Фасо, Сенегал, Гамбия, Мавритания, столкнулись с уничтожающим действием обезвоживания. В настоящее время 300 миллионов людей в Африке, 75 миллионов людей в Латинской Америке лишено безопасных водных источников, примерно 400 городов Китая столкнулись с нехваткой воды. Проблема нехватки воды существует и в Центральной и Средней Азии, Узбекистане и Казахстане. Развитие опустынивания на территориях северной части Каспийского моря составляет 60 тыс. га ежегодно.

Вынужденная миграция, связанная с катастрофами, включает людей, мигрирующих в результате стихийных бедствий (паводков, вулканов, оползней и землетрясений), экологических изменений (вырубки лесов, опустынивания, деградации земель, глобального потепления) и других катастроф, возникших в связи с деятельностью человека (промышленных аварий, радиоактивности). Воздействие паводков и оползней может усугубляться вырубкой лесов и сельскохозяйственной деятельностью. Оценивая тенденции переселения людей впоследствии катастроф и глобальные цифры, видим, что данная категория

вынужденной миграции является наиболее спорной и проблематичной [11, с. 218–228]. Изменение климата Земли и экологические проблемы в будущем станут причиной появления миллионов беженцев. По данным ООН, в настоящее время число лиц, ставших беженцами в результате экологических катастроф, в мире составляет 25 миллионов человек. Прогнозы организации далеко не утешительны, так, к 2050 году около 200 миллионов людей неизбежно покинут свою родину и станут экологическими беженцами, мигрируя на другие территории. Они совершат это в попытке спастись от повышения уровня моря, наводнений и засух.

В категорию вынужденных мигрантов, связанных с развитием, входят люди, вынужденные мигрировать в результате политик и проектов, реализуемых с целью расширения «развития» (такие широкомасштабные инфраструктурные проекты, как горное дело и вырубка лесов, аэропорты и т. д.).

Экономических мигрантов нельзя отнести к вынужденным мигрантам. В международных конвенциях и национальных законодательствах различных стран, связанных с беженцами, однозначно указано, что лица, покинувшие свою страну с целью повышения уровня жизни или в поисках лучшего места работы, не могут претендовать на статус беженца [7, с. 78–79].

Заключение

Таким образом, для защиты прав беженцев и других категорий вынужденных мигрантов в мире сформирована достаточная нормативно-правовая база. Соответствующие документы международных организаций и миграционное законодательство Азербайджанской Республики регулируют статус, правовое положение, права и обязанности беженцев, вынужденных мигрантов, иностранцев и лиц без гражданства и другие подобные вопросы. Миграционный кодекс Азербайджана является одним из самых прогрессивных документов в данной области на пространстве СНГ. В прошлом году в столице Азербайджана прошел круглый стол «Важность сохранения человеческого капитала в условиях массового перемещения людей как основа для устойчивого развития» в рамках V Бакинского Международного гуманитарного форума, где были подробно обсуждены проблемы беженцев и вынужденных переселенцев.

Азербайджан накопил богатый опыт в направлении государственной заботы о беженцах и вынужденных переселенцах, работ, проводимых в области решения их социальных проблем, управления данной проблемой, в том числе сохранения человеческого капитала. В прошлом году в Женеве подписано «Соглашение между Государственной Миграционной Службой Азербайджанской Республики и Международной Организацией по Миграции о сотрудничестве по реализации пилотного проекта содействия добровольному возвращению мигрантов из Азербайджана». Главная цель пилотного проекта состоит в создании благоприятных условий для успешного возвращения лиц, получивших отрицательный ответ на обращение об обеспечении убежищем, желающих добровольно вернуться в страны своего происхождения. Считаем, что в современный период глобализации, когда число вынужденных мигрантов стремительно растет, требуется комплексный подход к вопросу обеспечения реального действия международного миграционного права с максимальным использованием возможностей сформировавшейся нормативно-правовой базы. Проблему мигрантов, охватившую весь мир, можно регулировать только благодаря совместным усилиям государств и рационально решить путем устранения факторов, вызывающих вынужденную миграцию.

Пристатейный библиографический список

1. Абдуллаев Ф. Международные миграционные процессы и кризис современной модели мультикультурализма // Культура диалога культур: постановка и грани проблемы / ответ. ред.: И.М. Меликов, А.А. Гезалов. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2015.
2. Глоссарий терминов в области миграции // Международное миграционное право. 2005. № 2.
3. Демография: учебник / под общ. ред. Н.А. Волгина. М.: РАГС, 2003.
4. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.
5. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ, 1999.
6. Картахенская декларация: вклад в защиту беженцев в Латинской Америке // Вопросы экономики и права. 2015. № 11.
7. Миграция и развитие: доклады и статьи ведущих секций и докладчиков международной конференции, Москва, 13–15 сентября 2007 г. М., 2007.
8. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975.
9. Самойлов В.Д. Миграциология. Конституционно-правовые основы: монография. М.: Юнити-Дана, 2012.
10. Fatali Abdullayev. New Directions Of Migration Policy Of Modern Azerbaijani State // Intercultural Communi cations // Межкультурные Коммуникации. Journal of «Intercultural Relations Society». 2016. № 26.
11. İbrahimova G.İ., Yaqubova N. Miqrasiya anlayışı, əsas növləri və sosial-siyasi təhlili // Tarix və onun problemləri. 2013. № 3. (на азерб. языке).

12. İnsan hüquqları və qaçqınlar. İnsan hüquqları seriyasından. Bakı, 1999. (на азерб. языке).
13. Декларация о территориальном убежище [Электронный ресурс]. URL: www.unhcr.ru/doc/es-5.doc.
14. Azərbaycan Respublikasının Dövlət Miqrasiya İdarəetmə Siyasəti Konsepsiyası"nın təsdiq edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Nazirlər Kabinetinin Qərarı [Электронный ресурс]. URL: http://www.migration.gov.az/images/pdf/3aea5001888d709785dd0bef89ad5fa8.pdf (на азерб. языке).
15. http://www.migration.gov.az/index.php?section=009&subsection=043&lang=az&pageid=4596.
16. http://www.yap.org.az/view.php?lang=az&menu=1&id=12510.
17. http://mfa.gov.az/files/file/37.pdf.
18. http://demoscope.ru/weekly/2002/071/tema01.php.
19. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml.

References (transliterated)

1. Abdullaev F. Mezhdunarodnye migracionnye processy i krizis sovremennoj modeli mul'tikul'turalizma // Kul'tura dialoga kul'tur: postanovka i grani problemy / otvet. red.: I.M. Melikov, A.A. Gezalov. M.: Kanon+: ROOI «Reabilitacija», 2015.
2. Glossarij terminov v oblasti migracii // Mezhdunarodnoe migracionnoe pravo. 2005. № 2.
3. Demografija: uchebnik / pod obshh. red. N.A. Volgina. M.: RAGS, 2003.
4. Demograficheskij jenciklopedicheskij slovar'. M., 1985.
5. Ioncev V.A. Mezhdunarodnaja migracija naselenija: teorija i istorija izuchenija. M.: Dialog-MGU, 1999.
6. Kartahenskaja deklaracija: vklad v zashhitu bezhencev v Latinskoj Amerike // Voprosy jekonomiki i prava. 2015. № 11.
7. Migracija i razvitie: doklady i stat'i vedushhih sekcij i dokladchikov mezhdunarodnoj konferencii, Moskva, 13–15 sentjabrja 2007 g. M., 2007.
8. Perevedencev V.I. Metody izuchenija migracii naselenija. M.: Nauka, 1975.
9. Samojlov V.D. Migraciologija. Konstitucionno-pravovye osnovy: monografija. M.: Juniti-Dana, 2012.
10. Fatali Abdullayev. New Directions Of Migration Policy Of Modern Azerbaijani State // Intercultural Communi cations // Mezhkul'turnye Kommunikacii. Journal of «Intercultural Relations Society». 2016. № 26.
11. İbrahimova G.İ., Yaqubova N. Miqrasiya anlayışı, əsas növləri və sosial-siyasi təhlili // Tarix və onun problemləri. 2013. № 3. (na azerb. jazyke).
12. İnsan hüquqları və qaçqınlar. İnsan hüquqları seriyasından. Bakı, 1999. (na azerb. jazyke).
13. Deklaracija o territorial'nom ubezhishhe [Jelektronnyj resurs]. URL: www.unhcr.ru/doc/es-5.doc.
14. Azərbaycan Respublikasının Dövlət Miqrasiya İdarəetmə Siyasəti Konsepsiyası"nın təsdiq edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Nazirlər Kabinetinin Qərarı [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.migration.gov.az/images/pdf/3aea5001888d709785dd0bef89ad5fa8.pdf (na azerb. jazyke).
15. http://www.migration.gov.az/index.php?section=009&subsection=043&lang=az&pageid=4596.
16. http://www.yap.org.az/view.php?lang=az&menu=1&id=12510.
17. http://mfa.gov.az/files/file/37.pdf.
18. http://demoscope.ru/weekly/2002/071/tema01.php.
19. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml.

EURASIAN LEGAL PORTAL
ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

Наш портал состоит из следующих разделов:

- *Законопроекты*
- *Принятые законы*
- *Судебная практика*
- *Пресс-релизы*
- *Юридические статьи*
- *Юридические вузы*
- *Юридическая школа в лицах*
- *Новости*
- *Наши партнеры*
- *Институт законодательства*
- *Бесплатная юридическая консультация*

www.eurasialegal.info

Целями проекта являются:

1. Создание информативной актуальной научной базы в области права для успешного ориентирования в современном юридическом мире.

2. Свободный обмен теоретическими и практическими знаниями в области права в рамках Содружества Независимых государств (СНГ).

Наша задача заключается в постоянном усовершенствовании портала, предоставлении полной и достоверной информации пользователям, внедрении новых актуальных проектов, интересных юридических источников и привлечении к развитию проекта профессиональных юристов для взаимовыгодного сотрудничества.

Барановский А.А.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИЕВСКОГО СОВЕТА ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ (1916–1919 гг.)

Цель*: Исследование предпосылок и обстоятельств создания Киевского Совета присяжных поверенных, а также его деятельности за недолгий период существования с 1916 по 1919 г.*

Методология*: Использовались историко-правовой и формально-юридический методы.*

Результаты*: Подробно исследована история создания Совета присяжных поверенных округа Киевской судебной палаты от момента подписания соответствующего Высочайшего (царского) дозволения (конец 1915 – начало 1916 г.) и до последних дней работы данного органа адвокатского самоуправления в Киеве (осень 1919 г.), когда город перешел под власть большевиков. Значительное внимание уделено рассмотрению предвыборной кампании, развернувшейся накануне выборов в Совет, а также самой процедуре избрания его состава. Отдельно изучены результаты работы Киевского Совета присяжных поверенных, которые получились не слишком значительными ввиду недолгого времени существования данного органа.*

Новизна/оригинальность/ценность*: Статья имеет высокую научную ценность, поскольку в ней впервые в украинской и российской юридической литературе исследован вопрос создания и работы Совета присяжных поверенных Киевского судебного округа (1916–1919 гг.).*

Ключевые слова*: присяжные поверенные, округ Киевской судебной палаты, Совет присяжных поверенных, органы адвокатского самоуправления.*

Baranowski A.A.

THE HISTORY OF THE ESTABLISHMENT AND ACTIVITIES OF THE KIEV COUNCIL OF SWORN ATTORNEYS (1916–1919)

Purpose*: Consideration of the preconditions and circumstances in creation of Kiev Sworn Attorneys Council and its activities for a short period of existence from 1916 to 1919.*

Methodology*: There were used historico-legal and formal-legal methods.*

Results*: The creation history of Sworn Attorneys Council of Kiev Court Chamber District is considered in detail – from a moment of signing the royal permission until last days of this instance working as lawyer self-government in Kiev, when the city fell under Bolshevik rule. Considerable attention is paid to pre-election campaign that took place on eve of the elections to Council, and the procedure for electing its members. The results of Kiev Sworn Attorneys Council work are considered separately and turned out to be not very significant in view of brief existence of this Council.*

Novelty/originality/value*: The article has a high scientific value as creation and operation of Kiev Judiciary District Sworn Attorneys Council (1916–1919) was studied for the first time in the Russian and Ukrainian legal literature.*

Keywords*: Sworn Attorneys, Kiev Court Chamber District, Sworn Attorneys Council, lawyer self-government.*

История киевской присяжной адвокатуры (периода существования Киевской судебной палаты 1880–1919 гг.) очень слабо изучена, и совершенно незаслуженно. Причем не изучена она не только российскими исследователями, но и украинскими. Так, например, одесский адвокат, кандидат юридических наук Н.М. Бакаянова в научной статье утверждает [2], что Киевский Совет присяжных поверенных так и не был создан. Однако это не так. Киевский Совет действительно не попал ни в первую волну открытия советов (С.-Петербургский, Московский и Харьковский, 1866–1874 гг.), ни во вторую (Новочеркасский, Саратовский, Одесский, Казанский, Иркутский, Омский, 1904–1905 гг.), однако была и третья волна – 1916 года, в которой оказались Киевский и Ташкентский советы.

Рассматриваемый в данной публикации Киевский Совет присяжных поверенных появился лишь весной 1916 г., и отчасти именно этим фактом обусловлена его малая известность среди исследователей. Ведь уже в первой половине 1917 года и в Петербурге, и в Киеве начались бурные политические процессы, и все внимание по сей день остается приковано к ним. Между тем Совет присяжных поверенных просуществовал в Киеве с марта 1916 до конца осени 1919 года, когда в Киеве окончательно закрепилась власть большевиков. Ключевые события, происходившие в указанные четыре года в жизни сословия присяжной адвокатуры Киева и окрестностей, рассматриваются далее.

Итак, начнем с того, что, по мнению юристов еще тех времен (то есть конца XIX – начала XX века),

изданный в 1874 году (и широко известный среди ученых современности) закон о «временном приостановлении дальнейшего учреждения новых Советов присяжных поверенных в округах тех судебных палат, где они до настоящего времени еще не открыты» не имел абсолютного характера. Согласно анализу юриста Ипполита Богданова, опубликованному в 1896 году в Киеве [26], в законодательстве отсутствуют препятствия к открытию Советов присяжных поверенных в Киевском и Виленском судебных округах. В качестве основных аргументов, помимо прочего, Богданов приводит соображение, что Киевская и Виленская судебные палаты (и соответствующие округа) были созданы позже издания запретительного закона 1874 года (Киевская судебная палата, в частности, образована в 1880 году), и когда Судебные уставы 1864 года вводились в действие на данных территориях «в полном объеме, в соответствующем законе не делалось оговорок, что из объема исключается возможность создания здесь Советов присяжных поверенных». Это соображение тем более справедливо, что, когда Судебные уставы вводились в округе Варшавской палаты (в 1875 году, то есть тоже позже запретительной нормы 1874 года), то в соответствующем законе было прямо прописано, что Совет присяжных поверенных в Варшавском округе не образуется, а его полномочия в отношении адвокатов присваиваются окружным судам.

Однако такое прочтение норм законодательства было присуще лишь киевской адвокатуре, желавшей преобразовать суррогатный орган самоуправления – Распорядительный комитет консультации присяжных поверенных при Киевском окружном суде (существовал с 1881 года) [3], но не Киевской судебной палате, без участия которой создать Совет было невозможно.

Поэтому с мертвой точки дело сдвинулось лишь в самом конце декабря 1915 года, когда император Николай II подписал соответствующее распоряжение об образовании при Киевской и Ташкентской судебных палатах Советов присяжных поверенных [25].

И после того как в начале января 1916 года это «высочайшее дозволение» было официально опубликовано в печати (в том числе сообщение об этом вышло в газете «Киевская мысль», активно писавшей тогда об адвокатских делах), председатель Распорядительного комитета консультации присяжных поверенных при Киевском окружном суде И.Н. Пересвет-Солтан и присяжные поверенные Д.Н. Григорович-Барский, Я.С. Гольденвейзер и И.В. Малютин подали лично Старшему председателю Киевской судебной палаты Ф.А. Болдыреву прошение, покрытое многочисленными подписями присяжных поверенных, с просьбой разрешить избрание Совета [5, с. 2] (для проведения выборов Совета, согласно процедуре, необходимо было назначить одного из членов Судебной палаты председательствовать на общем собрании присяжных поверенных округа).

Одновременно в самом Распорядительном комитете была образована комиссия по подготовке к съезду [5, с. 2]. В её состав были избраны присяжные поверенные Д.Н. Григорович-Барский, М.С. Мазор и Н.Д. Пухтинский. В их задачу входило составление общего списка присяжных поверенных Киевского судебного округа, имеющих право участвовать в выборах Совета, а также подготовка предложений по регламенту проведения голосования.

Тем временем внутри сословия присяжных поверенных Киевского округа началась настоящая предвыборная борьба за право участвовать в работе будущего Совета: произошло разделение адвокатов на группы и курии, развернулась предвыборная агитация, проводились одно за другим разного рода собрания и совещания, освещавшиеся через местные газеты. По большому счету, агитация вокруг представительства в будущем Совете началась еще раньше – в ноябре 1915 года, как только стало известно, что вопрос об открытии в Киевском округе Совета имеет шансы на благоприятное разрешение. Одним из проявлений этой борьбы, и при том наиболее ярким, явилось образование среди членов адвокатского сословия так называемой группы молодых адвокатов, которая, заключив союз с влиятельной «польской группой», сразу приобрела такую силу, что на выборах 20 ноября 1915 г. в Распорядительный комитет консультации присяжных поверенных провела целиком список своих кандидатов, потеснив позиции «старо-комитетской группы» [6, с. 5]. Когда учреждение Совета уже было решено окончательно, и стало ясно, что выборы в него состоятся, группа молодых адвокатов развернула особенно активную деятельность. 22 января 1916 года под председательством присяжного поверенного Л.М. Брилианта состоялось созванное бюро этой группы – многолюдное предвыборное собрание, на котором группа окончательно конституировалась, выработала избирательную программу и присвоила себе наименование «группы обновления».

Избирательная программа «обновленцев», которую было постановлено разослать всем присяжным поверенным, гласила: «Группа членов со-

словия, сплотившаяся для проведения выборной кампании, кладет в основу своей деятельности следующие начала: вновь учреждаемый орган сословного представительства должен быть всецело проникнут началом «демократизма», понимая под последним действительную близость к общей адвокатской массе, к среде всех товарищей; не должно быть обособления и олигархического характера учреждаемого представительного органа, не должно быть такого порядка, при котором доступ членам сословия в Совет был бы хотя в малой степени затруднен сложившимися традициями. Во избежание и в противовес указанным нежелательным началам должен быть введен обязательный, по истечении определенного периода времени пребывания в членах Совета, уход из него части состава без права быть избранным вновь в течение установленного промежутка лет. Таким образом будет достигнуто: во-первых, периодическое обновление Совета и уменьшение тенденции застоя и замкнутости, а во-вторых, отойдет в область прошлого взгляд, что выход из состава представительного органа является чем-то обидным для уходящего» [6, с. 5].

Также «группа обновления» рассмотрела вопрос о числе членов будущего Совета. Было решено, что оно должно быть не менее пятнадцати, то есть максимума, допускаемого законом. Затем перед собранием группы встал вопрос об иногородних представителях в Совете. Опыт Советов других округов показал, что представители провинции не в состоянии более или менее регулярно являться на заседания, и что «их абсентеизм мешает систематической работе», поэтому принимавшие участие в прениях по этому вопросу «обновленцы» высказались за сокращение числа провинциальных представителей, находя в то же время справедливым осуществление хотя бы символического представительства провинции. В итоге собрание пришло к заключению о желательности проведения в Совет хотя бы одного такого представителя, в особенности в том случае, если будет названо лицо, которое известно и за пределами того города или округа, где оно числится в адвокатуре [6, с. 5].

После этого собрание проголосовало записками за выдвижение от «группы обновления» кандидата в председатели. Подавляющее большинство голосов получил Д.Н. Григорович-Барский [6, с. 5]. При этом было решено, что кандидаты в товарищи (заместители) председателя и в члены Совета от «обновленцев» будут названы в дальнейшем…

Однако на этом процесс расслоения киевской адвокатуры в ходе предвыборной борьбы за представительство в Совете присяжных поверенных не остановился. Кроме основных, названных выше («старо-комитетской», «польской» и «группы обновления»), образовалась еще и «группа идейного объединения», которая обратилась к адвокатскому сообществу с изложением своей избирательной программы: «Мы отстаиваем значение идейного элемента при выборах в Совет с той большой убежденностью, что от первого нашего представительства зависит не только устройство форм корпоративной жизни нашего сословия, не имевшего до сих пор самоуправления, но и создание в нем тех этических начал и традиций, которые способствуют развитию и усовершенствованию адвокатуры гораздо полнее, чем написанные нормы». И далее: «Сходясь с «группой обновления» в признании начал демократизма, мы, однако, решительно возражаем против её требований обязательного ухода членов Совета без права их переизбрания в течение определенного промежутка времени, поскольку это в своем последовательном применении легко может привести к торжеству как раз тех течений в адвокатской среде, против которых это требование направляется» [7, с. 3].

Собрание «группы идейного объединения», на котором были провозглашены эти тезисы, состоялось под председательством присяжного поверенного Н.Н. Садовского, однако присутствовало на нем всего человек пятнадцать. Из отдельных выступлений выяснилось, что участники собрания – главным образом лица, отколовшиеся от «группы обновления» после собрания «обновленцев», на котором, по выражению одного из ораторов, «заговорил адвокат-делец, показавший тот тон, в который впадёт сословный орган, если выборы его будут производиться на основе принципов «группы обновления» [8, с. 2].

Тем временем Распорядительный комитет консультации присяжных поверенных при Киевском окружном суде за две недели до выборов Совета обратился к присяжной адвокатуре со следующим призывом: «Товарищи! Наша заветная мечта сбылась! После полувекового ожидания, киевской адвокатуре дано самоуправление. На 26 марта 1916 года назначено общее собрание присяжных поверенных округа Киевской судебной палаты для выбора органа этого самоуправления – Совета присяжных поверенных. По закону (359 ст. Учреждения судебных установлений) выборы могут состояться лишь в том случае, если на собрание явится не менее половины общего

числа присяжных поверенных всего округа (только при Киевском окружном суде тогда состояло около 370 присяжных поверенных [23]). Напоминая об этом, Распорядительный комитет надеется, что все товарищи, как один человек, исполнят свой сословный долг, явятся на собрание 26 марта и дадут возможность киевской адвокатуре вступить на новый путь самостоятельной сословной жизни» [9, с. 2].

Процесс фрагментации киевской адвокатуры продолжился и далее. Помимо уже названных «центров силы», оформилась еще и «группа беспартийных». Наконец, имелось множество «диких», как их тогда называли, ни к кому не примкнувших адвокатов. Такое положение дел, по мнению киевской прессы того времени [10, с. 2], грозило опасностью для адвокатуры округа вовсе остаться без Совета, поскольку ни одна из борющихся групп не обладала большинством, и голоса при итоговом подсчете могли разделиться так, что не избрали бы вообще никого. Понимая это, «группа обновления» предприняла попытку договориться по вопросу о выборах в Совет присяжных поверенных со «старо-комитетской» и «польской» группами, но этот маневр не имел успеха ввиду отказа последних двух от всякого рода сношений с «обновленцами». Исходя из этого, «группа обновления» стала искать соглашения с «беспартийной» группой (в состав которой в значительной мере входили так называемые «правые элементы») и с вновь образовавшейся «еврейской группой», в союзе с которыми «группа обновления» надеялась провести свой список кандидатов, несколько измененный в соответствии с новой коалицией [11, с. 1].

Одновременно в Распорядительный комитет поступило заявление за подписью тридцати присяжных поверенных, которые просили созвать экстренное собрание адвокатов для обсуждения сложившегося положения вещей и достижения компромисса по списку кандидатов в Совет [10, с. 2]. Комитет поддержал данную инициативу, и уже 20 марта 1916 года состоялось общее собрание адвокатов по вопросам, связанным с предстоящими выборами Совета присяжных поверенных. Председателем предвыборного собрания был избран И.В. Малютин, присутствовало около 150 человек, в том числе и несколько представителей от провинциальной адвокатуры. В ходе прений представители «обновленцев» подтвердили, что они блокируются с «беспартийными», или, как их называли некоторые, «правыми». На что председатель «беспартийных» присяжный поверенный И.С. Рогозин указал, что, хотя «группу беспартийных» и называют «правой», или «черной», но это неверно: в неё действительно входят некоторые правые, но есть в ней и много людей «другого образа мыслей». Представители «старокомитетской» и «польской» групп, в свою очередь, заявили, что они вступили в блок [12, с. 2].

Присяжный поверенный О.О. Радецкий предложил создать согласительную комиссию для составления общего списка кандидатов в Совет. После бурных прений было решено предложить каждой конкурирующей группе избрать по два человека из своего состава в данную комиссию, дабы эта комиссия представила единый список кандидатов в Совет, приемлемый для всех образовавшихся коалиций. Этот согласованный компромиссный список планировалось утвердить на последнем общем предвыборном собрании прямо накануне выборов – за день до их проведения [12, с. 2].

Однако, не дожидаясь решений согласительной комиссии, «старо-комитетская группа» сыграла на опережение и выпустила своё (долгожданное для многих) заявление, опубликовав его в газетах: «Ввиду предстоящих выборов в киевский Совет присяжных поверенных в сословии образовалось несколько групп, выработавших каждая свою платформу. Не входя в критическую оценку платформ других групп, мы, совместно с товарищами поляками, в настоящем обращении кратко формулируем те основные требования, которые, с нашей точки зрения, должно предъявлять к кандидатам в члены Совета. Эти требования следующие: 1) Безупречная в нравственном и профессиональном отношении репутация; 2) Член Совета должен быть прежде всего и больше всего адвокатом (avocat), а не поверенным (avoué), ибо в нашей деятельности должен преобладать элемент общественного служения и правозаступничества. Если мы являемся поверенными (avoué), то лишь в той мере, как это требуется существующими законоположениями, объединяющими в одном лице и адвоката, и поверенного. Из этого вытекает и наш взгляд на Совет как на учреждение сословного, а не профессионального характера; 3) Член Совета должен быть тесно связан с корпорацией. Связь эта устанавливается в процессе совместной продолжительной адвокатской работы, поэтому не может быть членом Совета лицо, только формально принадлежащее к сословию; 4) Член Совета по своему опыту, знанию жизни и сословных традиций должен быть лицом, подготовленным к ответственному выполнению высоких обязанностей судьи по товарищеским делам; 5) Член Совета должен быть лицом прогрессив-

ного образа мыслей, но его политические убеждения ни в коем случае не должны препятствовать совершенно беспристрастному отправлению им судебных функций; 6) Член Совета является преемственным носителем свято чтимых традиций, выработанных полувековым общественным служением русской адвокатуры; 7) Члены Совета должны быть лицами, независимыми от каких-либо учреждений и, тем более, от каких-либо лиц; 8) Членами Совета должны быть товарищи, сумевшие благодаря личным качествам и труду завоевать себе известность как в рядах сословия, так и в обществе» [13, с. 4].

К своему заявлению «группа старого комитета» приложила список рекомендованных кандидатов в члены Совета (см. табл. 1).

В ответ коалиция из «группы обновления», «группы беспартийных» и «еврейской группы» выпустила своё обращение к представителям сословия: «Товарищи! Несмотря на вотум общего собрания 20 марта об образовании согласительной комиссии из представителей всех групп для составления общего списка кандидатов в Совет, несмотря на полную возможность осуществления этого вотума, так как все группы изъявили готовность идти на уступки в своих требованиях, такое соглашение не состоялось потому, что небольшая старо-комитетская группа, при поддержке польской группы, решила дать сословию Совет в лице старого распорядительного комитета и разослала свой список раньше, чем собралась согласительная комиссия, проявив тем самым свое нежелание считаться с постановлением общего собрания…

Увы, «польская группа», шедшая на последних выборах (20 ноября 1915 г.) в Распорядительный комитет рука об руку с «группой обновления», на настоящих выборах вернулась к «старому комитету», так как увидела, что «обновленческая группа» не склонна принимать куриальность (имеется в виду национальное квотирование, резервирование мест в списке), как не отвечающую интересам сословия. Произошел раскол, но этот раскол, перед угрозой остаться совсем без Совета или иметь Советом старый комитет, объединил другие группы, несмотря на существующие между ними разногласия, и эти группы сплотились для достижения одной конечной цели – избрания Совета, построенного на тех сословных и профессиональных требованиях, о которых гласит «платформа» старого комитета, и, кроме того, на подчеркиваемых нами началах: стойкости, широкой общественности, деловитости и работоспособности… Будущее с новым председателем сулит нам лучшие надежды, прошлое – со старым представителем сословия – создало безнадежность! Голосуйте, товарищи, за весь предлагаемый нами список, не руководствуясь симпатиями или антипатиями к отдельным лицам, иначе голоса разобьются» (см. табл. 1) [14, с. 2].

В такой напряженной обстановке прямо накануне выборов в Совет состоялось, как и предполагалось, последнее предвыборное и весьма многолюдное собрание киевских и иногородних адвокатов, его ведущим вновь был избран И.В. Малютин [15, с. 4]. Председатель созданной на собрании 20 марта согласительной комиссии присяжный поверенный А.К. Михаловский констатировал, что компромисса между расколовшимися группами достичь не удалось, однако отметил, что в обоих конкурирующих списках есть имена пяти кандидатов (именно такое минимальное количество человек необходимо было для открытия Совета), избрание которых обеспечено. Это И.Н. Пересвет-Солтан, Д.Н. Григорович-Барский, И.В. Малютин, И.Л. Шраг и М.С. Мазор. Также согласительная комиссия предложила в Совет кандидатуры Б.Е. Гисена и Я.С. Гольденвейзера – по одному человеку из каждого альтернативного списка. Далее выяснилось, что «еврейская группа» не уполномочивала своих представителей присяжных поверенных И.О. Лейтмана и С.И. Доброва поддерживать список кандидатов от «группы обновления» и «беспартийных», поскольку они были делегированы лишь в общую согласительную комиссию. Однако присяжный поверенный И.О. Лейтман пояснил собранию, что вопрос поддержки списка «обновленцев» обсуждался им по телефону с представителями бюро «еврейской группы»… [15, с. 4]

Как бы то ни было, но по итогам дальнейших длительных прений и взаимной критики никаких резолюций и решений последним общим пред-

Таблица 1

Список кандидатов в Совет присяжных поверенных Киевской судебной палаты от блока «старо-комитетской» и «польской» групп: Председатель Совета – И.Н. Пересвет-Солтан; товарищ председателя – В.К. Калачевский; члены Совета: Б.А. Белявский, Г.И. Вильчинский, Я.С. Гольденвейзер, С.И. Горбунов, Д.Н. Григорович-Барский, С.Г. Крупнов, А.И. Лещинский, И.В. Малютин, М.С. Мазор, Т.А. Попов, В.-М.Э. Тарнавский, М.А. Хондзынский и И.Л. Шраг	**Список кандидатов в Совет присяжных поверенных Киевской судебной палаты от коалиции «группы обновления», «группы беспартийных» и «еврейской группы»:** Председатель Совета – Д.Н. Григорович-Барский; товарищ председателя – И.В. Малютин; члены Совета: Л.М. Брилиант, Б.Е. Гисен, С.Н. Гусковский, Н.Н. Корнейчик-Севастьянов, Ф.Б. Кржижановский, Н.С. Крыжановский, Н.Л. Литвяк, М.С. Мазор, Д.В. Мияковский, И.Н. Пересвет-Солтан, Н.Д. Пухтинский, С.Т. Рыжков и И.Л. Шраг

выборным собранием киевской адвокатуры принято не было. К выборам Совета киевская адвокатура подошла с двумя вариативными списками кандидатов от расколовшихся групп влияния и пятью общепризнанными кандидатами.

26 марта 1916 года в зале гражданского департамента Киевской судебной палаты был аншлаг. Для выборов первого в истории Киева Совета присяжных поверенных съехалось более 300 адвокатов из округа Киевской судебной палаты. Тут были киевляне, представители Житомира, Чернигова, Умани, Нежина, Чигирина, Могилева, Черкасс и других местечек, входивших в Киевский судебный округ. Председательствовавший в собрании избранный специально для этого месяц тому назад Киевской судебной палатой её член Л.И. Рыжов обратился с речью: «31 декабря 1915 года началась новая эра для киевской адвокатуры: опубликовано Высочайшее повеление об открытии в округе Киевской судебной палаты Совета присяжных поверенных. Общим собранием департаментов Судебной палаты мне оказана честь председательствовать в общем собрании присяжных поверенных Киевского округа для выбора Совета. Объявляю собрание открытым!» [4, с. 3].

Речь Л.И. Рыжова была покрыта шумными аплодисментами. По предложению председательствующего собрание избрало из своего состава двух секретарей, а также десять счетчиков для подсчета записок. После переклички и установления наличия кворума (явилось 306 присяжных поверенных из 537 человек [24, с. 7], числящихся за Киевским судебным округом, при необходимой явке для легитимности собрания в 50 %), присяжный поверенный Н.В. Сац предложил почтить вставанием память умершего накануне профессора истории права Киевского Университета имени Святого Владимира Михаила Флегонтовича Владимирского-Буданова и избрать депутацию для возложения венка на его гроб. Предложение было одобрено [16, с. 4].

Затем собрание проголосовало за то, что намеревается избрать 15 членов Совета. Была начата подача записок с намеченными кандидатами в председатели Совета, затем – в товарищи председателя и, наконец, в члены Совета. Ввиду отсутствия согласия выбора при баллотировке, о чем подробно говорилось выше, голосование затянулось, особенно при выборе председателя и его товарища (заместителя).

После подачи в президиум записок (каковых оказалось 293 штуки) с кандидатами в председатели Совета выдвинутые таким образом лица баллотировались шарами (белый шар – голос «за», черный – «против»). Вопреки ожиданиям, среди поданных кандидатов в председатели оказалось не два заранее предложенных адвокатским группами лица – И.Н. Пересвет-Солтан (от «старого комитета» и поляков) и Д.Н. Григорович-Барский (от «группы обновления» и беспартийных), а три. Указанные двое получили 126 и 156 записок соответственно, но еще 7 записок предложили в председатели Л.Н. Гладкова, который не стал, чтобы не вмешиваться в схватку фаворитов, снимать свою кандидатуру, хотя, например, получившие по одной записке С.Н. Цемш и И.В. Малютин, напротив, свои кандидатуры без промедления сняли [24, с. 7–8]. В этой связи можно предположить, что выдвижение третьего кандидата для баллотировки шарами, возможно, было не что иное как хитрый ход одного из основных конкурентов, рассчитанный на то, чтобы раздробить голоса соперника. Дело в том, что Л.Н. Гладков был членом Распорядительного «старого» комитета еще с 1906 года [22, с. 2], и потому, в известном смысле, являлся конкурентом Пересвета-Солтана за голоса «старой гвардии».

Баллотировочные ящики были предъявлены общему собранию для осмотра, а затем заведены приглашенным механиком. К каждому из трех ящиков был прикреплен плакат с фамилией кандидата в члены Совета. К подаче голосов шарами присяжные поверенные приглашались строго в алфавитном порядке [24, с. 8].

Спустя несколько часов баллотировка шарами принесла следующие результаты: Д.Н. Григорович-Барский – 164 белых шара против 130 черных; И.Н. Пересвет-Солтан – 135 белых против 159 черных; Л.Н. Гладков – 32 белых при 243 черных шарах [16, с. 4]. Апологеты «старого комитета», естественно, были разочарованы итогами. Действительно, если гипотетически голоса Гладкова можно было бы приплюсовать к результатам Пересвета-Солтана, то он обошел бы Григоровича-Барского с минимальным преимуществом. Но неожиданное появление третьего кандидата, при этом не снявшего свою кандидатуру, смешало все карты… Таким образом, избранным председателем Совета оказался кандидат от «группы обновления» и беспартийных Дмитрий Николаевич Григорович-Барский.

Далее приступили к подаче записок с кандидатами в товарищи (заместители) председателя Совета. Согласованный кандидат «польской группы» и «старого комитета» В.К. Калачевский (15 записок о выдвижении) снял свою кандидатуру в пользу И.Н. Пересвета-Солтана (113 записок), также сняли свои кандидатуры Н.Д. Пухтин-

ский и Я.С. Гольденвейзер, получившие по одной записке. От «обновленцев» и беспартийных шел И.В. Малютин (103 записки). На сей раз результаты голосования шарами не принесли сюрпризов: Пересвет-Солтан получил 155 белых и 107 черных и стал заместителем главы Совета. Малютин набрал лишь 122 белых шара против 139 черных [16, с. 4].

Процедуры голосования и подбития результатов выбора председателя Совета и его товарища завершились лишь к шести часам вечера, а собранию предстояло еще избрать и 13 членов Совета, к чему оно немедленно и приступило. После подачи записок с кандидатами в члены Совета выяснилось, что за Л.Н. Гладкова на сей раз была подана лишь одна записка (не исключено даже, что его сыном – присутствовавшим здесь же присяжным поверенным А.Л. Гладковым). При том на этот раз Гладков-старший от баллотировки шарами отказался, что еще больше укрепляет уверенность, что его выдвижение третьим кандидатом в председатели Совета было инспирировано специально для внесения смущения в голосование. Также свои кандидатуры снял еще целый ряд лиц, набравших минимальное количество голосов через записки. Некоторое замешательство, однако, возникло, когда почему-то отказался от баллотирования шарами списочник «обновленцев» С.Н. Гусковский (причины не ясны), получивший 33 записки, но зато свою кандидатуру не стал отзывать независимый кандидат В.В. Уляницкий, получивший 11 записок. В итоге на голосование было поставлено 23 кандидата [24, с. 10] – все (за исключением независимого Уляницкого) из двух объявленных заранее списков групп (табл. 1). Баллотировка белыми и черными шарами дала следующие результаты: Б.А. Белявский – 174 против 102, Г.И. Вильчинский – 143 против 113, Я.С. Гольденвейзер – 197 против 80, С.Г. Крупнов – 164 против 113, И.В. Малютин – 183 против 93, М.С. Мазор – 225 против 52, Т.А. Попов – 150 против 127, В.Э. Тарнавский – 146 против 130, И.Л. Шраг – 265 против 11, В.К. Калачевский – 205 против 72, Ф.Б. Кржижановский – 215 против 60, Н.Д. Пухтинский – 157 против 120, С.И. Горбунов – 139 против 137 [24, с. 11–12]. Остальные баллотировавшиеся кандидаты не получили перевеса белых шаров над черными. При этом возник вопрос, считать ли господина Горбунова избранным, поскольку по отношению к кворуму собрания он не получил абсолютного большинства. Чтобы пресечь возникшие по этому поводу споры, Горбунов снял свою кандидатуру, и собрание решило ограничиться избранием вышеперечисленных 12 членов Совета [24, с. 11–12].

Таким образом, «польская» и «старо-комитетская» группы провели из своего списка товарища председателя и 8 членов Совета, а из списка «обновленцев» и беспартийных прошли председатель и два члена (Кржижановский и Пухтинский). Господа Шраг и Мазор проводились по обоим спискам. Оглашение результатов выборов, установивших создание в Киевском судебном округе Совета присяжных поверенных в количестве 14 персон, было встречено оживленными рукоплесканиями.

В своей «тронной речи» перед полным залом избранный председатель киевского Совета присяжных поверенных Д.Н. Григорович-Барский поблагодарил председательствовавшего в собрании представителя Киевской судебной палаты Л.И. Рыжова за успешно проведенное заседание и обратился к коллегам с призывом «оставить за порогом разногласия», чтобы совместно приступить к работе созданного Совета, «свято храня наши сословные традиции» [16, с. 4]. Следом от имени молодой адвокатуры с приветственным словом к старшим коллегам выступил старшина киевского Совета помощников присяжных поверенных Е.П. Рябцев: «Мы вместе с вами переживали унылое время недавних лет, мы вместе с вами испытывали тревогу последних дней, и теперь мы вместе радуемся, что осуществилась наша мечта. Мы радуемся, потому что с избранием Совета присяжных поверенных в нас зародились надежды, и с этими бодрыми надеждами я, от имени молодой адвокатуры, приношу вам, первому Совету присяжных поверенных в Киеве, низкий поклон и горячий товарищеский привет!» [16, с. 4].

Затем была оглашена телеграмма от присяжного поверенного Н.К. Муравьева из Москвы: «Первому общему собранию, объединяющему в одну товарищескую семью всю киевскую адвокатуру без различия национальности и вероисповедания, шлет горячий привет и пожелания плодотворной работы Муравьев» [16, с. 4]. На этом процедура избрания Совета была завершена, и уполномоченные лица подписали протокол.

Таблица 2

Состав Совета присяжных поверенных округа Киевской судебной палаты (избран 26 марта 1916 года):
Председатель Совета – Д.Н. Григорович-Барский; товарищ председателя (заместитель) – И.Н. Пересвет-Солтан; члены Совета: Б.А. Белявский, Г.И. Вильчинский, Я.С. Гольденвейзер, С.Г. Крупнов, И.В. Малютин, М.С. Мазор, Т.А. Попов, В.Э. Тарнавский, И.Л. Шраг, В.К. Калачевский, Ф.Б. Кржижановский, Н.Д. Пухтинский

Далее следует сказать несколько слов об избранном председателем Киевского Совета присяжных поверенных Дмитрии Николаевиче Григоровиче-Барском. Его биография весьма доходчиво была изложена в киевской прессе практически сразу после дня голосования [16, с. 4].

Д.Н. Григорович-Барский родился в 1872 году. В 1896 г. он окончил юридический факультет Киевского университета и поступил кандидатом на судебные должности при Киевской судебной палате. Затем последовательно занимал должности секретаря прокурора окружного суда, судебного следователя в местечке Городище и товарища прокурора окружного суда сначала в Житомире, потом в Киеве. В этой должности он пробыл до 1907 г., когда ему пришлось оставить государственную службу.

Это произошло во время выборов в Третью Государственную думу, когда Григорович-Барский, будучи заместителем председателя участковой избирательной комиссии, остался при особом мнении о правильности подсчета голосов вышестоящей комиссией (он был с ней не согласен), в результате чего ему вскорости было предложено перевестись на службу куда-нибудь подальше – в провинциальный окружной суд. Тогда Григорович-Барский подал в отставку.

С этого момента началась его общественно-политическая деятельность. В 1910 г. Григоровича-Барского избирают гласным Киевской городской думы. Как политический деятель он занимал определенную позицию, будучи членом партии кадетов. В последней он играл заметную роль и был избран членом Центрального Комитета партии.

Адвокатская деятельность Д.Н. Григоровича-Барского началась в 1908 г. Всем было памятно его участие в качестве защитника в деле Бейлиса. Выступал он и по делу об убийстве мальчика Пасикова («Фастовское дело»). Из других процессов, в которых он принимал участие, следует отметить громкое дело Винницкой военной организации, где он защищал полковника К.М. Оберучева.

Сословие адвокатов не раз выражало Григоровичу-Барскому свое внимание и доверие, избирая его председателем общих собраний, а 20 ноября 1915 г. – товарищем председателя Распорядительного комитета [17, с. 2], теперь уже уступившего свое место новому сословному органу – Совету…

На своё первое заседание Совет присяжных поверенных Киевского округа собрался уже на следующий день после выборов. В заседание Совета 27 марта 1916 года явились 13 его членов во главе с председателем Д.Н. Григоровичем-Барским, отсутствовал лишь уехавший из Киева по срочному делу товарищ председателя И.Н. Пересвет-Солтан. После обмена приветственными репликами с представителями киевского Совета помощников присяжных поверенных собрание приступило к рассмотрению вопросов внутреннего распорядка вновь созданного органа и распределению обязанностей между отдельными членами Совета. Так, казначеем был избран Ф.Б. Кржижановский, библиотекарем – Н.Д. Пухтинский, а секретарями – И.В. Малютин и С.Г. Крупнов. Далее были избраны две комиссии – одна (редакционная) для составления проекта Наказа (регламента) Совета, другая – хозяйственная, которой, в свою очередь, было поручено заняться вопросами ремонта и оборудования будущего помещения Совета в здании Присутственных мест. В состав первой вошли Я.С. Гольденвейзер, Н.Д. Пухтинский и И.В. Малютин, в состав второй – Я.С. Гольденвейзер, Т.А. Попов и Ф.Б. Кржижановский [18, с. 2].

Одним из первых решений Совета стало установление размера разового взноса при поступлении нового члена в сословие присяжных поверенных Киевского округа. Сумма такого взноса была определена в размере 25 руб. При этом ежегодный сословный взнос для каждого адвоката округа, как решил Совет, должен составлять не менее 25 руб., одновременно, однако, каждый адвокат волен сам установить себе размер ежегодного взноса в «общий котёл», исходя из своих заработков, при рекомендованном шаге ставки 25–50–75–100 рублей [24, с. 14–15].

Кроме того, было решено заседания Совета проводить еженедельно по субботам, правда, в первое время, как подчеркивалось, они будут проходить чаще ввиду большого объема стоящих перед Советом первоочередных задач [24, с. 14–15].

Следующей важной страницей в жизни киевской присяжной адвокатуры стало торжественное общее собрание адвокатов округа 20 ноября 1916 года. Приурочено оно было, как обычно, к очередной годовщине Судебных уставов и проводилось в здании Киевского окружного суда.

Избранный председателем этого собрания присяжный поверенный Л.М. Брилиант в своей речи указал, что в течение многих лет «празднование этого дня было в сущности номинальным, так как Судебные уставы систематически урезались, а права адвокатов сокращались», но как раз в этом – 1916 – году у киевской адвокатуры есть возможность встретить день 20 ноября в праздничном настроении. И понятно почему. Во-первых, сословие получило давно ожидаемый Совет присяжных поверенных, во-вторых, в этом же

году, наконец, «разрядилась душная атмосфера национальных ограничений, и несколько десятков помощников присяжных поверенных получили долгожданную возможность самим стать присяжными поверенными». По этому поводу, приветствуя вновь вступивших членов сословия, Л.М. Брилиант также выразил сожаление о недопущении [Минюстом] до звания тех, «быть может, не менее достойных товарищей», которые пока еще не были включены в состав сословия [19, с. 4]. В заключение он отметил, что данное собрание является первым общим собранием адвокатов Киевского округа после создания Совета присяжных поверенных в Киеве.

Далее последовал доклад председателя Совета Д.Н. Григоровича-Барского о деятельности избранного сословного органа за истекшие к тому моменту 7,5 месяцев его существования. За это время при Совете были учреждены и развили свою деятельность четыре комиссии: хозяйственная, библиотечная, историческая и комиссия по выработке наказа (регламента) Совета. Кроме того, было положено начало проведению периодических конференций присяжных поверенных и их помощников по вопросам научно-юридическим, экономико-социальным и проблемам профессиональной этики. На конец 1916 года, согласно докладу председателя, в составе округа Киевской судебной палаты всего числилось 583 присяжных поверенных, из них 75 были призваны под знамена (в армию) и 42 проживали в других округах [19, с. 4].

Также Д.Н. Григорович-Барский отметил, что Совет в течение отчетного периода времени принял участие, через своих представителей, в петроградском и московском совещаниях адвокатов по случаю 50-летия существования там Советов присяжных поверенных, приветствовал открытие нового ташкентского Совета, а также участвовал в чествовании заслуженного общественного деятеля и адвоката Д.В. Стасова.

Обращаясь к внутренней деятельности Совета, Григорович-Барский указал, что за истекшие 7,5 месяцев Советом были рассмотрены 211 дисциплинарных дел (из которых окончательно решены 52, причем обвинительные резолюции вынесены лишь по четырем из них, и по трем делам прокурор судебной палаты заявил протест). За это же время в Совет поступило около 1600 бумаг, получивших входящий номер, а исходящих документов оказалось свыше 1900 [24, с. 20].

Из других моментов жизни сословия председатель Совета отметил приглашение адвокатов к участию в составе Киевского военно-промышленного комитета, куда от Совета присяжных поверенных были избраны Ф.Б. Кржижановский и И.В. Малютин. Далее в ходе своего выступления Д.Н. Григорович-Барский подробно остановился на истории ходатайства Совета об утверждении группы помощников-евреев в звании присяжных поверенных. Председатель Совета подчеркнул, что в этом деле был проведен со всею строгостью принцип старшинства стажа. В конечном счете Советом были приняты в сословие 95 человек, из них 38 евреев не были утверждены Министерством юстиции (утверждены лишь 33), таким образом, итоговое число новобранцев составило 57 человек [24, с. 19–20].

Закончил свою речь перед собранием Григорович-Барский предложением послать приветственную телеграмму в Государственную Думу, в которой, в частности, было указано, что «строительство счастья и мощи государства доступно лишь правительству, действующему в союзе с народным представительством и ответственному перед ним. Киевская адвокатура верит, что неизбежен и уже близок день, когда такое правительство будет призвано к власти». Последние слова телеграммы были покрыты шумными аплодисментами всего зала. Единогласно было постановлено отправить телеграмму по назначению [20, с. 4].

После речи председателя с докладами-отчетами выступили члены Совета. Присяжный поверенный Т.А. Попов отчитался о состоянии средств кассы Совета ко дню собрания, а председатель хозяйственной комиссии Я.С. Гольденвейзер, в свою очередь, подробно доложил о деятельности подведомственной ему комиссии. Ее членам пришлось много поработать, главным образом, по приисканию, устройству и оборудованию нового помещения для Совета и его канцелярии в здании Киевского окружного суда. В частности, выяснилось, что на весь ремонт и перепланировку комнат Совета ушло около 5200 рублей, из них 1800 рублей потрачено только на выполнение условия суда (при выделении помещения Совету было поставлено условие оборудовать «удобства» не только для себя, но и для суда) [24, с. 27]. Наконец, председатель библиотечной комиссии Н.Д. Пухтинский дал обстоятельный очерк состояния библиотеки и читальни Совета.

Далее был заслушан краткий доклад Я.С. Гольденвейзера об учреждении при Совете ревизионной комиссии для ревизирования хозяйственной и финансовой отчетности Совета. По этому вопросу возникли оживленные прения: нужна ли вообще ревизионная комиссия. Попутно присяж-

ный поверенный И.М. Очан внес предложение наряду с ревизионной (материальной) комиссией образовать еще и контрольную комиссию для проверки всей деятельности Совета. После обсуждения собранием было постановлено избрать лишь ревизионную комиссию, исключительно для ревизии денежной отчетности по делам Совета, однако, вместе с тем, было решено в дальнейшем обсудить в Совете вопрос об организации и контрольной комиссии для более широкой надзорной деятельности. Состав же ревизионной комиссии был установлен из пяти человек и трех к ним кандидатов (запасных) [19, с. 4].

Затем присяжным поверенным Е.И. Фиалковским были сделаны два сообщения: 1) о существующей с начала войны (Первой мировой) в Киеве адвокатской кассе для оказания помощи призванным в армию присяжным поверенным, их помощникам и членам их семей и 2) об учреждении новой окружной киевской адвокатской кассы для присоединения к всероссийской адвокатской военной кассе. Заслушав отчет о состоянии дел, собрание одобрило отчет киевской военной кассы. Далее последовал доклад И.П. Кельберина о вновь учреждаемой всеобщей пенсионной общеадвокатской кассе. Собрание одобрило доклад в целом и постановило просить Совет отпечатать его, разослать членам сословия и тогда внести его в одно из ближайших общих собраний для обсуждения и принятия дальнейших решений по пенсионному вопросу [19, с. 4].

Внеочередное заявление сделал В.К. Калачевский. Он обратился к собранию с горячим призывом пойти навстречу существующему в Киеве при Союзе городов юридическо-консультационному отделу и вынести постановление об обязательности для членов сословия поочередного посещения госпиталей Союза с целью опроса раненых и больных об их юридических нуждах и доведения собранной информации до сведения юридического отдела для дальнейшего направления дела. Это был «первый опыт самообложения адвокатуры трудовой помощью в пользу жертв войны», предложение после краткой дискуссии было принято собранием [19, с. 4].

Под конец заседания адвокаты приступили к рассмотрению изготовленного Советом проекта наказа (регламента) Совета, который должен был регулировать жизнь не только самого выборного органа, но и всего сословия в Киевском округе. В ходе начавшегося обсуждения возможных поправок присяжный поверенный Г.И. Горнштейн обратил внимание собрания на отсутствие в уже столь поздний час законного состава, и собрание, за отсутствием кворума, было объявлено закрытым [24, с. 39–42]… Насколько можно судить по сохранившимся источникам, наказ киевского Совета присяжных поверенных так и не был принят, в научных библиотеках сохранился лишь отпечатанный к описанному торжественному собранию проект [21]. В пользу того, что до наших дней дошел лишь проект наказа, говорит тот факт, что в нем не учтена ни одна из обсуждавшихся (и даже принятых) на собрании 20 ноября 1916 года поправок… [24, с. 39–42]

После победы в Петрограде в конце зимы 1917 года Февральской революции, в Киеве начались активные политические процессы, но Совет присяжных поверенных просуществовал здесь с перерывами вплоть до осени 1919 года, когда город окончательно перешел под власть большевиков. Согласно «Киевским воспоминаниям» киевского адвоката Алексея Гольденвейзера (сына известного присяжного поверенного Александра Гольденвейзера), изданным в шестом томе «Архива русской революции» в Берлине в 1922 году, на 1 октября 1919 года были назначены общие сборы адвокатов Киевского судебного округа для избрания нового состава Совета присяжных поверенных. Однако собрание не состоялось из-за очередного вооруженного нападения на Киев большевиков [1, с. 264]. Жертвой последних, среди прочих, оказался и товарищ председателя Совета присяжных поверенных киевского округа И.Н. Пересвет-Солтан, расстрелянный еще раньше – в августе 1919 года – чрезвычайкой как видный представитель польской диаспоры, считавшейся большевиками неблагонадежной. Как свидетельствует в своих воспоминаниях Алексей Гольденвейзер, Пересвет-Солтан был расстрелян «по обвинению в связях с польскими легионами» [1, с. 253].

Пристатейный библиографический список

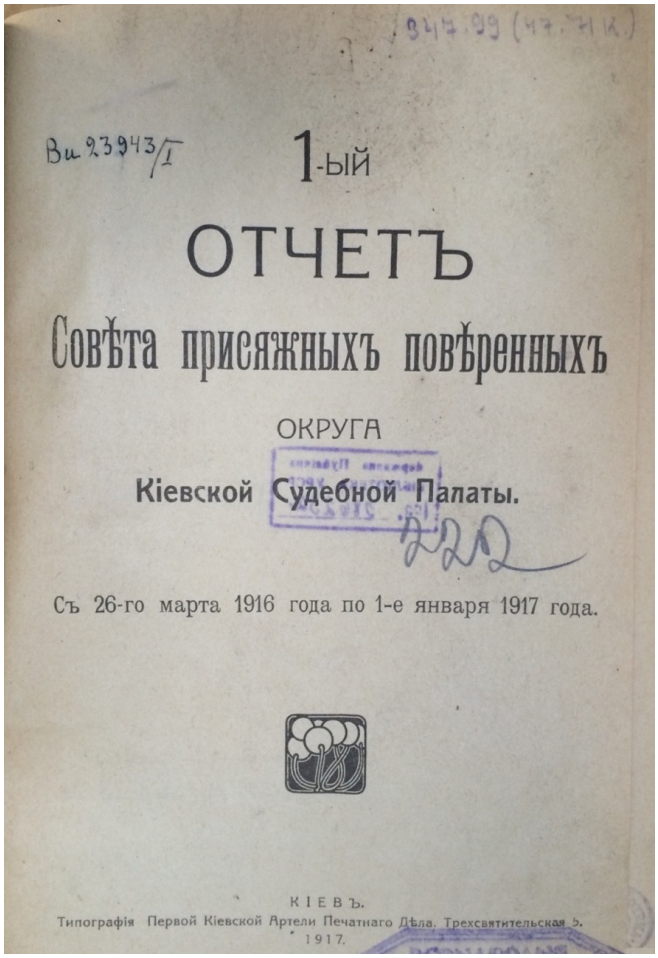
1. Архив русской революции: в 22 т. Изд. И.В. Гессена. Берлин, 1921–1937. Т. 6.
2. Бакаянова Н.М. История возникновения адвокатского самоуправления на украинских землях // Вестник Запорожского национального университета. Юридические науки. 2015. № 3. С. 16.
3. История русской адвокатуры. Т. 3: Сословная организация адвокатуры / под ред. М.Н. Гернет. М., 1916. С. 32–33.
4. Киевлянин. 27 марта 1916.
5. Киевская мысль. 21 января 1916 г.
6. Киевская мысль. 24 января 1916 г.
7. Киевская мысль. 6 марта 1916 г.
8. Киевская мысль. 7 марта 1916 г.
9. Киевская мысль. 11 марта 1916 г.
10. Киевская мысль. 10 марта 1916 г.
11. Киевская мысль. 14 марта 1916 г.

12. Киевская мысль. 21 марта 1916 г.
13. Киевская мысль. 23 марта 1916 г.
14. Киевская мысль. 25 марта 1916 г.
15. Киевская мысль. 26 марта 1916 г.
16. Киевская мысль. 27 марта 1916 г.
17. Киевская мысль. 21 ноября 1915 г.
18. Киевская мысль. 29 марта 1916 г.
19. Киевская мысль. 22 ноября 1916 г.
20. Киевская мысль. 21 ноября 1916 г.
21. Наказ Совета присяжных поверенных округа Киевской судебной палаты. Киев, 1916. Без тит. л. и обл.
22. Отчет Распорядительного комитета консультации присяжных поверенных при Киевском окружном суде с 1 ноября 1905 по 1 ноября 1906 г.
23. Отчет Распорядительного комитета консультации присяжных поверенных при Киевском окружном суде с 15 октября 1913 г. по 1 октября 1914 г. / Список присяжных поверенных при Киевском окружном суде на 1 ноября 1914 года.
24. Первый отчет Совета присяжных поверенных округа Киевской судебной палаты (с 26.03.1916 по 01.01.1917). Киев, 1917.
25. Собрание узаконений и распоряжений прав-ва. Отд. I. 1916, 15 января. № 11. Ст. 36.
26. Учреждение советов присяжных поверенных: [Об отсутствии закон. препятствий для учреждения советов присяж. поверенных в окр. Киев. и Вилен. судеб. Палат] / [Ип. Богданов]. Киев, 1896.

References (transliterated)

1. Arhiv russkoj revoljucii: v 22 t. Izd. I.V. Gessena. Berlin, 1921–1937. T. 6.
2. Bakajanova N.M. Istorija vozniknovenija advokatskogo samoupravlenija na ukrainskih zemljah // Vestnik Zaporozhskogo nacional'nogo universiteta. Juridicheskie nauki. 2015. № 3. S. 16.
3. Istorija russkoj advokatury. T. 3: Soslovnaja organizacija advokatury / pod red. M.N. Gernet. M., 1916. S. 32–33.
4. Kievljanin. 27 marta 1916.
5. Kievskaja mysl'. 21 janvarja 1916 g.
6. Kievskaja mysl'. 24 janvarja 1916 g.
7. Kievskaja mysl'. 6 marta 1916 g.
8. Kievskaja mysl'. 7 marta 1916 g.
9. Kievskaja mysl'. 11 marta 1916 g.
10. Kievskaja mysl'. 10 marta 1916 g.
11. Kievskaja mysl'. 14 marta 1916 g.
12. Kievskaja mysl'. 21 marta 1916 g.
13. Kievskaja mysl'. 23 marta 1916 g.
14. Kievskaja mysl'. 25 marta 1916 g.
15. Kievskaja mysl'. 26 marta 1916 g.
16. Kievskaja mysl'. 27 marta 1916 g.
17. Kievskaja mysl'. 21 nojabrja 1915 g.
18. Kievskaja mysl'. 29 marta 1916 g.
19. Kievskaja mysl'. 22 nojabrja 1916 g.
20. Kievskaja mysl'. 21 nojabrja 1916 g.
21. Nakaz Soveta prisjazhnyh poverennyh okruga Kievskoj sudebnoj palaty. Kiev, 1916. Bez tit. l. i obl.
22. Otchet Rasporjaditel'nogo komiteta konsul'tacii prisjazhnyh poverennyh pri Kievskom okruzhnom sude s 1 nojabrja 1905 po 1 nojabrja 1906 g.
23. Otchet Rasporjaditel'nogo komiteta konsul'tacii prisjazhnyh poverennyh pri Kievskom okruzhnom sude s 15 oktjabrja 1913 g. po 1 oktjabrja 1914 g. / Spisok prisjazhnyh poverennyh pri Kievskom okruzhnom sude na 1 nojabrja 1914 goda.
24. Pervyj otchet Soveta prisjazhnyh poverennyh okruga Kievskoj sudebnoj palaty (s 26.03.1916 po 01.01.1917). Kiev, 1917.
25. Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij prav-va. Otd. I. 1916, 15 janvarja. № 11. St. 36.
26. Uchrezhdenie sovetov prisjazhnyh poverennyh: [Ob otsutstvii zakon. prepjatstvij dlja uchrezhdenija sovetov prisjazh. poverennyh v okr. Kiev. i Vilen. sudeb. Palat] / [Ip. Bogdanov]. Kiev, 1896.

Рис. 1. Присутственные места – место расположения Киевской судебной палаты, Киевского окружного суда и других учреждений. В этом самом здании проходили собрания и съезды присяжных поверенных Киевского судебного округа, располагался Распорядительный комитет, а затем и Совет присяжных поверенных.



Вш 23943/I

1-ый

ОТЧЕТЪ

Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ

округа

Кіевской Судебной Палаты.

Съ 26-го марта 1916 года по 1-е января 1917 года.

КІЕВЪ.

Типографія Первой Кіевской Артели Печатнаго Дѣла. Трехсвятительская 5.

1917.

Рис. 2. Титульный лист первого (и, как оказалось, последнего) отчета Киевского Совета присяжных поверенных (за период 26.03.1916–01.01.1917).

Мельниченко Р.Г.

ТРИ ТЕНДЕНЦИИ АДВОКАТСКОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА В ПОПРАВКАХ 2017 г.

***Цель**: Выявить тенденции законотворческого процесса в адвокатской корпорации России в 2017 году.*

***Методология**: Использовались статистический, герменевтический и сравнительно-исторический методы, а также метод интервью.*

***Результаты**: Выявлены три тенденции адвокатского нормотворчества: постоянного изменения, ужесточения, ad hoc.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Отсутствие научных публикаций по теме статьи свидетельствует о её новизне, научная оценка VIII Всероссийского съезда адвокатов – о ее оригинальности, предлагаемые научные обобщения – о ценности.*

***Ключевые слова**: адвокатура, адвокатская этика, VIII Всероссийский съезд адвокатов, Кодекс профессиональной этики адвоката.*

Melnichenko R.G.

THREE TRENDS LAW RULEMAKING IN 2017 AMENDMENTS

***Purpose**: To identify trends in the legislative process in the law Corporation of Russia in 2017.*

***Methodology**: We Used statistical and hermeneutic and comparative-historical method and interview method.*

***Results**: Identified three trends law rulemaking: a permanent change, tightening, ad hoc.*

***Novelty/originality/value**: The lack of such scientific publications on the topic, testifies to its originality. Scientific assessment of the events of VIII all-Russian Congress of advocates of originality. We offer scientific generalizations – its values.*

***Keywords**: the legal profession, legal ethics, VIII all-Russian Congress of lawyers, the Code of professional ethics of lawyer.*

20 мая 2016 года состоялся VIII Всероссийский съезд адвокатов. Одним из важнейших событий данного мероприятия стало внесение поправок в Кодекс профессиональной этики адвоката (далее – поправки 2017). Наличие богатого эмпирического материала по подготовке и принятию поправок 2017, материалов по более ранним правкам делает весьма перспективным решение задачи научного обобщения процессов, проходящих в адвокатской корпорации, а также заключение и прогнозирование дальнейшего развития ситуации в адвокатской корпорации. Существуют три тенденции развития современного адвокатского нормотворчества: постоянного изменения, ужесточения, ad hoc.

Тенденция постоянного изменения. С момента принятия Кодекса профессиональной этики адвокатов (далее – Этический кодекс) он подвергался изменениям пять раз. На первом съезде Этический кодекс приняли (2003 г.). На двух съездах (четвёртом и пятом) в него не вносили изменения, а на пяти (втором, третьем, шестом, седьмом, восьмом) в Кодекс вносились правки. Изменения и дополнения в Этический кодекс за 2017 год: ст. 4, 5, 9, 15, 21 – дополнены; ст. 18, 23, 25 – изменены; ст. 18.2, 20 – дополнены, изменены.

Интуитивно адвокатский законодатель ощущает всю дестабилизирующую опасность частого внесения изменений в этот корпоративный акт. Так, перед принятием поправок 2017 президент ФАП Ю.С. Пилипенко заявил: «Так получилось, что Всероссийский съезд адвокатов практически каждый съезд правит кодекс профессиональной этики, и, честно говоря, хотелось бы когда-нибудь остановиться. Но в этот раз мы не могли пройти мимо правки кодекса профессиональной этики по той простой причине, что законодатель изменил порядок формирования комиссии по этике и стандартам, и уже с этим мы должны были менять кодекс» [2]. Однако никаких рациональных доводов необходимости постоянных изменений адвокатский «законодатель» не предложил. Представим свои объяснения такому явлению, как «тенденция постоянного изменения».

Мейнстрим на изменения. Адвокатура и её законодатель находятся в мощном государственном контексте. Мейнстримом последнего десятилетия стало лавинообразное нормотворчество. Находясь под влиянием государства и подсознательно, в результате мемесиса, подражая ему, адвокатура идёт в русле тенденции постоянного изменения своей нормативно-корпоративной базы.

Утеря контроля. Законодательство – это тяжеловесный инструмент социального регулирования. Тяжеловесный, но при частом использовании подверженный правовой инфляции. Именно

поэтому законодатель в «спокойные» годы старается нормативные акты не изменять. И только при разбалансировке системы управления он «включает печатный станок» законодательных изменений. Нечто подобное происходит и в современной адвокатуре.

Централизация власти. Утеря контроля за реальными механизмами управления адвокатским сообществом происходит на фоне централизации власти. Об этом свидетельствует именно тенденция постоянного изменения. Если ранее, в ходе других всероссийских съездов часть поправок, предлагаемых Съездом Федеральной палаты адвокатов, была отклонена, то последний съезд не дал нам таких примеров, хотя ряд поправок были откровенно спорными.

Карающая парадигма. Данная тенденция в адвокатском сообществе была идентифицирована в 2013 году [1]. Нашла она свое отражение и в правках 2017. Имеющийся эмпирический материал позволяет проследить нарастающую динамику данного процесса.

Так, в момент принятия Кодекса в нём отсутствовало ограничение на возвращение в профессию. То есть лицо, лишившись своего статуса, могло в этот же день подать документы на получение статуса российского адвоката повторно. Согласно поправкам 2013 года был введён «срок ожидания» для адвоката, лишившегося своего статуса. Исключённый не мог претендовать на получение статуса адвоката в течение трёх лет с момента исключения. Согласно поправкам 2017 «указанный срок может составлять от одного года до пяти лет». Интересны аргументы подобного ужесточения, которые были приведены на съезде. Первый – наличие в среде адвокатов-управленцев тех, кто предлагает «пожизненно» лишать адвокатов их статуса, и потому на этом фоне его можно немного «ужесточить». Второй – дать советам возможность индивидуально варьировать срок лишения статуса. Правда, возникло сомнение в коррупциогенности данной вариабельности, но тут же советам адвокатских палат было предложено всем давать одинаковый срок ожидания [2].

Правовое регулирование «к случаю» ad hoc. Ряд поправок был сделан если не для конкретного случая, то уж, по крайней мере, под сильным его воздействием. Речь идёт о деле «Игорь Трунов против адвокатской палаты Московской области». Адвокат Игорь Трунов в критическом ключе на площадке одной конференции и в сети Интернет высказался о сложившейся практике «формальной» смены президента адвокатской палаты. Речь идёт об избрании «технического президента», который через некоторое время слагает свои полномочия, позволяя тем самым юридически преодолеть нормативные ограничения «не более двух сроков подряд». За подобное высказывание Игорь Трунов был привлечён к дисциплинарной (профессиональной) ответственности, и его статус был прекращён. Суд восстановил статус адвоката Игорю Трунову. По крайней мере, три поправки в Этический кодекс касались этого дела.

Подрыв адвокатуры. Было принято дополнение в ч. 2 статьи 5 Этического кодекса: «Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре». Презентовалось это дополнение так: «Вот если ты мужчина и женат на женщине и начинаешь ходить по белу свету, на конференциях под камеры начинаешь рассказывать, что она негодяйка, не так одевается, не так лежит, не так стоит, так зачем же тебе с ней жить – проще расстаться» [2]. С этой же целью был дополнен п. 1 ч. 2 статьи 15 Этического кодекса, согласно которому адвокат не должен «употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката либо авторитет адвокатуры».

Увеличение срока ожидания. Речь здесь идёт об уже описанном изменении поправками 2017: «Указанный срок может составлять от одного года до пяти лет».

Все три выявленные тенденции в адвокатском нормотворчестве – постоянного изменения, ужесточения, ad hoc – свидетельствуют о глубинном кризисе управления адвокатской корпорацией в России. Тактический успех в усилении центральной власти в адвокатуре (Федеральной палаты адвокатов РФ) неминуемо приведёт к дисбалансировке системы в стратегическом плане.

Пристатейный библиографический список

1. Мельниченко Р.Г. О поправках в Кодекс профессиональной этики адвоката // Адвокат. 2014. № 2. С. 5–8.

2. VIII Всероссийский съезд адвокатов 20.04.2017 (ЧАСТЬ III): видео [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/1L-5XkVmPYU м. 44:00.

References (transliterated)

1. Mel'nichenko R.G. O popravkah v Kodeks professional'noj jetiki advokata // Advokat. 2014. № 2. S. 5–8.

2. VIII Vserossijskij s#ezd advokatov 20.04.2017 (ChAST'' III): video [Jelektronnyj resurs]. URL: https://youtu.be/1L-5XkVmPYU m. 44:00.

Султанов А.Р.

КОПИПАСТ КАК ОТКАЗ В ПРАВОСУДИИ

***Цель**: Рассмотреть укоренившиеся в практике некоторых судей подмены собственного суждения копированием отзыва одной из сторон без учета результатов судебного разбирательства.*

***Методология**: Использовались логический, системный, формально-юридический, а также сравнительно-правовой методы.*

***Результаты**: По мнению автора, судебные акты, которые представляют собой копирование отзыва одной из сторон без учета результатов судебного разбирательства, в действительности для лиц, участвующих в деле, не отличаются от судебных актов, вынесенных без привлечения к рассмотрению дела одной из заинтересованных сторон. Прямое игнорирование результатов судебного разбирательства и деятельности по доказыванию подрывает доверие к суду, поскольку представляет собой циничное неуважение лица, участвующего в деле. Такие судебные акты должны подлежать безусловной отмене, поскольку нельзя допустить перерождения правосудия в режим произвола и бесправия.*

***Новизна**/**оригинальность**/**ценность**: Статья имеет высокую научную ценность и значимость, поскольку в ней рассмотрена редко обсуждаемая, но важная практическая проблема.*

***Ключевые слова**: копипаст, отказ в правосудии, публичность процесса, гражданский контроль, справедливое судопроизводство.*

Sultanov A.R.

COPY-PASTE AS A DENIAL OF JUSTICE

***Purpose**:To examine rooted in the practice of some judges ' substitution of their own judgment a copy of the opinion of one of the parties without regard to the outcome of the trial.*

***Methodology**: We Used a logical, systematic, formal-legal and comparative legal methods.*

***Results**: According to the author, the judicial acts, which represent a reproduction of one of the parties without regard to the outcome of the trial, in fact for the persons participating in business, are no different from judicial acts rendered without bringing in the case of one of the stakeholders. ignoring the outcome of the proceedings and activities of proof undermines the credibility of the court, because it is a cynical disrespect of the person participating in the case. Such judicial acts should be subject to unconditional cancellation, since it is impossible to prevent degeneration of justice in the regime of tyranny and injustice.*

***Novelty**/**originality**/**value**: The article has high scientific value and practical significance, since it examines the rarely discussed but important practical problem.*

***Keywords**: copy-paste, denial of justice, publicity of the process, civilian control of a fair trial.*

«Отказ от правосудия – это квинтэссенция причинения вреда, сумма и содержание всех видов вреда. Это не только грабеж, не только рабство, не только оскорбление, не только убийство – это грабеж, порабощение, оскорбление, убийство, все в одном».

И. Бентам [2]

Безусловно, многие из нас либо слышали о копипасте (с английского Copy-paste – скопировать–вставить), методе создания текста путем копирования и вставки цитат из нескольких источников иногда даже без дальнейшего редактирования конечного результата, либо сталкивались с ним сами. Развитие техники меняло способы создания копипаста, прибегать к нему с появлением компьютеров стало очень просто. Вначале за базу судебных актов стали брать тексты на дискетах, затем на компакт-дисках, флешках, все это сопровождалось внепроцессуальным общением либо судьи, либо помощника судьи.

Конечно же, все это вызывало определенный протест. Особенно выпукло несправедливость такого судейского подхода к составлению судебных актов была проявлена в уголовных делах. «Когда в приговор целиком переносят обвинительное заключение, даже с грамматическими ошибками – это довольно наглядно показывает, на чьей стороне судья» [15]. Еще в феврале 2008 года, выступая с докладом на ежегодном заседании городских судей, председатель Мосгорсуда Ольга Егорова уличила коллег «в копировании обвинений у сотрудников прокуратуры». Она заявила, что судьи злоупотребляют «техническими средствами» и

при вынесении приговоров сканируют куски обвинительных приговоров, не удосуживаясь при этом даже исправить грамматические ошибки обвинительных заключений. «Вы вообще читаете свои приговоры?» – гневно спросила тогда Егорова московских судей, собравшихся в конференц-зале Мосгорсуда [16]. «Диссернет», известный отслеживанием необозначенного цитирования в научных работах, обратил внимание на «копипаст» в приговорах по громким уголовным делам: никак не измененные части из обвинительных заключений [17]. Безусловно, такой подход ставил под сомнение сам факт отправления правосудия [3]. К счастью, эта проблема была донесена до Верховного Суда РФ, и на Пленуме Верховного Суда РФ вопрос был поставлен на обсуждение, что нашло отражение в его Постановлении.

Пленум Верховного Суда РФ счел недопустимым перенесение в судебный акт показаний допрошенных лиц и содержания других доказательств из обвинительного заключения или обвинительного акта без учета результатов проведенного судебного разбирательства (п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 55 от 29.11.2016 «О судебном приговоре»).

Таким образом, в уголовном процессе в качестве грубого процессуального нарушения «воспроизведение обвинительного заключения без учета результатов проведенного судебного разбирательства» появилось благодаря Пленуму Верховного Суда РФ, который фактически запретил копипаст в худшем его проявлении.

Однако в судах общей юрисдикции при рассмотрении гражданских дел такая практика не прекратилась, в частности в одной недавней коммуникации Европейского Суда по правам человека российским властям указывалось на дословное совпадение текста судебного решения и отзыва государственного органа.

В арбитражных судах, которые ранее других судов приобщились к электронному документообороту, представление проектов судебных решений было легитимировано Высшим Арбитражным Судом РФ. Однако представление проектов судебного акта, на наш взгляд, не является оправданием копипаста. Безусловно, хорошо написанный проект может быть подспорьем для написания описательной части судебного акта, но в ней также должны быть отражены результаты судебного разбирательства. При этом в судебном акте в любом случае мотивировочная часть должна быть написана именно судом. «В мотивировочной части отражается вся познавательная деятельность суда, других участников процесса. Мотивировочная часть включает фактическое и правовое обоснование судебного решения и заканчивается правовой квалификацией материального правоотношения… она должна быть такой, чтобы позволить четко уяснить посылки тех выводов, которые будут изложены в резолютивной части. Мотивировочная часть судебного решения имеет принципиальное значение для формирования в будущем законной силы судебного решения – прежде всего потому, что именно в мотивировочной части отражаются обстоятельства, установленные судом» [6].

«Мотивировочная часть обосновывает резолютивную часть решения и признается преследующей одновременно три цели:

а) информирование сторон процесса, а впоследствии и всех иных лиц о соображениях суда, которыми он руководствовался при принятии решения. Причем для демонстрации хода своей мысли суд должен не пересказывать позиции каждой из сторон дела, а раскрывать итоги проведенного судом анализа и оценки доводов сторон;

б) создание условий для полноценной проверки правильности судебного решения;

в) самоконтроль судей, что предполагает критическую оценку судьей хода собственных мыслей.

…Судебное решение должно обеспечивать возможность для всякого члена общества, в том числе не имеющего юридического образования, уяснить умозаключения суда, приведшие к вынесению соответствующего решения» [5].

Именно мотивировочная часть судебного решения является ключевой для поддержания доверия к суду, поскольку правосудие не только должно быть совершено, но и должно быть видно, что оно совершено.

В 2015 году СМИ пестрели доводами Российской Федерации о незаконности судебного решения Гаагского суда о взыскании 50 млрд. Говорилось, что арбитры не выполнили лично свой мандат, что помощник суда Мартин Валасек фактически играл роль четвертого арбитра, написав основную часть решения. В качестве доказательств этого приводили то количество часов, которое он потратил по данному делу, и лингвистическую экспертизу, проведенную по заказу России. «Лингвистическая экспертиза показала большой процент текста решения за авторством помощника. Так, 71 % части решения, определяющей размер ущерба, написан помощником. С точки зрения российской стороны, делегирование функций написания решения помощнику является нарушением мандата арбитров на разрешение спора» [18].

Не можем не согласиться, что доверие к суду данным фактом было подорвано. Полагаем, что судебное решение, представляющее собой на 90 % копию письменного отзыва налогового органа без учета результатов судебного разбирательства, подрывает доверие к суду еще в большей степени.

К сожалению, здесь мы приводим реальную ситуацию. Ознакомление с таким судебным решением вызвало ощущение, что как будто в суде нас и не было, поскольку все наши красочные доводы, все добытые доказательства оказались за бортом, остался лишь отзыв налогового органа.

Причем судебное решение не просто представляло собой копию пояснений Ответчика, но и включало все опечатки, ошибки, выражения «Инспекция… обращает внимание Суда» (стр. 12, 35, 36, 45) «Инспекция не согласна с доводами Заявителя по следующим основаниям» (стр. 39) «Инспекцией установлено…», «Инспекция считает…», «Инспекция не согласна…» и т. д., суд даже не потратил времени на исправление ошибок сканирования. Мы столкнулись с грубейшим проявлением копипаста.

Суд в нарушение принципа непосредственности подменил собственную оценку доказательств оценкой ответчика, проигнорировав наши доводы и представленные нами доказательства, оставив нас в неведении, почему эти доводы и доказательства были отклонены судом. Фактически нам было отказано в правосудии.

«Речь одного – речь никого, нужно честно выслушать обоих» [13]. Судебный акт, представляющий собой мнение одной из сторон, – это не судебный акт, и он должен быть отменен как противоречащий общепризнанным принципам справедливого судопроизводства.

Безусловные основания для отмены судебного акта коррелируются с требованием соблюдения общепризнанного мировым сообществом права на справедливое судебное разбирательство [1]. В соответствии с пунктами 3 и 5 статьи 2 АПК РФ задачами судопроизводства в арбитражных судах являются справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом и формирование уважительного отношения к закону и суду.

Судебные акты, которые представляют собой копию правовой позиции только одной стороны, без учета результатов судебного разбирательства, на наш взгляд, свидетельствуют об их ничтожности, поскольку их правосудность будет всегда под сомнением, как если бы судебные акты были вынесены без привлечения одной из сторон к рассмотрению дела.

По своей сути такие акты в действительности для лиц, участвующих в деле, не отличаются от судебных актов, вынесенных без привлечения к рассмотрению дела одной из заинтересованных сторон [7–10]. Впрочем, прямое игнорирование результатов судебного разбирательства и деятельности по доказыванию еще больше подрывает доверие к суду, поскольку представляет собой циничное неуважение лица, участвующего в деле. Можно утверждать, что такое игнорирование представляет собой также умаление достоинства личности тяжущихся вопреки требованиям ст. 21 Конституции РФ. Более того, когда идет спор с государственным органом, это подрывает доверие к суду как органу, который отправляет правосудие и создает впечатление «нечестной игры» государства.

Игнорирование деятельности в ходе судебного разбирательства одного из лиц, участвующих в деле, показывает его «ненужность», «бесполезность» для судебного органа и предрешенность процесса. Более грубое нарушение принципа равенства перед законом трудно придумать.

В российской правовой доктрине всегда существовал подход, что «судебные решения, постановленные с нарушениями основных начал производства, лишающие его характера судебного, нельзя признать судебным решением: оно ничтожное (nul)» [14].

Как справедливо отмечают, «…суть функционирования судебной ветви государственной власти состоит в том, что в этом функционировании логика силы заменена силой логики. Убеждающая сила правового обоснования принимаемых решений …суть принципа верховенства права, суть правового государства» [4]. Лиши судебный акт убеждающей силы мотивировочной части, и это уже не акт правосудия. Подмени убеждающую силу мотивировочной части судебного акта [11] мнением одной из сторон, и вам уже никогда не доказать другой стороне, что это акт правосудия.

Копирование отзыва одной из сторон и отсутствие мотивов отклонения доводов и доказательств другой стороны – это частный случай немотивированного решения, просто закамуфлированное копирование мнения одной из сторон.

Это своего рода попытка обойти требования публичности [12], с тем чтобы сделать незаметным невыполнение самой главной функции суда – мотивирования своего решения.

Не можем не процитировать правовые позиции ЕСПЧ, изложенные в Постановлении от 11 января 2007 г. по делу «Кузнецов и другие

против РФ», в которых также затронут вопрос возможности контроля общественности за отправлением правосудия: «Суд повторяет, что в соответствии с установленным прецедентным правом, которое отражает принцип надлежащего отправления правосудия, в решении судов и органов правосудия должны быть надлежащим образом указаны основания, по которым они были вынесены. Пункт 1 статьи 6 обязывает судебные инстанции указывать мотивировку постановленных ими решений, но этот пункт нельзя толковать как обязывающий предоставлять подробный ответ по каждому доводу. То, в какой мере должна исполняться данная обязанность излагать мотивировку, зависит от характера решения (см. п. 29 Постановления по делу «РуисТориха против Испании» от 09.12.1994). И хотя национальные суды пользуются ограниченным правом принятия решения в вопросе выбора доводов по конкретному делу и приобщения доказательств достоверности утверждений сторон, эти органы обязаны указать основания для своих действий, изложив мотивировку этих решений (см. п. 36 постановления по делу «Суоминен против Финляндии» от 01.07.2003). Еще одна роль мотивированного решения состоит в том, что оно доказывает сторонам, что их позиции были выслушаны. Кроме того, мотивированное решение дает возможность какой-либо стороне обжаловать его, а апелляционной инстанции – пересмотреть его. Изложение мотивированного решения является единственной возможностью для общественности проследить отправление правосудия» (п. 30 Постановления по делу «Хирвисаари против Финляндии» от 27.09.2001).

Подмена мотивирования судебного акта копированием отзыва налогового органа – это попытка скрыть от общественности тот факт, что суд на самом деле и не выполнял своей функции…

Конечно же, такие судебные акты должны подлежать безусловной отмене, поскольку нельзя допустить перерождения правосудия в режим произвола и бесправия.

Пристатейный библиографический список

1. Афанасьев С.Ф. К проблеме существенных процессуальных ошибок или безусловных оснований к отмене судебных решений по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2015. № 3. С. 40–62.
2. Bentham J.A Protest against Law Taxes [Электронный ресурс]. URL: http://www.laits.utexas.edu/poltheory/bentham/lawtaxes/index.html
3. Васяев А.А. Может ли считаться суд независимым, если текст приговора повторяет текст обвинительного заключения (акта)? // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: материалы междунар. науч.-практ. интернет-конференции. Иркутск, 16–30 апреля 2012 г. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. С. 7–9.
4. Зупанчич Б. Об универсальной природе прав человека // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2007. № 6. С. 26.
5. Рожкова М.А., Глазкова М.Е., Савина М.А. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства: монография / под общ. ред. М.А. Рожковой. М., 2015.
6. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. М., 2014. С. 477.
7. Султанов А.Р. О правах лиц, не участвующих в деле, и процессуальных сроках с точки зрения Конституции РФ // Адвокатская практика. 2007. № 5. С. 17–22.
8. Султанов А.Р. О проблеме кассационного обжалования решения лицами, не участвующими в деле // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / под ред. Л.Ф. Лесницкой, М.А. Рожковой. М., 2008. С. 384–399.
9. Султанов А.Р. Обжалование судебных актов, вынесенных по делам об оспаривании нормативных актов лицами, не участвовавшими в рассмотрении дела в суде первой инстанции // Закон. 2010. № 4. С. 143–155.
10. Султанов А.Р. Борьба за право на обжалование судебного решения. М., 2014.
11. Султанов А.Р. Мотивированность судебного акта как требование стандартов справедливого правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 12. С. 25–30.
12. Султанов А.Р. Влияние правовых позиций Европейского Суда по правам человека на транспарентность российского правосудия // Российская юридическая наука: состояние, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 45-летию юридического образования на Алтае. Барнаул, 2008. С. 173–177.
13. Хеффе О. Справедливость. М., 2007. С. 69.
14. Энгельман И.Е. Учебник русского гражданского судопроизводства. Юрьев, 1904. С. 355.
15. https://newizv.ru/news/society/20-04-2016/238331-federalnyj-sudja-v-otstavke-sergej-pashin.
16. https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/01/26/62783-obvinenie-prigovor-obvivor-8470-1-171-delo-iv-roshe-187.
17. https://pravo.ru/voting/204/.
18. http://www.rbc.ru/newspaper/2016/04/21/571735729a79477c33cbea58.

References (transliterated)

1. Afanas'ev S.F. K probleme sushhestvennyh processual'nyh oshibok ili bezuslovnyh osnovanij k otmene sudebnyh reshenij po grazhdanskim delam // Vestnik grazhdanskogo processa. 2015. № 3. S. 40–62.
2. Bentham J.A Protest against Law Taxes [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.laits.utexas.edu/poltheory/bentham/lawtaxes/index.html
3. Vasjaev A.A. Mozhet li schitat'sja sud nezavisimym, esli tekst prigovora povtorjaet tekst obvinitel'nogo zakljuchenija (akta)? // Ugolovno-processual'nye i kriminal-

isticheskie chtenija: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. internet-konferencii. Irkutsk, 16–30 aprelja 2012 g. Irkutsk: Izd-vo BGUJeP, 2012. S. 7–9.

4. Zupanchich B. Ob universal'noj prirode prav cheloveka // Prava cheloveka. Praktika Evropejskogo Suda po pravam cheloveka. 2007. № 6. S. 26.

5. Rozhkova M.A., Glazkova M.E., Savina M.A. Aktual'nye problemy unifikacii grazhdanskogo processual'nogo i arbitrazhnogo processual'nogo zakonodatel'stva: monografija / pod obshh. red. M.A. Rozhkovoj. M., 2015.

6. Sahnova T.V. Kurs grazhdanskogo processa. M., 2014. S. 477.

7. Sultanov A.R. O pravah lic, ne uchastvujushhih v dele, i processual'nyh srokah s tochki zrenija Konstitucii RF // Advokatskaja praktika. 2007. № 5. S. 17–22.

8. Sultanov A.R. O probleme kassacionnogo obzhalovanija reshenija licami, ne uchastvujushhimi v dele // Problemnye voprosy grazhdanskogo i arbitrazhnogo processov / pod red. L.F. Lesnickoj, M.A. Rozhkovoj. M., 2008. S. 384–399.

9. Sultanov A.R. Obzhalovanie sudebnyh aktov, vynesennyh po delam ob osparivanii normativnyh aktov licami, ne uchastvovavshimi v rassmotrenii dela v sude pervoj instancii // Zakon. 2010. № 4. S. 143–155.

10. Sultanov A.R. Bor'ba za pravo na obzhalovanie sudebnogo reshenija. M., 2014.

11. Sultanov A.R. Motivirovannost' sudebnogo akta kak trebovanie standartov spravedlivogo pravosudija // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2014. № 12. S. 25–30.

12. Sultanov A.R. Vlijanie pravovyh pozicij Evropejskogo Suda po pravam cheloveka na transparentnost' rossijskogo pravosudija // Rossijskaja juridicheskaja nauka: sostojanie, problemy, perspektivy: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 45-letiju juridicheskogo obrazovanija na Altae. Barnaul, 2008. S. 173–177.

13. Heffe O. Spravedlivost'. M., 2007. S. 69.

14. Jengel'man I.E. Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva. Jur'ev, 1904. S. 355.

15. https://newizv.ru/news/society/20-04-2016/238331-federalnyj-sudja-v-otstavke-sergej-pashin.

16. https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/01/26/62783-obvinenie-prigovor-obvivor-8470-1-171-delo-iv-roshe-187.

17. https://pravo.ru/voting/204/.

18. http://www.rbc.ru/newspaper/2016/04/21/571735729a79477c33cbea58.

Московская городская коллегия адвокатов «Московская гильдия адвокатов и юристов»

Moscow city Bar Collegium's «Moscow Guild of lawyer and legal advisers»

осуществляет квалифицированную юридическую помощь по следующим направлениям:

– правовое обслуживание бизнеса (представление интересов предпринимателей в арбитражных судах всех инстанций; защита чести, достоинства и деловой репутации; защита права собственности, владения; арендные отношения с федеральными и муниципальными органами власти; претензионное производство; досудебное урегулирование споров на этапе переговоров; правовое сопровождение антикризисных процедур);

– уголовное право, ведение уголовных дел различной категории, защита на предварительном расследовании и в суде (более 100 успешно проведенных дел: прекращение на стадии расследования, условное осуждение, мировые соглашения), защита прав потерпевших от преступлений; условно-досрочное освобождение (неоднократно добивались положительных результатов);

– гражданское право (бракоразводные процессы, раздел имущества, определение порядка общения с ребенком; признание права собственности на квартиру, долю в квартире, выселение; споры с ТСЖ; споры со страховыми компаниями (ОСАГО, КАСКО)).

Вы можете обратиться к нам по адресу:
Юридический адрес: 115404, Россия, г. Москва, ул. Бирюлевская, д. 5, корп. 2, оф. 402.
Адрес для корреспонденции: 121601, г. Москва, Филевский бул., д. 37, оф. 88.
Телефоны: +7(926) 189-50-90, +7(903) 125-28-55
Веб-сайт коллегии: www.mos-guild.com

Нечкин А.В., Стальнова М.А.

СРОК ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ И ПРИКАЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: КОНСТИТУЦИОННЫЙ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ НОВЕЛЛ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

***Цель**: Выявление и разрешение проблем, связанных с течением срока исковой давности.*

***Методология**: Использовались формально-юридический метод и метод системного анализа.*

***Результаты**: В статье рассмотрена практика применения новейших изменений отечественного гражданского законодательства, касающихся приказного производства. Выявлены проблемные моменты, влекущие ущемление конституционных прав граждан. Предложены поправки в действующее законодательство для исправления ситуации.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Статья обладает высокой научной и практической ценностью, поскольку в ней рассматривается актуальная научно-практическая проблема.*

***Ключевые слова**: срок исковой давности, приказное производство, судебный приказ, исковое производство, право на судебную защиту, конституция.*

Nechkin A.V., Stalnova M.A.

THE STATUTE OF LIMITATIONS AND WRIT PROCEEDINGS: THE CONSTITUTIONAL AND PROCEDURAL ASPECT OF THE NOVELS OF DOMESTIC LEGISLATION

***Purpose**: Identification and resolution of problems related to the running of the limitation period.*

***Methodology**: There are used a formal legal method and a method of system analysis.*

***Results**: The article deals with the practice of applying the latest changes in domestic civil legislation relating to the writ proceedings. Identified the problem moments, entailing the infringement of the constitutional rights of citizens. Represents amendments to the current legislation to correct the situation.*

***Novelty/originality/value**: The article has a high scientific and practical value, since it considers the actual scientific and practical problem.*

***Keywords**: limitation period, writ proceedings, court order, lawsuit, the right to judicial protection, the constitution.*

С 1 июня 2016 г. вступили в законную силу изменения, касающиеся приказного производства. Судебный приказ – судебное постановление, вынесенное судьей единолично на основании заявления о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества от должника по требованиям, предусмотренным Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, если размер денежных сумм, подлежащих взысканию, или стоимость движимого имущества, подлежащего истребованию, не превышает 500 тысяч рублей. В частности, в перечень требований, по которым выдается судебный приказ, были добавлены требование о взыскании задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, а также услуг телефонной связи, требование о взыскании обязательных платежей и взносов с членов товарищества собственников жилья или строительного кооператива. Новым стало также то, что миновать подачу заявления о вынесении приказа и обратиться сразу с исковым заявлением невозможно, потому как такое исковое заявление подлежит возвращению.

После такого рода изменений, принятых, без сомнения, исключительно из благих побуждений, на практике стали возникать ситуации, не безупречные с точки зрения соблюдения конституционного права граждан на судебную защиту. Главной причиной возникновения такого рода проблем послужил срок исковой давности, являющийся краеугольным камнем процессуального аспекта реализации права на судебную защиту.

В соответствии со ст. 195 Гражданского кодекса Российской Федерации исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. Общий срок исковой давности в соответствии со ст. 196 ГК РФ составляет три года. По общему правилу, которое закреплено в ст. 200 ГК РФ, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. По обязательствам с определенным сроком исполнения течение срока исковой давности начинается по окончании срока исполнения. Однако в соответствии со ст. 240 ГК РФ срок исковой давности не течет со дня обращения в суд в установленном порядке за защитой нарушенного права на протяжении всего времени, пока осуществляется судебная защита нарушенного права. При оставлении судом иска без рассмотрения течение срока исковой давности,

начавшееся до предъявления иска, продолжается в общем порядке, если иное не вытекает из оснований, по которым осуществление судебной защиты права прекращено.

Судебный приказ выносится независимо от истечения сроков исковой давности. Вопросы течения срока исковой давности при подаче заявления о вынесении судебного приказа разрешены в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности»: «В силу пункта 1 ст. 204 ГК РФ срок исковой давности не течет с момента обращения за судебной защитой, в том числе со дня подачи заявления о вынесении судебного приказа либо обращения в третейский суд, если такое заявление было принято к производству. Положение п. 1 ст. 204 ГК РФ не применяется, если судом отказано в принятии заявления или заявление возвращено, в том числе в связи с несоблюдением правил о форме и содержании заявления, об уплате государственной пошлины, а также других предусмотренных ГПК РФ и АПК РФ требований» [2].

Итак, как мы уже отмечали выше, в свете вступивших в силу изменений на практике возникают проблемные ситуации. Актуальным является случай, связанный с взысканием задолженности за жилищно-коммунальные услуги, имевший место и в нашей практике. Управляющая компания либо иное лицо, обладающее правом взыскания такой задолженности, например в связи с уступкой права требования, обязано обратиться с заявлением о вынесении судебного приказа. Сразу подать иск это лицо не может. Заявление о вынесении судебного приказа подается в пределах срока исковой давности, далее судья принимает решение по данному заявлению. Судья выносит определение об отказе в принятии заявления о вынесении судебного приказа, и пока судья рассматривает заявление и выносит определение, срок исковой давности проходит, и обращение в исковом порядке не имеет смысла вообще, либо сумма, на которую истец может рассчитывать, значительно уменьшится в результате применения срока исковой давности.

Следует также отметить, что управляющие компании обычно имеют большую дебиторскую задолженность по оплате жилищно-коммунальных услуг. Потребители не платят по различным причинам. Количество должников может достигнуть нескольких тысяч. Задолженность потребителей влечет за собой убытки для управляющей компании, затруднительность своевременной подачи заявлений в связи с отсутствием денежных средств, а подготовка документов в суд по всем должникам может затянуться на несколько лет.

Такая проблема особо актуальна для лиц, приобретающих право требования на дебиторскую задолженность управляющих организаций по договору цессии после проведения торгов в процессе банкротства. В таких случаях после заключения договора остается полгода до истечения срока исковой давности, а количество дебиторов доходит до тысячи, иногда и более. Причем выяснить это до проведения торгов и заключения договора цессии не всегда возможно, так как документы часто предоставляются не в полном объеме либо не предоставляются для ознакомления вовсе.

Несмотря на то, что суд должен рассмотреть заявление и вынести судебный приказ в течение пяти дней с момента его поступления, на практике в силу загруженности суда этот срок увеличивается. Если подано одновременно большое количество заявлений, суд физически не сможет их рассмотреть в течение пяти дней с момента их поступления, поэтому сроки затягиваются. Заявитель оказывается в ситуации, когда он зависит от того, насколько быстро суд рассмотрит его заявление. На практике мы столкнулись со случаем, когда заявление о вынесении судебного приказа было подано в январе 2017 года, а определение о его возвращении вынесено в апреле 2017 года. Ранее такой проблемы не существовало, поскольку у заявителя имелась альтернатива – обращение с исковым заявлением. Теперь таковой нет.

На практике нередки случаи отказов в вынесении судебных приказов. Необходимо отметить, что для вынесения судебного приказа требования должны быть бесспорными, полностью подтверждаться документами. Бывают ситуации, когда заявитель не располагает полным объемом документов, но вынужден обращаться с заявлением о вынесении судебного приказа, вместо того, чтобы сразу обратиться с иском в суд, который будет принят к производству, так как неполное подтверждение требований не является препятствием для его рассмотрения, однако может повлечь отказ либо частичный отказ в удовлетворении исковых требований. Более того, компенсировать недостаточность документов в исковом производстве возможно через судебный запрос.

Особо необходимо отметить случай, когда выносится определение о возвращении судебного приказа. Это возможно, когда, по мнению суда, заявителем не соблюдены требования к форме и

содержанию такого заявления, не представлены документы, подтверждающие заявленное требование, если заявление подано с нарушением правил подсудности, а также по иным основаниям, закрепленным в статьях 125 и 135 ГК РФ. Например, судья может посчитать, что заявитель представил не все необходимые документы, и возвращает заявление о вынесении судебного приказа. В этом случае срок исковой давности также продолжает течь в общем порядке, без перерыва. Ранее в данном случае у заявителя имелась возможность сразу обратиться с иском, а теперь такой возможности нет, заявитель должен устранить недостатки и подать заявление о вынесении судебного приказа заново.

К слову сказать, порядок возвращения искового заявления в случае, если не соблюдены требования к форме и содержанию, иной и нацелен на соблюдение прав обеих сторон, но прежде всего истца. Так, суд уведомляет истца о том, что в исковом заявлении имеются недостатки, путем направления в его адрес определения об оставлении иска без движения, дает срок на устранение недостатков. Если недостатки в установленный срок не будут устранены, тогда заявление подлежит возвращению. Более того, если истец не может предоставить какие-либо документы, у него есть возможность мотивировать затруднительность их получения самостоятельно и подать ходатайство об истребовании доказательств. В таком случае суды принимают исковые заявления к производству. В приказном производстве такой возможности нет. Если истец не обладает всем объемом документов, то есть риск, что заявление будет возвращено, а далее двигаться заявитель не сможет, потому как срок исковой давности может истечь.

Без сомнения, лицо, чье право нарушено, обязано своевременно совершать действия по его защите. Необходимо подавать заявление о вынесении судебного приказа с расчетом на то, чтобы осталось время для обращения с иском в случае, если в принятии заявления будет отказано. Однако лицо должно иметь возможность реализовать право на судебную защиту в любой момент в пределах срока исковой давности. Если заявление им подано в пределах этого срока, то логично, что заявитель не должен зависеть от периода принятия решения по нему судьей.

Подобная логика рассуждений прослеживается и в решениях Конституционного Суда РФ, который в одном из своих недавних постановлений описал сущность срока исковой давности следующим образом: «Институт исковой давности имеет целью упорядочить гражданский оборот, создать определенность и устойчивость правовых связей, дисциплинировать их участников, способствовать соблюдению договоров, обеспечить своевременную защиту прав и интересов субъектов гражданских правоотношений, поскольку отсутствие разумных временных ограничений для принудительной защиты нарушенных гражданских прав приводило бы к ущемлению охраняемых законом прав и интересов ответчиков и третьих лиц, которые не всегда могли бы заранее учесть необходимость собирания и сохранения значимых для рассмотрения дела сведений и фактов; применение судом по заявлению стороны в споре исковой давности защищает участников гражданского оборота от необоснованных притязаний и одновременно побуждает их своевременно заботиться об осуществлении и защите своих прав» [1].

То есть, проще говоря, срок исковой давности должен быть эффективным инструментом обеспечения баланса интересов сторон судебного процесса, а не неизбежным злом, с которым приходится смириться, или, что еще хуже, средством разгрузить суды в ущерб конституционному праву граждан на судебную защиту.

В связи с этим мы считаем, что существует насущная необходимость устранить имеющиеся пробелы, законодательно закрепив правило о том, что в случае отказа в принятии заявления о вынесении судебного приказа либо о его возвращении срок исковой давности приостанавливается на все время с момента поступления данного заявления до вынесения судебного акта. Причем возвращение судебного приказа должно приостанавливать срок исковой давности, так как возможности исправить недостатки и добиться его принятия может и не быть по независящим от заявителя причинам. Однако в случае отказа в принятии заявления о вынесении судебного приказа и последующей подачи иска и принятии его к производству истец должен заявить о том, что имело место приостановление срока исковой давности по причине подачи заявления о вынесении судебного приказа, и представить доказательства, подтверждающие данные обстоятельства. В случае отсутствия такого заявления суд будет применять срок исковой давности без учета этих обстоятельств, поскольку гражданское дело по иску и материал, содержащий заявление о вынесении судебного приказа, не соединяются в одно дело.

Необходимо также рассмотреть еще одну сторону поставленной проблемы. В соответствии с ч. 2 ст. 196 ГК РФ срок исковой давности не может превышать десять лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен. На-

чалом течения такого десятилетнего срока, за исключением случаев, связанных с недействительными сделками, и обязательств с определенным сроком исполнения, является день нарушения права.

В соответствии с п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» [2] для целей исчисления этого срока, если иное прямо не предусмотрено законом, не принимается во внимание день, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права, и указанный срок не может быть восстановлен. Названный срок применяется судом по заявлению стороны в споре. Вместе с тем истцу не может быть отказано в защите права, если до истечения десятилетнего срока имело место обращение в суд в установленном порядке, или обязанным лицом совершены действия, свидетельствующие о признании долга.

Из вышеназванных разъяснений можно сделать вывод о том, что заявить о применении десятилетнего срока должен не только ответчик в случае его истечения, но также и истец в случае, если он пропустил трехлетний срок исковой давности, но не пропустил десятилетний срок. В этом случае в иске не должно быть отказано. Однако данный вывод не верен, несмотря на, казалось бы, точную формулировку. Десятилетний срок исковой давности является предельным, это означает, что если этот срок не истек, то суд выясняет, не истек ли трехлетний срок исковой давности. Если суд приходит к выводу, что трехлетний срок истек, то отказывает в иске. Если истек десятилетний срок исковой давности, то суд не выясняет, истек ли трехлетний срок, когда истец узнал либо должен был узнать о нарушении права, и отказывает в иске.

Необходимо обратить внимание и на следующий момент. В соответствии с п. 9 ст. 3 Федерального закона от 07.05.2013 № 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» установленные положениями Гражданского кодекса Российской Федерации сроки исковой давности и правила их исчисления применяются к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законодательством и не истекли до 1 сентября 2013 года. Если заявлено требование о взыскании задолженности, возникшей до 01.09.2013, и трехлетний срок исковой давности на 01.09.2013 истек, то положения о десятилетнем сроке на данный случай не распространяются. Десятилетний срок исковой давности не распространяется и на случаи, для которых установлены специальные сроки исковой давности.

Несмотря на то, что изменения, касающиеся десятилетнего срока исковой давности, вступили в силу еще в 2013 году, можно найти не так много судебных решений, разрешающих вопрос истечения десятилетнего срока давности, в них нет четко изложенной аргументации относительно соотношения общего и предельного сроков исковой давности.

В качестве примера, где такой вопрос был поставлен, приведем решение Сортавальского городского суда Республики Карелия от 28.04.2016 по делу № 2-283/2016. Данным судом рассматривалось исковое заявление о взыскании задолженности за жилищно-коммунальные услуги за период с 01.11.2010 по 29.02.2016. Истцом было заявлено о применении десятилетнего срока исковой давности, а именно о том, что данная задолженность подлежит взысканию в течение десяти лет. Суд отказал в применении десятилетнего срока на том основании, что решение о взыскании с ответчиков задолженности с 01.11.2010 по 01.05.2011 уже было принято в 2011 году. На момент обращения в суд с иском истец не представил доказательств обращения в суд с иными исками о взыскании задолженности с ответчиков, соответственно подлежит применению общий срок исковой давности, составляющий три года.

Мотивировка отказа в применении десятилетнего срока исковой давности непонятна. Представляет интерес тот факт, что суд не указал на то, что десятилетний срок – это лишь предельный срок, в течение которого может быть подан иск при соблюдении трехлетнего срока исковой давности. Также остается непонятным, в связи с чем суд посчитал необходимым представлять доказательства подачи иных исков.

Итак, нами были рассмотрены проблемные вопросы течения сроков исковой давности при отказе в принятии заявления о вынесении судебного приказа и возвращении такого заявления. По нашему мнению, имеет место неполное урегулирование данных правоотношений, влекущее ущемление конституционного права граждан на судебную защиту. В связи с этим логичным способом решения подобной проблемы является внесение изменения в Гражданский кодекс РФ, а именно в п. 1 ст. 204 ГК РФ, который, по нашему

глубокому убеждению, должен выглядеть следующим образом:

«Срок исковой давности не течет со дня обращения в суд в установленном порядке за защитой нарушенного права и до дня вынесения судебного акта.

Таким образом, при обращении в суд с иском либо с заявлением о вынесении судебного приказа, пока суд рассматривает обращение, выносит судебный акт, срок исковой давности течь не будет. Если иск или заявление будет возвращено, срок продолжит течь со дня, следующего за днем принятия соответствующего определения».

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.02.2016 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 9 ст. 3 ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и ст. 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Е.В. Потоцкого» // СЗ РФ. 2016. № 8. Ст. 1167.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References (transliterated)

1. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 15.02.2016 № 3-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij ch. 9 st. 3 FZ «O vnesenii izmenenij v podrazdely 4 i 5 razdela I chasti pervoj i st. 1153 chasti tret'ej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» v svjazi s zhaloboj grazhdanina E.V. Potockogo» // SZ RF. 2016. № 8. St. 1167.

2. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 29 sentjabrja 2015 g. № 43 «O nekotoryh voprosah, svjazannyh s primeneniem norm Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ob iskovoj davnosti». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».

НАЙДЕМ АДВОКАТА

«Найдем Адвоката» – это не юридическая фирма

Мы бесплатный сервис по подбору юристов и адвокатов необходимой Вам специализации во всех регионах России и мира.

Подбор юристов и адвокатов осуществляется бесплатно и в течение одного часа.

С нами работает более 1700 тщательно отобранных узкоспециализированных юристов и адвокатов в более чем 50 странах мира.

За два года работы Проекта мы помогли более чем 3000 клиентов, которым были подобраны юристы и адвокаты, решившие их проблемы.

Вам или Вашим близким нужен юрист или адвокат? Тогда оставьте заявку на сайте naidemadvokata.ru или позвоните нам по номеру: 8 (800) 775-07-20 (звонок по России бесплатный).

Мелконян Д.А.

ИСКОВАЯ ДАВНОСТЬ В СПОРАХ ПО ПРИЗНАНИЮ СДЕЛОК НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ

***Цель**: Исследование специфики применения исковой давности в спорах по признанию сделок недействительными в российском гражданском праве.*

***Методология**: Использовались формально-юридический метод, нормативно-догматический анализ.*

***Результаты**: В данной статье проанализированы особенности применения исковой давности в спорах по признанию сделок недействительными. Подчеркивается важность исковой давности как института российской цивилистики. Основное внимание уделяется проблемным аспектам в определении исковой давности сделок в российском гражданском законодательстве. Автор обращает внимание на сложность определения сроков исковой давности, существующие в Гражданском кодексе РФ противоречия, рассматривает вопрос о возможности применения исковой давности третьими лицами. По мнению автора, вопросы применения исковой давности в российском законодательстве нуждаются в углублении и совершенствовании.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Настоящая статья имеет существенную научно-практическую ценность, поскольку посвящена важной для российского гражданского права проблематике исковой давности в спорах о недействительности сделок. Разрешение существующих противоречий представляется важной задачей в направлении развития и совершенствования отечественного гражданского законодательства.*

***Ключевые слова**: сделка, исковая давность, недействительность сделки, ничтожная сделка, оспоримая сделка, гражданское право.*

Melkonyan D.A.

THE STATUTE OF LIMITATIONS IN DISPUTES ON THE RECOGNITION OF TRANSACTIONS AS INVALID

***Purpose**: To study the specifics of the application of limitation of actions in disputes on the recognition of transactions as invalid in Russian civil law.*

***Methodology**: We used a formal legal method, normative and dogmatic analysis.*

***Results**: In this article, features of the application of limitation of actions in disputes on the recognition of transactions as invalid are analyzed. The importance of statute of limitations as an institution of Russian civil law is underlined. The main attention is paid to the problematic aspects in determining the limitation of actions in Russian civil law. The author draws attention to the complexity of determining the limitation periods, the existing contradictions in the Civil Code of the Russian Federation, and considers the issue of the possibility of applying limitation of actions by third parties. In the author's opinion, the issues of applying limitation of actions in the Russian legislation need to be deepened and improved.*

***Novelty/originality/value**: This article is of considerable scientific and practical value, since it is devoted to the issue of limitation of actions in disputes on invalidity of transactions, important for Russian civil law. Resolution of existing contradictions is an important task in the direction of development and improvement of domestic civil legislation.*

***Keywords**: transaction, limitation of actions, invalidity of transaction, insignificant transaction, disputable transaction, civil law.*

Признание сделок недействительными – довольно распространенная процедура в российской и мировой юридической практике. Анализ судебной практики показывает, что в современной России растет количество судебных споров о недействительности договоров и сделок, в том числе рассматриваемых в арбитражных судах. С одной стороны, внушительное количество недействительных сделок представляет собой определенную опасность для общества и рыночных отношений, тем более, что к недействительности сделки часто апеллируют субъекты гражданского права, пытающиеся уклониться от исполнения возложенных на них обязательств, ссылаясь на то, что сделка якобы была недействительной. С другой стороны, возможность признания сделки недействительной позволяет защитить гражданские права лиц, чьи охраняемые законом интересы нарушаются в результате такой сделки.

В отечественной юридической литературе существует достаточно обширное количество работ, посвященных анализу как недействительных сделок в целом, так и такого важного института законодательства, как исковая давность. Ряд исследователей обращает внимание на большое количество противоречий в применении исковой

давности в гражданском процессе [5]. Например, в Гражданском кодексе РФ хаотично употребляются понятия «недействительность» и «ничтожность» сделки, причем наблюдается пересечение данных понятий [6].

Конституция РФ гарантирует гражданам РФ право на судебную защиту. Субъекты гражданского права должны иметь возможность добиться отмены незаконной сделки даже спустя определенное время после ее заключения, для чего в законодательстве и фигурирует понятие исковой давности. Статья 195 Гражданского кодекса РФ определяет исковую давность как «срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено».

Исковая давность, по мнению ряда исследователей, имеет как материально-правовую, так и процессуальную природу [2]. Хотя первостепенное значение отводится материально-правовой составляющей исковой давности, процессуальные аспекты также имеют очень большое значение. Несмотря на гарантированное право на судебную защиту, для стабильности гражданского оборота оспаривание сделок должно иметь некоторые временные ограничения, которые обеспечиваются институтом исковой давности.

Определение сроков исковой давности – очень сложная и многогранная проблема, что и объясняет актуальность ее исследования для отечественной юридической науки. Перед тем, как обратиться непосредственно к рассмотрению данного вопроса, необходимо отметить, что недействительные сделки согласно российскому законодательству разделяются на ничтожные и оспоримые. Квалификация ничтожных сделок не представляет особой сложности, равным образом, как и исковой срок давности. Поскольку ничтожная сделка недействительна априори, срок давности по ничтожным сделкам исчисляется с момента их совершения, вне зависимости от иных субъективных факторов.

Главными критериями ничтожности сделки являются, во-первых, нарушение этой сделкой существующих в законодательстве запретов, а во-вторых, подпадание под нормативно-правовые акты, указывающие ничтожность данных сделок. Соответственно, судебные дела в отношении ничтожных сделок рассматриваются, в том числе, и по правилам особого производства.

Более сложным представляется определение исковой давности в оспоримых сделках. Согласно ст. 166 ГК РФ недействительность оспоримой сделки признается судом в том случае, если данная сделка нарушает гражданские права оспаривающего ее лица. Именно противоречие правам и законным интересам третьих лиц позволяет провозгласить сделку недействительной [4].

Статья 181 ГК РФ предусматривает различные сроки исковой давности для ничтожных и оспоримых сделок. Для ничтожных сделок срок исковой давности составляет три года, тогда как для оспоримых – всего один год. Течение срока давности по оспоримой сделке исчисляется с того момента, как были осуществлены действия, под влиянием которых лицо согласилось на заключение оспоримой сделки, либо с момента осведомления лица, опротестовывающего сделку, о том, что она может быть признана недействительной.

Для того чтобы был установлен срок исковой давности, суд должен определить, является ли сделка оспоримой или ничтожной. Мы согласны с точкой зрения Б.Х. Габоева, который разделяет ничтожные и оспоримые сделки в зависимости от основания недействительности [1, с. 7]. Заключение ничтожных сделок нарушает общественную волю, выраженную законодательно, а оспоримых сделок – волю определенного лица. В некоторых случаях заявление о пропуске срока исковой давности может рассматриваться как недобросовестное действие, что повлечет отказ суда от удовлетворения данного требования [3].

Определение исковой давности по оспоримым сделкам на практике сталкивается с целым рядом проблем.

Во-первых, это препятствия для защиты интересов лиц, не знавших или не имевших возможности знать о нарушении их гражданских прав в результате сделки. Такая ситуация становится возможной благодаря использованию объективного критерия исковой давности. Исправление существующей ситуации возможно посредством совершенствования гражданского законодательства за счет ограничения применения объективного критерия исковой давности для названной выше категории лиц.

Объективный критерий исковой давности должен применяться в отношении лиц, осведомленных (или имевших возможность осведомления) о нарушении своих прав и охраняемых законом интересов в процессе совершения сделки. Соответственно, исковая давность в отношении лиц, не имевших возможности узнать о нарушении их гражданских прав, должна наступать лишь после того, как эти лица узнали о произошедших нарушениях или о проведении нарушившей их права сделки.

Во-вторых, в действующем Гражданском кодексе РФ недостаточно проработан вопрос о

восстановлении пропущенных сроков исковой давности при рассмотрении оспоримых сделок. В результате даже при наличии очевидных обстоятельств, препятствовавших своевременному обращению лица, чьи права были нарушены, в суд, в случае пропуска сроков исковой давности законные права и интересы лица оказываются незащищенными.

В настоящее время ст. 205 ГК РФ допускает восстановление исковой давности в случае признания причины пропуска срока исковой давности уважительной. К уважительным причинам относятся тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность истца и т. д. Уважительными причины пропуска срока исковой давности признаются в том случае, если они имели место в течение последних шести месяцев срока давности.

Очевидно, что данная норма препятствует защите прав граждан в целом ряде споров о недействительности сделок. Поэтому целесообразным представляются пересмотр и корректировка данной нормы посредством внесения изменений в статью 205 Гражданского кодекса РФ, в первую очередь, в сторону большей конкретизации обстоятельств, позволяющих восстановить срок исковой давности. Вместе с тем целесообразно все же ввести максимально возможный срок восстановления исковой давности, что позволит осуществлять более эффективное регулирование гражданского оборота.

Еще один важный момент – возможность применения исковой давности третьими лицами, не являющимися участниками спора. До недавнего времени такая возможность исключалась, пока не было принято Постановление Пленума Верховного Суда от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности». В нем подчеркивается, что заявление о пропуске срока исковой давности может сделать третье лицо, но в том случае, если удовлетворение иска к ответчику влечет за собой перспективу предъявления ответчиком регрессивного требования или требования о возмещении убытков к третьему лицу. Но и это решение является проблематичным, поскольку: 1) в случае определенных действий должника исковая давность к третьему лицу возобновится; 2) усложняется положение истца, поскольку право третьего лица заявлять об исковой давности может войти в противоречие с защитой его прав и интересов. Таким образом, видятся необходимыми пересмотр данной меры и принятие нормы, в большей степени отвечающей интересам сторон.

Пристатейный библиографический список

1. Габоев Б.Х. Признание оспоримых сделок недействительными: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владикавказ, 2010.
2. Грибков Д.А. Исковая давность и сроки обращения в суд в гражданском судопроизводстве. М., 2009.
3. Демкина А.В. Некоторые проблемы в правоприменении по срокам исковой давности // Российская юстиция. 2016. № 4. С. 29–32.
4. Кагальницкова Н.В. Теоретико-правовые проблемы разграничения ничтожных и оспоримых сделок в гражданском праве // Вестник Волгоградского госуниверситета: Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 1 (26). С. 104–109.
5. Романчук С.В. Коллизии института исковой давности в гражданском праве Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2011.
6. Эрделевский А.М. О некоторых вопросах исковой давности // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 58–64.

References (transliterated)

1. Gaboev B.H. Priznanie osporimyh sdelok nedejstvitel'nymi: avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. Vladikavkaz, 2010.
2. Gribkov D.A. Iskovaja davnost' i sroki obrashhenija v sud v grazhdanskom sudoproizvodstve. M., 2009.
3. Demkina A.V. Nekotorye problemy v pravoprimenenii po srokam iskovoj davnosti // Rossijskaja justicija. 2016. № 4. S. 29–32.
4. Kagal'nickova N.V. Teoretiko-pravovye problemy razgranichenija nichtozhnyh i osporimyh sdelok v grazhdanskom prave // Vestnik Volgogradskogo gosuniversiteta: Serija 5: Jurisprudencija. 2015. № 1 (26). S. 104–109.
5. Romanchuk S.V. Kollizii instituta iskovoj davnosti v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii: dis. … kand. jurid. nauk. SPb., 2011.
6. Jerdelevskij A.M. O nekotoryh voprosah iskovoj davnosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2015. № 3. S. 58–64.

Юрова И.О.

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

***Цель**: Исследование истории развития законодательства в России и проведение сравнительного анализа законодательства РФ и законодательства стран ближнего и дальнего зарубежья в сфере установления пределов осуществления гражданского права.*

***Методология**: Использовались историко-правовой и сравнительно-правовой методы.*

***Результаты**: Рассмотрен опыт законодательства РФ в регулировании пределов осуществления гражданских прав как меры противодействия злоупотреблению правом. На основании трудов отечественных и иностранных авторов и положений зарубежного гражданского законодательства выявлена необходимость рассмотрения проблемы злоупотребления правом как одного из условий для стабилизации гражданско-правовых отношений в развитии предпринимательской деятельности и договорных отношений. Установлено, что добросовестность участников гражданских правоотношений как основное начало гражданского законодательства является сдерживающим фактором антиобщественных и негативных проявлений в гражданском обороте.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Статья имеет научную ценность, поскольку является одной из первых попыток рассмотреть положения законодательства РФ о добросовестном осуществлении прав в сравнении с положениями гражданского законодательства некоторых других стран ближнего и дальнего зарубежья, что может быть полезно для дальнейших исследований при решении проблемы злоупотребления правом, а также в определении места добросовестности в регулировании гражданско-правовых отношений.*

***Ключевые слова**: добросовестность, пределы осуществления прав, злоупотребление правом, защита гражданских прав.*

Yurova I.O.

WELFARE IN THE IMPLEMENTATION OF CIVIL RIGHTS

***Purpose**: The study of the history of the development of legislation in Russia and the conduct of comparative analysis of the legislation of the Russian Federation and the laws of the countries of near and far abroad in the field of establishing the limits of the implementation of civil law.*

***Methodology**: History-legal and comparatively legal methods were used.*

***Results**: The experience of the legislation of the Russian Federation in the legislative regulation of the limits of the exercise of civil rights is considered, as a measure to counteract abuse of law. Based on the works of domestic and foreign authors and the provisions of foreign civil law, the need to address the problem of abuse of law as one of the conditions for the stabilization of civil relations in the development of business and contractual relations is identified. It is established that the conscientiousness of participants in civil legal relations, as the main principle of civil legislation, is a deterrent to antisocial and negative manifestations in civil circulation.*

***Novelty/originality/value**: The article is of scientific value, since it is one of the first attempts to review the provisions of the Russian Federation's legislation on the conscientious exercise of rights, in comparison with the provisions of civil legislation in some other countries of the near and far abroad, which may be useful for further research into the problem of abuse of law. And also in determining the place of good faith in the regulation of civil law relations.*

***Keywords**: conscientiousness, limits of the exercise of rights, abuse of law, protection of civil rights.*

Гражданский кодекс Российской Федерации в ст. 10 «Пределы осуществления гражданских прав» предполагает добросовестность участников правоотношений. Действия с намерением причинения вреда, противоправные действия в обход закона статья относит к недобросовестным действиям, к злоупотреблению правом. Таким образом, понятие добросовестности в гражданском законодательстве уточняет такое правовое явление, как злоупотребление правом [3]. Следует согласиться с тем, что предполагаемая законодателем добросовестность участников, являясь неким пределом осуществления гражданских прав, исключает злоупотребление правом.

Законодательство дореволюционного и советского периодов не содержало прямого запрета на злоупотребление правом. Запрет на злоупотребление в дореволюционном праве отражается лишь в нескольких постановлениях Сената. В одном из этих положений содержался запрет на ведение хозяйственной деятельности, нарушающей права соседа. Такое положение значилось в

проекте обязательственного права Гражданского уложения 1902 года, но в силу оно так и не вступило [8].

В первой статье ГК РФСР 1922 года [10] закрепляется принцип недопустимости осуществления гражданских прав в противоречии с их социально-хозяйственным назначением. Гражданские права, осуществляемые в противоречие такому назначению, законом уже не охранялись.

Основы гражданского законодательства 1961 года [9] закрепляют охрану гражданских прав в случае их осуществления в соответствии с назначением, в условиях политической задачи строительства коммунизма в социалистическом обществе. Это было фактическое закрепление приоритета публичных интересов над частными.

Лишь в 1991 году в ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик закрепляется положение, согласно которому осуществление гражданских прав не должно нарушать прав и охраняемых законодательством интересов третьих лиц. Осуществляя свои права, граждане должны уважать моральные принципы общества и правила деловой этики. Более того, учитывая на тот момент расширение объема правоспособности физических и юридических лиц, статья закрепляла положение о недопустимости использования предпринимателями гражданских прав, которое имеет цель ограничение конкуренции. Таким образом, с этого времени закреплялось такое положение, при котором осуществление гражданских прав не должно противоречить не только публичным, но и частным интересам.

В 1994 году Гражданский кодекс Российской Федерации в п. 3 ст. 10 устанавливал, что разумность и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается законом в случаях, когда защита гражданских прав находится в зависимости от разумных и добросовестных действий участников правоотношений. Нарушая этим действующие сегодня общие принципы разумности и добросовестности при осуществлении гражданских прав, прямо не устанавливая требования добросовестного поведения, закон соответственно опирался на другие нормы социального поведения. И отступление от этих требований не влекло никаких негативных правовых последствий.

На сегодня, в силу изменений ГК РФ в соответствии с федеральным законом от 30.12.2012, п. 3 ст. 1 ГК РФ закрепил добросовестность участников гражданских правоотношений в качестве основного начала гражданского законодательства. Теперь судьи обращаются не только к ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, устанавливающей, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, но и к ст. 10 ГК РФ даже в том случае, когда прямое требование добросовестности в отношении осуществления какого-либо права отсутствовало.

По справедливому замечанию Э.О. Гаврилова, «действия считаются добросовестными, если они соответствуют «доброй совести», общим принципам справедливости, морали, нравственности» [5]. Это означает, что, совершая определенные действия, субъект гражданского права обязан учитывать требования не только закона, но и морально-нравственных установок.

В условиях активного роста предпринимательской деятельности и развития договорных отношений, когда разработка механизмов взаимодействия и некоторой идентичности правовых систем становится важной составляющей для стабилизации гражданско-правового оборота, требуется рассмотрение проблемы злоупотребления правом, его теоретического осмысления не только в трудах отечественных и иностранных авторов, но и в положениях зарубежного гражданского законодательства.

Так, ст. 8 общей части Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее – ГК РК), в отличие от ГК РФ, не выделяет шикану (причинение вреда с предварительным умыслом). Причинение вреда, вызванное недобросовестными действиями с умыслом и без такого, законодателем РК уравнивается. Указанное же в ст. 10 ГК РФ причинение вреда другим лицам при наличии умысла выделено как более значимый повод защиты прав потерпевших от такого правонарушения.

Необходимо обратить внимание на то, что участники злоупотребляют правом ни в коем случае не по незнанию, а по предварительному умыслу. Действия, квалифицируемые законодателем как злоупотребление правом, изначально совершаются с целью удовлетворения своих личных интересов в обход закона и с нарушением назначения права. Априори при злоупотреблении правом умысел присутствует всегда.

И хотя добросовестность в ГК РК не закреплена в качестве основных начал гражданского законодательства, все же в п. 4 ст. 8 ГК РК конкретно указано, что граждане и юридические лица должны действовать при осуществлении своих прав разумно, добросовестно и справедливо, соблюдать требования, содержащиеся в законодательстве, и нравственные принципы общества. Специально оговаривается необходимость соблюдения предпринимателями правил деловой этики.

В ст. 8 ГК РК закрепляется, что обязанность действовать добросовестно во всех смыслах не может быть исключена или ограничена договором. Сравнивая статьи ГК РФ «Осуществление гражданских прав», «Пределы осуществления гражданских прав», следует заметить, что ни одна из них не дает подобное ограничение при заключении договора. Хотя тут следует согласиться с тем, что любое понимание свободы нельзя рассматривать как вседозволенность. Применительно к принципу свободы договора это значит, что и он должен иметь пределы и ограничения своего действия, которые установлены федеральным законом или в закрепленном федеральным законом порядке [4]. В данном случае свобода договора в РФ ограничена добросовестностью как одним из основных начал гражданского законодательства.

Можно было бы утверждать, что свобода заключения договора, относительно принципов добросовестного поведения в ГК РК, ограниченная прямым запретом, свидетельствовала бы о большей склонности казахстанского законодательства к формализму. Но тут необходимо учесть, что закрепление в ст. 8 ГК РК запрета на ограничение или исключение обязанности участников договора действовать добросовестно является абсолютно необходимым ввиду того, что изначально добросовестность установления, исполнения гражданских прав и обязанностей не закреплена как общее императивное требование к участникам гражданского оборота.

Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК РБ) в п. 4 ст. 2 «Основные начала гражданского законодательства» также закрепляет положение о добросовестном осуществлении гражданами своих прав, раскрывая в п. 2 ст. 2 понятие добросовестности, когда осуществление гражданских прав не должно противоречить общественной пользе и безопасности, наносить вред окружающей среде, историко-культурным ценностям, ущемлять права и защищаемые законом интересы других лиц. Такая очередность требований, соответствующих понятию добросовестности, в первую очередь выражает принцип приоритета интересов общественных над частными. В нарушение установленного в ст. 2 ГК РБ общего принципа добросовестности последний пункт ст. 9 ГК РБ устанавливает зависимость защиты гражданских прав от конкретных случаев, когда законодательство требует добросовестного и разумного осуществления прав.

Гражданский кодекс Кыргызской Республики (далее – ГК КР) не устанавливает принцип добросовестного и разумного осуществления прав в качестве общего начала гражданского законодательства, ставит защиту гражданских прав в зависимость от случаев, когда добросовестность и разумность действий участников предполагается законом, как и ГК РБ.

Законодатели Киргизии (ст. 9 ГК КР) и Белоруссии (ст. 9 ГК РБ) устанавливают обязанность лица, злоупотребившего правом, восстановить положение лица потерпевшего и возместить причиненный ущерб, тогда как ГК РФ в ст. 10 указывает право потерпевшего лица требовать возмещения убытков, причиненных злоупотреблением. Ст. 8 ГК РК, в свою очередь, дает подробную дефиницию понимания законодателем добросовестности, требуемой от участников гражданских отношений.

Очевидно, что для правовой мысли стран ближнего зарубежья проблема злоупотребления правом актуальна. И если добросовестность участников в ГК РФ установлена в качестве одного из основополагающих и безоговорочно действующих начал гражданского законодательства, кодексы Казахстана, Киргизии и Белоруссии также не оставляют добросовестность без должного внимания.

Обращаясь к развитию законодательного регулирования злоупотребления правом в дальнем зарубежье, следует заметить, что запрет на злоупотребление правом в Западной Европе в кодифицированном законе был проведен еще в 1794 году в Прусском земском уложении Ландрехт. Строительные уставы и городские права ряда городов Германии (Мюнхен и Гамбург) издавна пытались ограничить произвол управомоченных лиц, устанавливая запрет на так называемые Neidbau – сооружения, возводимые собственником земельного участка с единственной целью досадить соседям [1].

Французская декларация прав человека и гражданина 1789 года [6] предписывала, что каждый гражданин должен отвечать за злоупотребление своим правом свободы мысли, мнения и соответственно действий в случаях, предусмотренных законом. На сегодняшний день принцип добросовестности во Франции закреплен в качестве одного из общих принципов права договора на основании принятого 10 февраля 2016 года Правительством Франции постановления № 2016-131 «О Праве договоров, об общих положениях и доказывании обязательств» [2]. Французский законодатель, опасаясь ограничения свобод граждан, допускает термин «злоупотребление» только в определенных ситуациях. Понятие «злоупотребление правом» дается в Гражданском кодексе Франции, в разделе «Деликты». Соответственно

наличие ущерба является обязательным условием применения судами мер при выявлении злоупотребления правом [11].

Гражданское уложение Швейцарии 1907 года содержало положение о недопустимости всякого злоупотребления правом, необходимости поступать по доброй совести при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей [7]. При регулировании современных правоотношений, когда злоупотребление правом явно, но в законе не предусмотрено регулирование таких ситуаций, суды в Швейцарии уполномочены признавать действия направленными на злоупотребление правом и давать собственную мотивировку [11].

Как видно, перед зарубежным законодателем проблема злоупотребления правом обозначена более чем столетним опытом. В современном зарубежном законодательстве формулировки закона являются достаточно широкими, ввиду чего судам приходится определять злоупотребление, исходя из фактических обстоятельств каждого конкретного дела. В связи с этим необходимо подчеркнуть тесную связь факта злоупотребления правом с различными жизненными ситуациями, что затрудняет его типизацию в нормах закона.

Рассмотренная история развития отечественного законодательства об осуществлении права в определенных рамках позволяет сделать вывод, как недолог опыт законодателя России и ближнего зарубежья в регулировании добросовестного осуществления прав. Также следует заметить, что законодатель ближнего и дальнего зарубежья избегает полной юридизации понятия добросовестности. Добросовестность как основополагающее начало гражданского законодательства должна не только обязывать сознание участников гражданского оборота действовать надлежаще путем внешнего воздействия, выраженного в законодательных актах, но и на «внутреннем» уровне призывать правосознание граждан использовать предоставленное государством право разумно, при удовлетворении своего субъективного интереса избегать «вольного» осуществления своего права в обход закона, действуя в этом случае несправедливо по отношению к интересам третьих лиц, общества и государства.

Проблема злоупотребления правом – следствие деформации правосознания. Это проявление правового эгоцентризма и отрицание права как ценности. Осуществление гражданских прав в рамках понимания границ своей свободы, разумности и добросовестности является сдерживающим фактором антиобщественных и негативных проявлений в гражданском обороте.

Пристатейный библиографический список

1. Huber K. Uber den Rechtsmissbrauch. Bern, 1910. С. 12.
2. Безик К.С. Условные обязательства в новой редакции гражданского кодекса Франции // Сибирский юридический вестник. Вопросы частного права. 2017. № 1. С. 63.
3. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Волтерс Клувер, 2008.
4. Волос А.А. Принципы обязательственного права / под ред. Е.В. Вавилина. М.: Статут, 2016.
5. Гаврилов Э. О введении в Гражданский кодекс РФ общих норм, устанавливающих принцип добросовестности // Хозяйство и право. 2013. № 8.
6. Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств: учеб. пособ. М.: БЕК, 1999.
7. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998.
8. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: Волтерс Клувер, 2007.
9. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (послеоктябрьский период) / под. ред. О.И. Чистякова. М.: СПб., 1994.
10. Чистяков О.И., Новицкая Т.Е., Червертков О.И., Кутьина Г.А. Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917–1991 гг. М.: Зерцало, 1997.
11. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lidings.com/ru/articles2?id=76.

References (transliterated)

1. Huber K. Uber den Rechtsmissbrauch. Bern, 1910. S. 12.
2. Bezik K.S. Uslovnye objazatel'stva v novoj redakcii grazhdanskogo kodeksa Francii // Sibirskij juridicheskij vestnik. Voprosy chastnogo prava. 2017. № 1. S. 63.
3. Vavilin E.V. Osushhestvlenie i zashhita grazhdanskih prav. M.: Volters Kluver, 2008.
4. Volos A.A. Principy objazatel'stvennogo prava / pod red. E.V. Vavilina. M.: Statut, 2016.
5. Gavrilov Je. O vvedenii v Grazhdanskij kodeks RF obshhih norm, ustanavlivajushhih princip dobrosovestnosti // Hozjajstvo i pravo. 2013. № 8.
6. Maklakov V.V. Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv: ucheb. posob. M.: BEK, 1999.
7. Pokrovskij I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. M.: Statut, 1998.
8. Porotikova O.A. Problema zloupotreblenija sub#ektivnym grazhdanskim pravom. M.: Volters Kluver, 2007.
9. Hrestomatija po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava (posleoktjabr'skij period) / pod. red. O.I. Chistjakova. M.: SPb., 1994.
10. Chistjakov O.I., Novickaja T.E., Chervertkov O.I., Kut'ina G.A. Hrestomatija po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava 1917–1991 gg. M.: Zercalo, 1997.
11. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.lidings.com/ru/articles2?id=76.

Белозерова И.И.

АДВОКАТ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

***Цель**: Рассмотреть основы правового статуса адвоката-защитника по законодательству Республики Вьетнам.*

***Методология**: Использовались формально-юридический и сравнительно-правовой методы.*

***Результаты**: В данной статье рассмотрены основные права и обязанности адвоката-защитника по законодательству Республики Вьетнам, исследованы случаи, когда участие адвоката в судопроизводстве является обязательным по закону.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Статья обладает определенной научной ценностью и практической значимостью.*

***Ключевые слова**. Республика Вьетнам, адвокатура, адвокат, статус адвоката, уголовный процесс, защитник, обязательное участие защитника.*

Belozerova I.I.

ADVOCATE IN CRIMINAL TRIAL OF THE REPUBLIC VIETNAM

***Purpose**: To cover basics of legal status of the advocate - defender by the legislation of the Republic Vietnam.*

***Methodology**: Formal-legal and comparative and legal methods were used.*

***Results**: In this article basic rights and the advocate - defender obligations for the legislation of the Republic Vietnam are considered, cases when participation of the advocate - defender in legal proceedings is obligatory under the law are investigated.*

***Novelty/originality/value**: Article has a certain scientific value and the practical importance.*

***Keywords**. Republic Vietnam, legal profession, advocate - defender, status of the advocate - defender, criminal trial, defender, obligatory participation of the advocate – defender.*

Как известно, понятие «адвокатура» берет свое начало от латинского понятия «advocatus», которое означает «призвать». В настоящее время можно встретить различное толкование понятия «адвокат», зависящее от законодательства той или иной страны, но в целом оно понимается таким образом: «адвокатом является юрист, который оказывает юридическую помощь гражданам и организациям».

Правовое регулирование адвокатской деятельности во Вьетнаме устанавливается на основании следующих нормативно-правовых актов:

– Конституция Республики Вьетнам 1992 г. (ред. 2013 г.);

– Закон об адвокатуре 2007 г.;

– Указ парламента об адвокатуре 2001 г.;

– Уголовно-процессуальный кодекс СРВ 1999 г. (ред. 2015 г.) [2].

Как известно, во многих странах мира, в том числе и Российской Федерации, мы встречаемся с понятием «защитник». В большинстве стран мира адвокат и защитник имеют разный статус, и не всегда в качестве защитника допускаются не только адвокаты. Так, например, в уголовном процессе России в производстве у мирового судьи по уголовным делам в качестве защитника допускается один из близких родственников обвиняемого или иное лицо. В уголовно-процессуальном законодательстве Вьетнама различий между понятиями «адвокат» и «защитник» нет, они используются как синонимы. Понятие «адвокат» законодательно определено в двух нормативно-правовых актах, это Закон СВР «Об адвокатуре» и Указ Парламента «Об адвокатуре» [1].

В статье 1 Указа Парламента «Об адвокатуре» закреплено следующее:

– адвокат имеет право практиковать в соответствии с положениями настоящего Указа и участвовать в процедурах, проводимых юридическими консультациями, осуществлять другие юридические услуги, необходимые отдельным лицам или организациям, связанные с защитой их законных прав и интересов на основании закона;

– по роду своей деятельности адвокат вносит вклад в защиту справедливости, социальной справедливости и социалистического законодательства.

В статье 2 Закона «Об адвокатуре» закрепляется правовой статус адвоката: «адвокатом является тот, кто обладает необходимой квалификацией и условиями, предусмотренными настоящим Законом, осуществляющий юридические услуги, которые требуются физическим лицам, учреждениям и организациям».

Из вышесказанного следует, что адвокатом признается лицо, удовлетворяющее предусмо-

тренным Законом критериям для осуществления адвокатской деятельности. Адвокатом может стать гражданин СРВ, который должен соблюдать Конституцию и законодательство СРВ, обладать хорошими нравственными качествами, иметь высшее юридическое образование, а также пройти курс подготовки к адвокатской профессии и стажировку, обладать хорошим здоровьем, необходимым для осуществления адвокатской деятельности. Лицо, которое отвечает законодательно установленным требованиям, имеет право осуществлять адвокатскую деятельность только при наличии у него соответствующей лицензии, кроме того, приступить к адвокатской деятельности оно может только после вхождения в состав членов адвокатской палаты. Адвокат осуществляет свою деятельность и оказывает юридическую помощь по поручению граждан, органов и организаций. Профессиональная деятельность адвоката заключается в поддержании законности, экономического развития и построения демократического, справедливого и цивилизованного общества.

В Законе «Об адвокатуре» получили свое закрепление следующие принципы:

– соблюдение Конституции и законодательства;

– соблюдение нравственных и профессиональных правил поведения;

– независимость, честность и уважение к объективной истине;

– использование всех не противоречащих закону способов и средств для наилучшей защиты прав и законных интересов клиента;

– ответственность перед законом за осуществление адвокатской профессии.

В уголовном судопроизводстве Вьетнама адвокаты могут выступать в качестве защитников при устном разбирательстве по делу. Заседания по уголовным делам являются публичными. При участии адвоката в уголовном процессе в качестве защитника наряду с ним, по письменному заявлению свидетеля, имеющего право на защиту, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного, их защиту могут осуществлять следующие лица: супруг или близкий родственник, опекун, попечитель либо представитель организации, на попечении или иждивении которой находится подзащитный.

Необходимо отметить, что во Вьетнаме иностранные адвокаты не допускаются к участию в деле в качестве защитников.

В Российской Федерации, в отличие от Вьетнама, подозреваемый или обвиняемый может обратиться за помощью адвоката по уголовным делам самостоятельно, за деньги, или же адвокат может быть предоставлен по требованию. Назначение адвоката по уголовным делам на стадии дознания, следствия и судебного разбирательства по требованию обвиняемого регламентирует Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Согласно его положениям участие защитника должны обеспечить дознаватель, следователь, прокурор или судья.

Во Вьетнаме, в отличие от других стран, существуют два вида адвокатов: адвокат, избранный обвиняемым, и адвокат, установленный по решению суда.

В соответствии с пунктом 1 статьи 72 УПК Вьетнама у обвиняемого есть право самому выбрать себе защитника (адвоката), который будет его консультировать в ходе уголовного судопроизводства.

Необходимо отметить, что адвокат не всегда может быть избран обвиняемым, а на основании статьи 75 УПК СРВ выбрать адвоката для обвиняемого могут также его родственники по прямой линии, братья и сестры, супруг и др.

Более того, адвокат может быть предоставлен по решению суда в тех делах, где обвиняемый обязан по закону иметь защитника, если он сам такого защитника не избрал в определенный срок (п. 1 ст. 76 УПК СРВ).

В Республике Вьетнам права и обязанности адвоката в уголовном процессе закреплены в статье 73 УПК СРВ. Так, согласно данной статье адвокат имеет право:

– консультировать клиента по уголовным делам;

– осуществлять анализ уголовного дела клиента и вырабатывать оптимальную схему защиты, основанную на правовых позициях и нормах действующего уголовного законодательств;

– оспаривать основания возбуждения уголовного дела и использование иных мер, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом;

– защищать клиента по уголовным делам на любых этапах расследования и судебного процесса;

– составлять и подавать жалобы на неправомерные действия следствия, подавать их в надзорные инстанции;

– составлять и подавать ходатайства о смене меры пресечения (освобождение из-под стражи на подписку о невыезде);

– составлять и подавать апелляции и кассации в вышестоящие судебные инстанции;

– принимать меры к замене реального наказания в виде лишения свободы на отсрочку исполнения приговора;

– готовить и подавать материалы на условно-досрочное освобождение лица, отбывающего назначенный судом срок наказания;

– готовить материалы о погашении и снятии судимости клиента.

Вышеперечисленные права дают гарантии полной и всесторонней защиты прав и свобод клиентов.

В статье 73 Уголовно-процессуального кодекса СВР получили свое закрепление следующие обязанности адвоката:

– использовать все предусмотренные законом меры с целью выяснения обстоятельств по делу, а также выявления обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность обвиняемого, подсудимого;

– оказывать помощь обвиняемому в целях юридической защиты его прав и законных интересов;

– не отзывать поданные подзащитным жалобы и ходатайства;

– не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с обращением за юридической помощью и ее осуществлением;

– соблюдать правила осуществления адвокатской деятельности;

– использовать все не противоречащие законам способы и средства в целях защиты прав и законных интересов клиента;

– участвовать в судебном производстве по поручению органов следствия;

– оказывать юридическую помощь бесплатно;

– выполнять иные обязанности, установленные законом;

– разъяснить клиенту собственные права, обязанности и ответственность в процессе оказания юридической помощи.

Законодатель, закрепив данный перечень обязанностей адвоката в Уголовно-процессуальном кодексе СВР, обеспечил клиента не только правом на всестороннюю и полную защиту, но и на защиту конфиденциальных данных.

Таким образом, адвокат в ходе уголовного судопроизводства в Республике Вьетнам обладает широким кругом прав и обязанностей. Закон «Об адвокатуре» гарантирует право на предоставление адвоката не только обвиняемому, но и осужденному. Отличительной чертой является то, что во Вьетнаме в рамках уголовного процесса со стороны защиты в обязательном случае должен присутствовать адвокат, другие лица в качестве защитника выступать не могут. То есть представлять интересы клиента будет профессионал, что дает гарантию на квалифицированную помощь, в том числе и со стороны государства, так как законодатель закрепил обязанность адвоката по оказанию бесплатной юридической помощи. Более того во вьетнамском уголовном процессуальном праве можно найти положение о том, что обвиняемый имеет право самостоятельно выбрать адвоката, а в некоторых случаях, предусмотренных законом, адвоката может назначить суд. Данное положение закрепляет право граждан на выбор адвоката. Из него следует, что адвоката не назначают государственные органы, как например в Российской Федерации («кого определили, тот и будет защищать»), а сам участник уголовного процесса привлекает того адвоката, который соответствует его критериям.

Важно отметить, что адвокат в Республике Вьетнам играет важную роль в процессе доказывания и осуществления защиты законных интересов и прав клиентов в уголовном судопроизводстве.

Пристатейный библиографический список

1. Зрелов А.П. Правовое регулирование адвокатской деятельности в социалистической республике Вьетнам. М., 2007.
2. Нгуен Ван Дьеп. Учебник об основных положениях адвоката и профессии адвоката. Ханой, 2011.

References (transliterated)

1. Zrelov A.P. Pravovoe regulirovanie advokatskoj dejatel'nosti v socialisticheskoj respublike V'etnam. M., 2007.
2. Nguen Van D'ep. Uchebnik ob osnovnyh polozhenijah advokata i professii advokata. Hanoj, 2011.

Калинкина Л.Д., Соткова В.В.

ВОЗРАЖЕНИЯ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА – ФОРМА ПРОТЕСТА НА ДЕЙСТВИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

***Цель**: На основе уголовно-процессуального законодательства РФ и практики его применения проанализировать проблемы подачи возражений адвоката-защитника как формы протеста на действия председательствующего в судебном заседании с участием присяжных заседателей.*

***Методология**: Использовались диалектический, логический, системный, формально-юридический методы.*

***Результаты**: В статье проанализирован процессуальный порядок подачи адвокатом-защитником возражений против действий председательствующего в судебном заседании с участием присяжных заседателей: основания, форма, рассмотрение и разрешение председательствующим возражений на его действия, специфика при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей. Выявлены проблемы правоприменительной практики по исследуемым вопросам, предложены пути их преодоления.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Статья имеет научную ценность и практическую значимость, поскольку раскрывает основные проблемы правовой природы, законодательного регулирования и практики его применения относительно возражений адвоката-защитника как формы протеста на действия председательствующего в судебном заседании с участием присяжных заседателей.*

***Ключевые слова**: возражения адвоката-защитника против действий председательствующего, судебное разбирательство с участием присяжных заседателей.*

Kalinkina L.D., Sotkova V.V.

OBJECTIONS OF A DEFENSE ATTORNEY – A FORM OF PROTEST AGAINST THE ACTIONS OF THE PRESIDING JUDGE IN JURY TRIALS

***Purpose**: On the basis of the criminal procedure legislation of the Russian Federation and the practice of its application to analyze the problems of filing objections of defense counsel as a form of protest against the actions of the presiding judge in jury trials.*

***Methodology**: Dialectical, logical, systemic, formal-legal methods were used.*

***Results**: The article focuses on the procedural order of filing objections by a defense attorney against the actions of the presiding judge in jury trials: grounds, a form, consideration and resolution of the presiding judge of objections against his actions, specifics of consideration of a criminal case in jury trials. The problems of law enforcement practice on the issues under study have been revealed, and ways of overcoming them have been proposed.*

***Novelty/originality/value**: The article is of scientific value and practical importance as it reveals the main problems of the legal nature, legislative regulation and practice of its application regarding defense attorney's objections as a form of protest against the actions of the presiding judge in a trial by jury.*

***Keywords**: objections of a defense attorney against actions of the presiding judge, jury trials.*

Производство в суде с участием присяжных заседателей ведется в общем порядке с учетом особенностей, предусмотренных главой 42 УПК РФ «Производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей». В данной главе нет никаких особенностей относительно возможности подачи возражений против действий председательствующего в судебном заседании. Такая возможность предусмотрена в ч. 3 ст. 243 УПК РФ, в соответствии с которой такие возражения могут быть поданы любым участником судебного разбирательства, в том числе и адвокатом-защитником и в суде с участием присяжных заседателей. Других правил о подаче возражений УПК РФ не устанавливает, в нем нет ни оснований для такого рода возражений, ни указаний, как должен на такие возражения реагировать председательствующий, который руководит судебным заседанием. УПК РФ не определяет и процедуру подачи таких возражений. Не предусматривает уголовно-процессуальный закон и форму подачи таких возражений, в нем отсутствует и определение того, в какой момент судебного разбирательства указанные возражения могут подаваться. Из этого следует, что решение того, когда, в связи с чем, в какой момент могут быть поданы возражения против действий председательствующего в судебном заседании, определяет сам участник судебного разбирательства, в том числе и адвокат-защитник. Так, по дан-

ным изучения протокола судебного заседания по уголовному делу в отношении Ш., К. и др., рассмотренному Верховным судом Республики Мордовия, возражения на действия председательствующего заявлялись как устно, так и письменно. Были обнаружены случаи заявления письменных возражений, которые адвокат-защитник просил «просто приобщить к материалам дела», не оглашая их в судебном заседании, мотивируя это тем, что «возражения не требуют разрешения» [4].

По указанному случаю нельзя согласиться с отказом оглашения в судебном заседании письменных возражений адвоката-защитника, поскольку в соответствии с требованиями ст. 240 УПК РФ судебное разбирательство носит устный характер, и глава 42 УПК РФ из этого правила не содержит никаких исключений.

Вместе с тем представляется необходимым в УПК РФ предусмотреть правило о рассмотрении и разрешении председательствующим возражений на его действия. Решение судьи принять такие возражения и согласиться с ними будет означать предотвращение дальнейших незаконных действий с решением об устранении правовых последствий допущенных нарушений закона. Решение об отклонении председательствующим возражений на его действия, в свою очередь, должно повлиять на поведение адвоката-защитника, корректируя тактику его защиты.

Поскольку в нашем случае речь идет о суде с участием присяжных заседателей, то в судебном заседании по делам такой категории возражения должны подаваться в отсутствие присяжных заседателей с тем, чтобы не вызывать предубеждение у них еще и потому, что возражения на действия председательствующего – это юридическая форма выражения протеста относительно тех или иных его действий в судебном заседании.

Исходя из того, что адвокат-защитник является профессиональным участником уголовного судопроизводства, призванным обеспечивать право на защиту подзащитного в ходе судебного разбирательства, обеспечивать его права, свободы и законные интересы, представляется, что именно через призму своего предназначения он должен принимать решение о подаче возражений на действия председательствующего. Расценивая возражения против действий председательствующего как один из способов противодействия его произволу в судебном заседании, представляем необходимой их подачу в случаях:

1) нарушения председательствующим основополагающих начал отправления правосудия по уголовным делам, в частности, принципов состязательности и равноправия сторон, обеспечения обвиняемому права на защиту и т. д.;

2) необеспечения председательствующим гарантированных уголовно-процессуальным законом прав и свобод подсудимого и других участников уголовного судопроизводства в судебном разбирательстве;

3) нарушения председательствующим порядка судебного заседания;

4) нарушений участниками судебного разбирательства любых норм уголовно-процессуального закона, не пресекаемых председательствующим в судебном заседании.

С учетом того, что в соответствии со ст. 15 УПК РФ суд создает необходимые условия сторонам для исполнения их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, благодаря усилиям председательствующего в судебном заседании обеспечивается состязательность и равенство прав сторон в судебном разбирательстве. Отсюда суд обязан оказывать сторонам содействие в осуществлении их процессуальной миссии, в том числе и при производстве в суде с участием присяжных заседателей.

И в этой связи роль председательствующего в суде с участием присяжных заседателей огромна, ее переоценить невозможно: он не только руководит судебным заседанием, обеспечивая порядок в нем, он и только он обеспечивает сторонам состязательность и равноправие (ст. 243 УПК РФ).

Кроме того, только на него закон возлагает обязанность обеспечения в судебном заседании всех основополагающих начал уголовного судопроизводства, в том числе принципов законности, презумпции невиновности и обеспечения права подсудимого на защиту и др. Поведение председательствующего в судебном заседании должны отличать объективность, беспристрастность, его действия и решения должны носить исключительно законный характер. Так повелевает закон, и участники уголовного судопроизводстве вправе ожидать от председательствующего именно такого поведения.

Возражения против действий председательствующего в указанных случаях выступают средством остановки судейского произвола [1, с. 8], пресечения дальнейшего нарушения закона, обеспечения законного порядка рассмотрения уголовного дела в суде с участием присяжных заседателей. Кроме того, с помощью возражений адвокат-защитник фиксирует допущенные, по его мнению, те или иные нарушения уголовно-процессуального закона, которые влияют или могут повлиять на постановление законного, обо-

снованного и справедливого приговора на основе вердикта присяжных заседателей.

Наряду с изложенным представляется, что возражения адвоката-защитника предпочтительнее подавать в письменной форме, обосновывая их ссылками на нормы закона, а также аргументируя их допущенными по делу обстоятельствами, доказательно подтвержденными. При условии не всегда корректного ведения протокола судебного заседания такая форма подачи возражений на действия председательствующего в судебном заседании с участием присяжных заседателей позволит зафиксировать имевшие место факты нарушений закона. Кроме того, письменный, законный, обоснованный и мотивированный характер возражений позволит пресечь незаконные действия председательствующего, остановить его от дальнейших произвольных действий и, в конечном счете, будет служить назначению уголовного судопроизводства.

По закону председательствующий в судебном заседании есть олицетворение силы права, а не права силы, не произвола человека, одетого в судейскую мантию.

К сожалению, на практике встречаются случаи произвола председательствующего в судебном заседании.

«Произвол судьи – это когда закон говорит об одном, а судья трактует его иначе. При произволе закон и судья действуют сами по себе, их ничего не связывает» [2, с. 26].

Демонстрируемые на практике некоторыми судьями произвольные правила их поведения по отношению к участникам таких производств актуализируют эту проблему и заставляют обращать внимание адвокатов на то, как противодействовать произволу судьи в ходе судебного разбирательства в суде с участием присяжных заседателей, в том числе путем подачи возражений на действия председательствующего в судебном заседании.

В частности, произвольными, например, являются следующие судейские действия и решения:

– ограничение количества вопросов, задаваемых участниками стороны защиты. Например, право участников стороны защиты на постановку дополнительных вопросов свидетелям стороны обвинения сводится к возможности задать лишь по два вопроса;

– обсуждение процессуальных вопросов около стола председательствующего без подсудимых, находящихся под стражей, содержащихся в клетке и не имевших возможности принимать участие в таком обсуждении;

– ограничение подсудимым возможности задавать вопросы по обвинительному заключению, поскольку, по мнению суда, этот документ не был доведен до сведения присяжных заседателей;

– произвольное, без какого-либо обоснования, без приведения мотивов снятие вопросов участников стороны защиты;

– изменение председательствующим формулировки вопросов участников стороны защиты до такой степени, что меняется их смысл;

– произвольный отказ стороне защиты в доведении до присяжных заседателей допустимого доказательства.

К возражению на действия председательствующего в судебном заседании с участием присяжных заседателей, в частности, прибег адвокат К. по уголовному делу, рассмотренному в Верховном Суде РМ. Возражения указанного адвоката – защитника подсудимого К. явились ответными на следующее решение судьи – председательствующего в судебном заседании: «У суда есть процессуальные вопросы. Сторона защиты с декабря 2014 г. представляет доказательства по делу. Однако практика некоторых судебных заседаний свидетельствует о том, что, несмотря на достаточность предоставленного времени судом для согласования позиции о представлении доказательств, а также требования председательствующего об представлении в каждом судебном заседании доказательств в достаточном объеме, сторона защиты систематически представляет их в незначительном объеме не более одного часа в день, как сегодня. Такие действия стороны защиты суд расценивает как злоупотребление своими процессуальными правами, намерение создания препятствий надлежащему осуществлению правосудия, реализации другими участниками судебного разбирательства гарантированных Конституцией РФ процессуальных прав, нарушение требований ст. 6.1 УПК РФ.

Суд постановил: потребовать от стороны защиты представлять в каждом судебном заседании доказательства в большем объеме, определить перечень доказательств, которые сторона защиты намерена представить, установить срок представления до 29 мая 2015 г. В случае продолжения стороной защиты подобной практики и тактики представления доказательств судебное следствие будет объявлено оконченным досрочно. Подсудимым подготовиться к даче показаний, согласовать свою позицию со своими защитниками» [5].

В свою очередь, возражения адвоката-защитника на указанное судейское решение, в частности, свелись к следующему. «Вышеприведенное

решение председательствующего в судебном заседании не отвечает требованиям законности, обоснованности и мотивированности постановлений, игнорирует и правовые позиции Европейского суда по правам человека, четко сформулированные в его обязательных для суда прецедентах. Такой вывод подтверждается следующим:

1. В вышеуказанном постановлении председательствующий в судебном заседании не указал, какими нормами УПК РФ или нормами другого федерального закона он руководствовался, устанавливая ускоренно-срочный характер представления доказательств, лишая сторону защиты – защитников, подсудимых – прав представлять не только доказательства, но и делать заявления, заявлять ходатайства в том объеме и в той последовательности, как это диктуется необходимостью опровержения выдвинутого обвинения.

2. Данное постановление не содержит обоснования и мотивации принятого судьей решения. В устанавливающей части указанного постановления суд приводит одни лишь общие фразы в виде оценочных суждений, без какой-либо их конкретизации, без каких-либо фактов, их обосновывающих, дающих, например, суду основание утверждать о том, что сторона защиты систематически представляет в незначительном объеме доказательства не более одного часа в день, как сегодня.

Что касается указываемого судом дня судебного заседания 28 апреля 2015 г., то стороной защиты была обеспечена явка в суд двух свидетелей, которые в суде и были допрошены. Кроме того, сторона защиты, в частности, адвокат А. – защитник подсудимого К., просила исследовать в судебном заседании письменные доказательства, содержащиеся в томе 19 материалов уголовного дела в листах: 48, 2, 55, 129–161, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, а это в общей сложности 45 листов, пятая часть одного тома уголовного дела. Об этом ею в суде было заявлено письменное ходатайство. Однако судом решение по данному ходатайству не было принято, ходатайство было передано стороне обвинения, представитель которой – прокурор Р. заявил, что свое мнение в данном судебном заседании они высказывать не будут, ответив неопределенно, что его выскажут, как будут готовы.

Другие доказательства в данном судебном заседании сторона защиты была лишена возможности представлять по объективным причинам – требовалось время для решения процессуальных вопросов, часть из которых не была, в частности, разрешена судом в предыдущем судебном заседании, а именно судьей не был разрешен ему заявленный отвод, и суду предстояло принятие решения по ходатайству защитника В. об отводе председательствующего в судебном заседании. Для принятия такого решения в виде отдельного письменного постановления, выносимого в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 256 УПК РФ в условиях совещательной комнаты, требовалось определенное время, что не могла не учесть сторона защиты, определяя тактику своего поведения в этот день судебного заседания. Кроме того, дополнительно время требовалось и для заявления мотивированного ходатайства адвокатом В. – защитником подсудимого Ш. отвода прокурору Р. Заявление указанного отвода, в свою очередь, привело к очередному удалению председательствующего в рамках этого же дня судебного заседания в совещательную комнату, совещанию судьи, составлению письменного решения по отводу и его оглашению в суде. И для данных процессуальных действий в судебном заседании 28 апреля 2015 г. потребовалось время.

В итоге судебное заседание 28 апреля 2015 г. закончилось к концу рабочего дня, что лишало возможности сторону защиты в этот день не только представлять другие доказательства, но и реализовать другие права, как-то делать заявления, заявлять ходатайства.

Неопределенным, неконкретным, произвольным явился вывод суда о том, чтобы «потребовать от стороны защиты представлять в каждом судебном заседании доказательства в большем объеме», без указания того, что, по мнению суда, образует больший объем доказательств по сравнению с представляемыми доказательствами.

Как указывалось в вышеназванных возражениях председательствующего, «таких требований суд не выдвигал стороне обвинения, которая представляла доказательства в том объеме, в том количестве и в той последовательности, как считала необходимым для обоснования выдвинутого обвинения. При этом суд не допускал в отношении стороны обвинения такой вольности с процессуальными правами на представление доказательств, как их урезание путем установления срока для представления доказательств. Отсюда получается: что было дозволено стороне обвинения, в суде не дозволяется стороне защиты. При этом суд не только установил для стороны защиты срок представления доказательств до 29 мая 2015 г., но и указал, что «в случае продолжения стороной защиты подобной практики и тактики представления доказательств судебное следствие будет объявлено оконченным досрочно». Из этого вполне вытекает вывод и о возможности такого

досрочного окончания судебного следствия, как до 29 мая 2015 г.» [5].

С указанными возражениями нельзя не согласиться по следующим основаниям.

Вышеизложенными действиями председательствующего в судебном заседании были нарушены требования ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Конституции РФ, УПК РФ. Так, согласно ст. 15 УПК РФ «уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон» (ч. 1), «стороны обвинения и защиты равноправны перед судом» (ч. 4), «суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав» (ч. 3).

В силу конституционного положения об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) суд по каждому делу обеспечивает равенство прав участников судебного разбирательства по представлению и исследованию доказательств и заявлению ходатайств».

Кроме того, в числе незыблемых принципов уголовного судопроизводства УПК РФ всем участникам уголовного судопроизводства при производстве по уголовным делам гарантирует действие и таких как: законность (ст. 7 УПК РФ), охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ), презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ), обеспечение обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ), принцип свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ) и т. д.

Так, в ч. 1 ст. 11 УПК РФ предусматривается обязанность суда обеспечивать обвиняемому по уголовному делу возможность осуществления им гарантируемых законом прав.

В содержании принципа обеспечения обвиняемому права на защиту, в ч. 2 ст. 16 УПК РФ содержится положение, без соблюдения которого никогда и ни при каких условиях не может состояться в законной силе судебное решение, а именно: «суд, прокурор разъясняют подозреваемому и обвиняемому их права и обеспечивают им возможность защищаться всеми не запрещенными настоящим Кодексом способами и средствами».

При этом положения всех предусмотренных в УПК РФ принципов действуют в полном объеме и по всем категориям уголовных дел. Никому не дано право их нарушать в связи с тем, что данные нормы носят фундаментальный характер. Их нарушение всегда и в любом случае приводит к негативным последствиям, к нарушению гарантируемых законом прав участников уголовного судопроизводства.

Что же касается размытого вывода суда о злоупотреблении стороной защиты процессуальными правами, то с его помощью, под его флагом суд фактически пытался лишить участников стороны защиты права на представление доказательств.

Во-первых, сторона защиты по делу это не один подсудимый и не один защитник. Суд не конкретизировал, кто конкретно и как из участников стороны защиты злоупотребляет своими процессуальными правами, как и не привел факты такого злоупотребления в отношении каждого участника стороны защиты.

Во-вторых, УПК РФ не содержит такого понятия, как «злоупотребление правами», как и не предусматривает оснований, условий и порядка принятия судом решения об объявлении судебного следствия оконченным досрочно, о срочном характере представления доказательств.

Произвольное понимание и использование судьей не предусмотренных в УПК РФ понятий «злоупотребление правами», «об объявлении судебного следствия оконченным досрочно, о срочном характере представления доказательств» приводит к тому, что под их знаком выхолащиваются суть и содержание процессуальных прав участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, поскольку в зависимости только лишь от усмотрения судьи, не ограниченного ничем и никакими основаниями, условиями, процедурой, участники стороны защиты лишены, ограничены в правах на представление доказательств.

Таким образом, любое ограничение или лишение гарантированных федеральным законом, а именно, УПК РФ, прав участников уголовного судопроизводства недопустимо, чем бы такие способы ущемления в правах ни объяснялись. Не может быть оно оправдано и такими неведомыми УПК РФ субъективно-оценочными категориями, как злоупотребление процессуальными правами, объявление судебного следствия оконченным досрочно, срочный характер представления доказательств.

Набор и руководство судьей при вынесении вышеуказанного постановления не предусмотренными в УПК РФ оценочными терминами и понятиями (а именно «представление в каждом судебном заседании в достаточном объеме доказательств», «незначительный объем доказательств», «злоупотребление процессуальными правами», «требование для стороны защиты представлять

в каждом судебном заседании доказательства в большем объеме», «объявление судебного следствия оконченным досрочно», «срочный характер представления доказательств») свидетельствует о произвольно-субъективном их понимании и применении, приводит к нарушению фундаментальных прав подсудимых защищаться столько и так, как это было дозволено, как минимум, стороне обвинения в его обвинительной деятельности в судебном заседании.

В этой связи трудно не согласиться с позицией о том, что «судебное решение, которое в качестве обоснования содержит только ссылку на субъективное мнение, трудно назвать решением...» [3, с. 93].

Пристатейный библиографический список

1. Калинкина Л.Д. К вопросу о злоупотреблении правами и их недобросовестном использовании в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2010. № 4. С. 5–9.
2. Калинкина Л.Д. Ходатайства, заявления, жалобы как способы противодействия адвоката-защитника произволу судьи в ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции // Адвокатская практика. 2011. № 4. С. 25–28.
3. Султанов А.Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. М.: Статут, 2012.
4. Протокол судебного заседания по уголовному делу № 2-1/2016, с. 402, 432 // Архив Верховного суда РМ. 2016.
5. Уголовное дело № 2-1/2016 // Архив Верховного суда РМ. 2016.

References (transliterated)

1. Kalinkina L.D. K voprosu o zloupotreblenii pravami i ih nedobrosovestnom ispol'zovanii v ugolovnom sudoproizvodstve // Advokat. 2010. № 4. S. 5–9.
2. Kalinkina L.D. Hodatajstva, zajavlenija, zhaloby kak sposoby protivodejstvija advokata-zashhitnika proizvolu sud'i v hode sudebnogo razbiratel'stva v sude pervoj instancii // Advokatskaja praktika. 2011. № 4. S. 25–28.
3. Sultanov A.R. Evropejskie pravovye standarty, uroki istorii i pravoprimenitel'naja praktika. M.: Statut, 2012.
4. Protokol sudebnogo zasedanija po ugolovnomu delu № 2-1/2016, s. 402, 432 // Arhiv Verhovnogo suda RM. 2016.
5. Ugolovnoe delo № 2-1/2016 // Arhiv Verhovnogo suda RM. 2016.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Jus est ars boni et aequi

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация

Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-917-40-61-340

Крысина Н.Р.

СОБИРАНИЕ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ЗАЩИТНИКОМ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

***Цель**: На основе уголовно-процессуального законодательства РФ и практики его применения, данных уголовно-процессуальной науки, проанализировать проблемы обеспечения права защитника собирать и представлять доказательства в российском уголовном судопроизводстве.*

***Методология**: Использовались диалектический, исторический, логический, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы.*

***Результаты**: В статье проанализированы правовая природа и содержание процессуального права защитника собирать и представлять доказательства при производстве по уголовному делу, проблемы законодательного регулирования и правоприменительной практики обеспечения данного процессуального права защитника и пути их преодоления.*

***Новизна**/**оригинальность**/**ценность**: Статья имеет научную ценность и практическую значимость, поскольку исследует современные проблемы правового регулирования и правоприменительной практики обеспечения процессуального права защитника собирать и представлять доказательства в российском уголовном судопроизводстве.*

***Ключевые слова**: защитник, право защитника собирать и представлять доказательства, собирание доказательств, производство с участием присяжных заседателей.*

Krysina N.R.

COLLECTION AND PRESENTATION OF EVIDENCE BY THE DEFENSE COUNSEL DURING THE LEGAL PROCEDURE WITH THE PARTICIPATION OF JURORS

***Purpose**: On the basis of the criminal procedural legislation of the Russian Federation and the practice of its application, data of the criminal procedure science to analyze the problems of ensuring the right of the defense counsel to collect and present evidence in Russian criminal procedure.*

***Methodology**: Dialectical, historical, logical, systemic, formal-legal, comparative-legal methods were used.*

***Results**: The author of the article has analyzed: the legal nature and content of the procedural law of the defense counsel for collecting and presenting evidence in criminal procedure; problems of legislative regulation and law enforcement practice of ensuring this procedural right of the defense counsel and ways to overcome them.*

***Novelty**/**originality**/**value**: The article has a scientific value and practical significance as it examines contemporary problems of legal regulation and law enforcement practice of ensuring the procedural right of the defense counsel to collect and present evidence in Russian criminal procedure.*

***Keywords**: the defense counsel, the defense counsel's right to collect and present evidence, evidence collection, jury trial.*

Право защитника собирать и представлять доказательства в уголовном судопроизводстве является гарантией обеспечения права подозреваемого, обвиняемого на защиту, конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи [12]. Обеспечение права защитника собирать и представлять доказательства имеет важное значение при производстве в суде с участием присяжных заседателей, исходя из роли и задач, которые стоят перед защитником в данной форме судопроизводства [1].

Закрепив право защитника собирать и представлять доказательства, УПК РФ по сравнению с ранее действовавшим уголовно-процессуальным законодательством существенно расширил процессуальные полномочия защитника в доказывании по уголовному делу. В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ с момента вступления в уголовное дело защитник вправе собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, установленном ч. 3 ст. 86 УПК РФ, а именно: защитник вправе собирать доказательства путем: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставить запрашиваемые документы или их копии.

Однако право защитника собирать и представлять доказательства в уголовном судопроизводстве во многом остается декларативным, так как уголовно-процессуальное законодательство

не предусматривает процессуальный порядок собирания и представления доказательств защитником. В современной уголовно-процессуальной науке распространена точка зрения, согласно которой защитник собирает не доказательства, а предметы, документы, сведения, которые могут быть признаны доказательствами решением должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу (следователя, дознавателя, судьи) [2, 3, 4]. Согласно данной точке зрения предметы, документы, сведения, полученные защитником, не отвечают такому обязательному свойству доказательств, как допустимость, поскольку они не получены и не закреплены в надлежащем процессуальном порядке и форме и могут стать доказательствами только после того, как будут представлены лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, и приобретут необходимую процессуальную форму (например, лицо, опрошенное защитником, будет допрошено в качестве свидетеля; предметы приобщены к материалам уголовного дела соответствующим постановлением и т. д.).

Согласно другой точке зрения закрепленное в УПК РФ право защитника собирать и представлять доказательства понимается буквально: защитник наделен правом собирать именно доказательства, а не просто быть причастным к собиранию доказательств [3]. Разделяя данную точку зрения, необходимо отметить, что уголовно-процессуальное законодательство должно предусмотреть конкретный процессуальный порядок собирания и представления доказательств защитником, так как для того чтобы стать доказательством, сведения должны быть получены при проведении процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ. И в связи с этим следует поддержать предложение ряда авторов о необходимости законодательного закрепления процессуального порядка собирания и представления доказательств защитником, например порядка производства и оформления процедуры опроса адвокатом лиц с их согласия, получения предметов и документов [7].

Собирание доказательств – это деятельность участников уголовного судопроизводства по их обнаружению, изъятию, исследованию, процессуальному закреплению. Участники уголовного судопроизводства осуществляют собирание доказательств в пределах своих полномочий, установленных УПК РФ. Ст. 86 УПК РФ конкретизирует полномочия, а также формы, способы собирания доказательств отдельными участниками уголовного судопроизводства. Исходя из ее содержания, предусмотрены две возможные (условно равнозначные) формы собирания доказательств в зависимости от процессуального статуса участников уголовного судопроизводства, осуществляющих собирание доказательств:

1. Дознаватель, следователь, прокурор и суд осуществляют собирание доказательств путем производства следственных и иных процессуальных действий;

2. Защитник собирает доказательства путем: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Проблема правоприменительной практики заключается в том, что УПК РФ подробно регламентирует порядок производства следственных и иных процессуальных действий, в рамках которых дознаватель, следователь, прокурор, суд осуществляют собирание доказательств, и не содержит правовой регламентации действий защитника по собиранию доказательств. Законодатель предпринимает отдельные шаги в создании правовой основы деятельности защитника по собиранию доказательств в уголовном процессе. Так, в 2016 г. в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» подробно урегулирован статус адвокатского запроса, установлена административная ответственность за неправомерный отказ в предоставлении адвокату в связи с поступившим от него адвокатским запросом информации, несвоевременное ее предоставление либо предоставление заведомо недостоверной информации, установлены требования к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса [8]. Федеральным законом от 17.04.2017 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ» [9] предусмотрены дополнительные гарантии собирания и представления доказательств защитником:

1) стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу в порядке, установленном Кодексом, специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, за исключением случаев, предусмотренных ст. 71 Кодекса (ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ);

2) защитнику не может быть отказано в участии в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо по ходатайству подозрева-

емого или обвиняемого, за исключением случая, предусмотренного ч. 3 ст. 11 Кодекса (ч. 2.1 ст. 159 УПК РФ);

3) подозреваемому или обвиняемому, его защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами (ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ).

В соответствии с данными новеллами законодатель пошел по пути установления фактической обязательности для органов расследования удовлетворять ходатайство защитника (и некоторых других участников уголовного процесса) об участии в доказывании и реализации права представлять доказательства. УПК РФ ранее уже предусматривал аналогичную процедуру в ч. 2 ст. 159 (подозреваемому или обвиняемому, его защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела). Однако в этих случаях решение об обоснованности ходатайства защитника вверяется органу расследования – стороне обвинения, процессуальные интересы которой диаметрально противоположны процессуальным интересам защиты, что не лучшим образом отразится на реализации защитой права собирать доказательства. Проведенное нами анкетирование [10, с. 25–26, 56–62] показало, что правоприменители в целом не приемлют такой формы решения проблемы собирания защитником доказательств, как закрепление в УПК РФ фактической обязанности органов расследования удовлетворять ходатайство защиты о проведении необходимых для защиты следственных действий по собиранию доказательств, приобщении к материалам уголовного дела доказательств. 75 % опрошенных отрицательно относятся к возложению на органы расследования обязанности удовлетворять подобные ходатайства защиты, и только 25 % считают, что это будет способствовать обеспечению равенства сторон в процессе доказывания.

Для защитника-адвоката закон предусматривает больший объем гарантий при реализации права собирать доказательства, чем для защитника – близкого родственника или иного лица, о допуске которого в качестве защитника ходатайствует обвиняемый. Так, праву адвоката собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций в порядке адвокатского запроса, корреспондирует обязанность указанных органов и организаций выдать адвокату запрошенные им документы или их копии (подп. 1 п. 3 ст. 6, ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»). Для защитника, не являющегося адвокатом, подобная гарантия при собирании доказательств не предусмотрена [12].

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить нарушения закона, допускаемые при реализации защитником права собирать и представлять доказательства. Например, право собирать и представлять доказательства не может быть реализовано адвокатом, не осуществляющим защиту подозреваемого, обвиняемого по уголовному делу. Обвиняемый Ч. заключил соглашение с несколькими адвокатами для проведения ими опроса лиц. Затем защитник обвиняемого – адвокат С. представил результаты опроса лиц следователю. Однако следователь отказал в приобщении результатов опроса к материалам уголовного дела, так как опросы были проведены адвокатами, которые не осуществляли защиту обвиняемого Ч. (не участвовали в производстве по делу в качестве защитников обвиняемого Ч.). Суд, проверяя по жалобе защитника – адвоката С. законность и обоснованность отказа следователя, подтвердил факт нарушения уголовно-процессуального закона при собирании доказательств [11, 12].

Уголовно-процессуальное законодательство стран СНГ в большинство своем закрепляет право защитника представлять (но не собирать) материалы, сведения (не доказательства), так же как и Модельный УПК стран СНГ, предусматривающий право защитника «представлять материалы для приобщения к уголовному делу и исследования в заседании суда» (п. 6 ст. 104). УПК Кыргызстана предусматривает несколько более широкие гарантии реализации права защитника собирать доказательства: собранные защитником материалы по его требованию обязательны для приобщения к делу (ч. 7 ст. 48).

Обеспечение надлежащего законодательного регулирования права защитника собирать и представлять доказательства в уголовном судо-

производстве, а также эффективных гарантий реализации данного права, будет способствовать состязательности и равноправию сторон, обеспечению права подозреваемого, обвиняемого на защиту, права на получение квалифицированной юридической помощи.

Пристатейный библиографический список

1. Калинкина Л.Д. Адвокат-защитник в суде с участием присяжных заседателей: монография / А.И. Амелин и др.; под ред. Л.Д. Калинкиной. Саранск, 2017. С. 3.
2. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Юристъ, 2003. С. 147.
3. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Л.Н. Башкатов и др.; отв. ред. И.К. Петрухин. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. С. 215.
4. Шейфер С.А. Роль защиты в формировании доказательственной базы по уголовному делу // Государство и право. 2006. № 7. С. 62–63.
5. Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2006. С. 190
6. Мартынчик Е.Г. Правовые основы адвокатского расследования: состояние и перспективы (к разработке концепции и модели) // Адвокатская практика. 2003. № 6. С. 23–27.
7. Рагулин А.В. О необходимости системного совершенствования института профессиональных прав адвоката-защитника в российском законодательстве // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 2 (41). С. 8–9.
8. Об утверждении требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса: Приказ Министерства юстиции РФ от 14.12.2016 № 288. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ.Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Процессуальная деятельность защитника по собиранию и представлению доказательств в российском уголовном судопроизводстве: монография / под общ. ред. Н.Р. Мухудиновой. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008.
11. Уголовное дело № 22-540/04 // Архив Верховного суда Республики Мордовия. 2004.
12. Мухудинова Н.Р. Обеспечение конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2005.

References (transliterated)

1. Kalinkina L.D. Advokat-zashhitnik v sude s uchastiem prisjazhnyh zasedatelej: monografija / A.I. Amelin i dr.; pod red. L.D. Kalinkinoj. Saransk, 2017. S. 3.
2. Ugolovno-processual'noe pravo RF: uchebnik / otv. red. P.A. Lupinskaja. M.: Jurist#, 2003. S. 147.
3. Ugolovno-processual'noe pravo RF: uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop. / L.N. Bashkatov i dr.; otv. red. I.K. Petruhin. M.: TK Velbi: Prospekt, 2008. S. 215.
4. Shejfer S.A. Rol' zashhity v formirovanii dokazatel'stvennoj bazy po ugolovnomu delu // Gosudarstvo i pravo. 2006. № 7. S. 62–63.
5. Smirnov A.V. Ugolovnyj process: uchebnik / A.V. Smirnov, K.B. Kalinovskij; pod obshh. red. A.V. Smirnova. SPb.: Piter, 2006. S. 190
6. Martynchik E.G. Pravovye osnovy advokatskogo rassledovanija: sostojanie i perspektivy (k razrabotke koncepcii i modeli) // Advokatskaja praktika. 2003. № 6. S. 23–27.
7. Ragulin A.V. O neobhodimosti sistemnogo sovershenstvovanija instituta professional'nyh prav advokata-zashhitnika v rossijskom zakonodatel'stve // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2016. № 2 (41). S. 8–9.
8. Ob utverzhdenii trebovanij k forme, porjadku oformlenija i napravlenija advokatskogo zaprosa: Prikaz Ministerstva justicii RF ot 14.12.2016 № 288. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».
9. O vnesenii izmenenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks RF: Federal'nyj zakon ot 17.04.2017 № 73-FZ.Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».
10. Processual'naja dejatel'nost' zashhitnika po sobiraniju i predstavleniju dokazatel'stv v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve: monografija / pod obshh. red. N.R. Muhudinovoj. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2008.
11. Ugolovnoe delo № 22-540/04 // Arhiv Verhovnogo suda Respubliki Mordovija. 2004.
12. Muhudinova N.R. Obespechenie konstitucionnogo prava kazhdogo na poluchenie kvalificirovannoj juridicheskoj pomoshhi v rossijskom ugolovnom processe: dis. ... kand. jurid. nauk. Saransk, 2005.

Кудрявцев В.Л.

ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 305 УК РФ «ВЫНЕСЕНИЕ ЗАВЕДОМО НЕПРАВОСУДНЫХ ПРИГОВОРА, РЕШЕНИЯ ИЛИ ИНОГО СУДЕБНОГО АКТА»

***Цель**: Исследование предмета такого преступления, как вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта.*

***Методология**: Использовались формально-юридические методы.*

***Результаты**: В статье раскрыты правовые и процессуальные проблемы определения предмета такого преступления, как вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта. Установлено, какие судебные акты являются неправосудными в контексте ст. 305 УК РФ. При этом в статье раскрывается каждый из неправосудных судебных актов в зависимости от его особенностей, обусловленных его природой и наличием (отсутствием) в том или ином виде судопроизводства.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Статья обладает научной ценностью, представляя из себя комплексный анализ определения предмета такого преступления, как вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта, через правовые и процессуальные проблемы, существующие как в теории, так и на практике.*

***Ключевые слова**: уголовное право, преступления против правосудия, состав преступления, предмет преступления, неправосудный приговор, неправосудное решение, неправосудный иной судебный акт, суд, уголовное судопроизводство.*

Kudryavtsev V.L.

LEGAL AND PROCEDURAL PROBLEMS OF DEFINITION OF SUBJECT OF CRIME UNDER ARTICLE 305 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION «MAKING A KNOWINGLY UNJUST SENTENCE, DECISION OR OTHER JUDICIAL ACT»

***Purpose**: the study of the subject of the offence of making a knowingly unjust sentence, decision or other judicial act.*

***Methodology**: Author used formal-legal methods.*

***Results**: The article reveals the legal and procedural problems of defining the subject matter of the offence of making a knowingly unjust sentence, decision or other judicial act. Installed, what judicial acts are unjust in the context of article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation. This article reveals each of unjust judicial acts, depending on its features, due to its nature and existence (absence) of a particular type of proceedings.*

***Novelty/originality/value**: The article has a scientific value, representing a comprehensive analysis of the definition of the subject of the offence of making a knowingly unjust sentence, decision or other judicial act through the legal and procedural problems both in theory and in practice.*

***Keywords**: criminal law, crimes against justice, a crime, subject of crime, unjust sentence, unjust decision, unjust other judicial act, court, criminal proceedings.*

Предмет преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, – неправосудные приговор, решение или иной судебный акт [см. более подробно: 5, с. 540–636].

Для понимания категории «иной судебный акт» в контексте ч. 1 ст. 305 УК РФ следует учитывать, что, во-первых, данный акт выносится судьей (судьями); во-вторых, то, что он перечисляется вместе (наряду) с приговором и решением через союз «или», являющийся в нашем случае присоединительным, который «употребляется при присоединении последнего члена перечисления, при дополнении предшествующего» [6, с. 219], а также через слово «иной», то есть не отличающийся от приговора, решения, означает, что «иной судебный акт», с одной стороны, имеет одну природу (сущность) с приговором, решением, выражающуюся в разрешении дела по существу, а с другой – он, как и решение, приговор являются составными частями категории «судебный акт».

Итак, «иной судебный акт» в контексте ч. 1 ст. 305 УК РФ – это акт, принятый судом, разрешающий дело по существу, за исключением приговора, решения.

Изложенный выше подход при определении природы судебного акта в контексте ст. 305 УК РФ вписывается в понимание судебного акта в законодательстве РФ.

Так, согласно п. 4 ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» судебный акт – решение, вынесенное в установленной соответствующим законом форме по существу дела, рассмотренного в порядке осуществления конституционного, гражданского, административного или уголовного судопроизводства либо судопроизводства в арбитражном суде. К судебным актам относятся также решения судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, вынесенные в установленной соответствующим законом форме по результатам рассмотрения апелляционных или кассационных жалоб (представлений) либо пересмотра решений суда в порядке надзора.

Так, например, в уголовном судопроизводстве законодатель ко всем судебным актам, разрешающим дело по существу, применил категорию «итоговое судебное решение». Итоговое судебное решение – приговор, иное решение суда, вынесенное в ходе судебного разбирательства, которым уголовное дело разрешается по существу (п. 53.2 ч. 1 ст. 5 УПК РФ). Но не всякий судебный акт может быть предметом преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, а только неправосудный.

Как указано в письме Высшей квалификационной коллегии судей РФ от 21.07.2010 № ВКК-ИП 389/10 «О критериях, которыми следует руководствоваться при принятии решений по рассмотрению внесенных Председателем Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации представлений о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи либо о привлечении его в качестве обвиняемого, если уголовное дело возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления», «соответствующая квалификационная коллегия судей не дает согласие на возбуждение уголовного дела в отношении судьи также при наличии следующих оснований: … по статье 305 УК РФ (вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта), если вынесенный судьей судебный акт не отменен или не изменен вышестоящей судебной инстанцией как неправосудный» (п. 8).

Из этого следует, что соответствующая квалификационная коллегия судей дает согласие на возбуждение уголовного дела в отношении судьи при наличии такого основания по ст. 305 УК РФ, как признание вынесенного судьёй судебного акта неправосудным, то есть отмена или изменение вышестоящей судебной инстанцией.

Конституционный Суд РФ «правосудность» судебного акта, с одной стороны, связывает с его законностью и обоснованностью (абз. 4 п. 3.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 19-П; абз. 4 п. 3.1. Постановления Конституционного Суда РФ от 18.10.2011 № 23-П), а приговор ещё и со справедливостью (абз. 4 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 04.04.2013 № 661-О), а с другой – с такими актами суда, которые разрешают дело по существу (абз. 5–9 п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П; п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 20.10.2015 № 27-П).

Соответственно, если судебный акт не разрешает дело по существу, то его нельзя рассматривать как правосудный.

Подобный вывод вписывается и в проведённый нами выше анализ природы судебного акта в контексте ст. 305 УК РФ, а также в определение понятия «судебный акт», данное в п. 4 ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», как акта суда, разрешающего дело по существу.

Таким образом, неправосудный судебный акт – это акт суда, разрешающий дело по существу, отменённый или изменённый вышестоящей судебной инстанцией как незаконный и (или) необоснованный, а приговор ещё и (или) как несправедливый.

Одна из ключевых особенностей неправосудного судебного акта отражена также и в решении Верховного Суда РФ от 31.01.2012 № АКПИ12-40 (Определением Верховного Суда РФ от 17.04.2012 № КАС12-170 данное решение оставлено без изменения), согласно которому, «как следует из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в его постановлении от 18 октября 2011 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений статей 144, 145 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.Л. Панченко», взаимосвязанные положения статей 144, 145 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 10, 19 (часть 1), 46 (часть 1), 118, 120 и 122 в той мере, в какой этими положениями допускается возбуждение в отношении судьи уголовного дела

по признакам преступления, предусмотренного статьей 305 «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта» Уголовного кодекса Российской Федерации, в случае, когда соответствующий судебный акт, вынесенный этим судьей, вступил в законную силу и не отменен в установленном процессуальным законом порядке.

С учетом изложенного оспариваемое решение не может быть признано законным и обоснованным, поскольку Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации дано согласие на возбуждение уголовного дела в отношении судьи Панченко С.Л. по признакам преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 305 и частью 2 статьи 305 Уголовного кодекса Российской Федерации, в связи с принятием им судебного решения, не признанного в установленной процессуальным законом процедуре незаконным и (или) необоснованным».

Итак, одна из ключевых особенностей неправосудности судебного акта, отраженная в решении Верховного Суда РФ на основе анализа правовой позиции Конституционного Суда РФ от 18 октября 2011 г. № 23-П, заключается в том, что неправосудным может быть только такой судебный акт, который признан в установленном процессуальном законом порядке незаконным и (или) необоснованным. До вынесения Конституционным Судом РФ постановления от 18 октября 2011 г. № 23-П на практике встречались случаи иного, противоречащего этому постановлению, понимания неправосудности судебного акта.

Вот и пример тому. Как следует из кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 мая 2010 г. № 51-О10-36, «Судом действиям Лямкиной Н.Э. дана юридическая оценка, и ее действия правильно квалифицированы по статье 305 части 1 УК РФ (по эпизодам от 9 марта 2004 и 2 сентября 2009 года).

Судом установлено, что Лямкина Н.Э., назначенная на должность федерального судьи <...> районного суда г. <...> края, с грубейшим и очевидным для нее нарушением гражданско-процессуального законодательства, регламентирующего порядок регистрации исковых заявлений, возбуждение производства по гражданскому делу, вынесла заведомо неправосудные решения при отсутствии гражданского дела, снабдив их соответствующими реквизитами (подпись судьи, гербовая печать), при этом предъявленные решения были приняты для исполнения государственными органами.

То обстоятельство, что указанные решения не отменены в кассационном или надзорном порядке, не является основанием для освобождения от ответственности за вынесение заведомо неправосудных решений».

Законодатель Федеральным законом от 05.04.2013 № 54-ФЗ ввёл часть 8 в ст. 448 УПК РФ, согласно которой «не допускается возбуждение в отношении судьи уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного статьей 305 Уголовного кодекса Российской Федерации, в случае, если соответствующий судебный акт, вынесенный этим судьей или с его участием, вступил в законную силу и не отменен в установленном процессуальным законом порядке как неправосудный».

В силу особой важности для понимания неправосудности судебного акта для привлечения судьи к уголовной ответственности по ст. 305 УК РФ приведём ряд положений постановления Конституционного Суда РФ от 18.10.2011 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений статей 144, 145 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.Л. Панченко»:

«3. К числу гарантий, обеспечивающих независимость судьи при осуществлении правосудия, Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» относит неприкосновенность судьи (пункт 1 статьи 9). Согласно пункту 2 статьи 16 названного Закона, раскрывающему одну из сторон принципа неприкосновенности, судья, в том числе после прекращения его полномочий, не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта.

Вместе с тем гарантии судейского иммунитета, включая неприкосновенность, не носят абсолютного характера. Устанавливая в качестве общего правила запрет на привлечение судьи к ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и вынесенные судебные акты, федеральный законодатель исходил из того, что при осуществлении судебной деятельности возможны неумышленные ошибки ординарного характера, не дискредитирующие априори лиц, их допустивших, которые возникают в ходе разрешения конкретного дела при толковании и

применении норм материального или процессуального права и подлежат исправлению вышестоящими судебными инстанциями. Что касается судебных ошибок, которые являются следствием профессиональной некомпетентности или небрежности судьи, т. е. недобросовестного исполнения им функции по отправлению правосудия, то они могут приводить к искажению фундаментальных принципов судопроизводства и грубому нарушению прав участников процесса и, соответственно, повлечь вынесение неправосудного судебного акта, которое, хотя и не подпадает под признаки состава преступления, тем не менее может служить основанием для применения к судье мер дисциплинарной ответственности (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2008 года № 3-П и от 20 июля 2011 года № 19-П).

Тем более не предполагается ограждение судьи, совершившего преступление, от уголовной ответственности – иное приводило бы к искажению конституционного смысла судейского иммунитета, а также к нарушению конституционных прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2004 года № 394-О, от 7 февраля 2008 года № 157-О-О и др.).

3.1. Процедурный механизм осуществления уголовного преследования в отношении судей урегулирован Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, в том числе его статьями 144, 145 и 448, во взаимосвязи с положениями Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и предусматривает в качестве составной части и одновременно способа обеспечения неприкосновенности и независимости судей особый – усложненный по сравнению с обычным – порядок возбуждения уголовного дела в отношении судьи и привлечения его в качестве обвиняемого.

Обязательным условием этого порядка является наличие решения квалификационной коллегии судей о даче согласия на осуществление в отношении судьи уголовного преследования, что само по себе, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, не предопределяет обязательность вынесения постановления о возбуждении уголовного дела в отношении судьи или о привлечении его в качестве обвиняемого либо отказе в этом, а также принятия того или иного итогового решения по уголовному делу; при этом сама квалификационная коллегия судей в своем решении не вправе делать выводы (в том числе о виновности привлекаемого к уголовной ответственности лица), которые могут содержаться только в приговоре (статья 302 УПК Российской Федерации) или ином итоговом решении, постановляемом по результатам непосредственного исследования в ходе судебного разбирательства всех обстоятельств уголовного дела, т. е. разрешать вопросы, которые могут стать предметом доказывания на последующих стадиях уголовного процесса (определения от 14 декабря 2004 года № 452-О и от 7 февраля 2008 года № 224-О-О).

При осуществлении уголовного преследования в отношении судьи за деяние, совершенное им в процессе осуществления правосудия, должен безусловно учитываться вытекающий из статей 10, 11 (часть 1), 18, 118 (часть 1) и 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации и закрепленный в федеральных конституционных законах «О судебной системе Российской Федерации» (статьи 1 и 6) и «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (статья 5), а также в соответствующих нормах процессуального законодательства принцип обязательности судебных актов, их неукоснительного исполнения на всей территории Российской Федерации и опровержимости только в судебном порядке в специальных, предусмотренных законом процедурах. Вступивший в законную силу, не отмененный и не измененный судебный акт не может рассматриваться как неправосудный, поскольку отсутствие подтверждения в установленном порядке незаконности и необоснованности этого судебного акта вышестоящей судебной инстанцией презюмирует его правосудность.

Применительно к вопросу о возбуждении уголовного дела в отношении судьи по признакам преступления, предусмотренного статьей 305 УК Российской Федерации, устанавливающей ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта, это означает, что квалификационная коллегия судей не вправе самостоятельно определять, является ли конкретный судебный акт неправосудным, т. е. оценивать его законность и обоснованность, в том числе с точки зрения правильности применения материального закона или соблюдения процессуальных правил, – такая проверка может осуществляться лишь в специальных, закрепленных процессуальным законом процедурах, а именно посредством рассмотрения дела судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанций.

Как следует из правовой позиции, изложенной Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 17 июля 2007 года

№ 615-О-О, возбуждение в отношении судьи уголовного дела и привлечение его в качестве обвиняемого в связи с вынесением им заведомо неправосудного решения не являются средством пересмотра такого решения, в связи с чем они могут иметь место лишь после того, как в установленной процессуальным законом процедуре принятое судьей решение будет признано незаконным и (или) необоснованным. Данный вывод соотносится с международными стандартами в сфере правосудия, исключающими возможность пересмотра судебных актов во внесудебном порядке (пункт 4 Основных принципов независимости судебных органов), и подкрепляется имеющей универсальный характер правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой иная – не судебная – процедура ревизии судебных актов принципиально недопустима, поскольку означала бы возможность замещения (вопреки обусловленным природой правосудия и установленным процессуальным законом формам пересмотра судебных решений и проверки их правосудности исключительно вышестоящими судебными инстанциями) актов органов правосудия административными актами, что является безусловным отступлением от необходимых гарантий самостоятельности, полноты и исключительности судебной власти (постановления от 25 января 2001 года № 1-П, от 4 апреля 2002 года № 8-П, от 28 февраля 2008 года № 3-П и от 17 марта 2009 года № 5-П).

3.2. Таким образом, обращение следственных органов в квалификационную коллегию судей с представлением о даче согласия на возбуждение в отношении судьи уголовного преследования по статье 305 УК Российской Федерации, предусматривающей ответственность за вынесение заведомо неправосудного судебного акта, в случае, когда сам этот акт не отменен как незаконный и необоснованный, а потому не признан в качестве неправосудного, получение согласия квалификационной коллегии судей, разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела и его дальнейшем процессуальном движении означают, по сути, отрицание окончательности, исполнимости, неопровержимости и обязательности судебного решения, гарантированно исполняющегося силой государства, и являются неправомерным вмешательством в осуществление судебной власти, самостоятельность и независимость которой находятся под защитой Конституции Российской Федерации, прежде всего ее статьи 10.

Кроме того, само по себе возбуждение в отношении судьи уголовного преследования по статье 305 УК Российской Федерации предполагает необходимость доказывания именно заведомой неправосудности вынесенного им судебного акта. Если же при этом соответствующий судебный акт не был отменен в надлежащей процедуре, возбуждение уголовного дела в таком случае означает, что следственными органами констатируется вынесение судьей незаконного или необоснованного судебного акта, – тем самым осуществляется уголовное преследование судьи за вынесенное им решение по делу, сохраняющее свою законную силу, чем нарушаются закрепленные статьями 118 и 120 Конституции Российской Федерации принципы осуществления правосудия только судом, а также независимости судей как гарантии самостоятельности и независимости судебной власти.

4. В 2010 году Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации до сведения квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации доведены разъяснения, которыми следует руководствоваться при принятии решений по рассмотрению внесенных Председателем Следственного комитета Российской Федерации представлений о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи. Согласно этим разъяснениям соответствующая квалификационная коллегия судей не дает согласие на возбуждение уголовного дела в отношении судьи по статье 305 УК Российской Федерации в случае, если вынесенный судьей судебный акт не отменен или не изменен вышестоящей судебной инстанцией как неправосудный (письмо от 21 июля 2010 года № ВКК-ИП 389/10).

Аналогичная позиция нашла отражение в определении Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по делу № 2н-261/08: проверка органами прокуратуры, не обладающими полномочиями по пересмотру судебных актов, заявления о вынесении судьей заведомо неправосудного, на взгляд заявителя, судебного акта допустима только при условии отмены этого акта вышестоящим судом в кассационном либо надзорном порядке; иное означало бы незаконное вмешательство в отправление судом правосудия, допускало бы оценку законности судебного акта и проверку его по существу некомпетентным органом (Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2008 года, утвержденный постановлениями Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 4 и 25 марта 2009 года).

Однако другие материалы, изученные Конституционным Судом Российской Федерации

при рассмотрении настоящего дела, в том числе конкретные правоприменительные решения, вынесенные в отношении С.Л. Панченко, свидетельствуют о том, что органы прокуратуры Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации, а также Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации допускают применительно к случаям возбуждения уголовных дел по статье 305 УК Российской Федерации и прямо противоположное толкование положений статей 144, 145 и 448 УПК Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации».

Такое неоднозначное понимание рассматриваемых законоположений в правоприменительной практике свидетельствует о наличии неопределенности, дающей возможность неограниченного усмотрения при определении процессуальных прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства, что, в свою очередь, означает нарушение вытекающего из Конституции Российской Федерации принципа юридического равенства, которое, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, может быть обеспечено лишь при условии единообразного применения правовых норм, возможного только при наличии их формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности и согласованности в системе действующего правового регулирования. Отступление же от указанных критериев с неизбежностью приводит к нарушению конституционных гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан, включая реализуемые в процедурах уголовного преследования за совершение преступления (статья 19, часть 1; статья 46; статья 49, часть 1 Конституции Российской Федерации).

5. Таким образом, взаимосвязанные положения статей 144, 145 и 448 УПК Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», устанавливающие порядок рассмотрения сообщения о совершении преступления судьей и принятия решения по такому сообщению, не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 10, 19 (часть 1), 46 (часть 1), 118, 120 и 122, в той мере, в какой на основании этих положений допускается возбуждение в отношении судьи уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного статьей 305 «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта» УК Российской Федерации, что предполагает непосредственную оценку во внесудебном порядке вынесенного этим судьей судебного акта, вступившего в законную силу, не отмененного и не признанного в соответствующем процессуальном порядке незаконным и необоснованным, в качестве неправосудного.

Этим не ставится под сомнение возможность разрешения в установленном законом порядке вопроса о проведении в отношении судьи предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации действий для проверки сообщения о преступлении и возбуждении по результатам этой проверки уголовного дела по признакам других, как правило, сопутствующих преступлению, предусмотренному статьей 305 УК Российской Федерации, составов преступлений, таких как «Мошенничество» (статья 159), «Злоупотребление должностными полномочиями» (статья 285), «Превышение должностных полномочий» (статья 286), «Получение взятки» (статья 290)».

Из данной правовой позиции Конституционного Суда РФ, анализирующей законодательство РФ, Письмо Высшей квалификационной коллегии судей РФ от 21.07.2010 № ВКК-ИП 389/10, Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по делу № 2н-261/08, конкретные правоприменительные решения, применительно к привлечению судьи к уголовной ответственности по ст. 305 УК РФ, а также с учётом положений ч. 8 ст. 448 УПК РФ следует сделать такие выводы:

– во-первых, обязательным условием возбуждения уголовного дела в отношении судьи и привлечения его в качестве обвиняемого является наличие решения соответствующей квалификационной коллегии судей о даче согласия на осуществление в отношении судьи уголовного преследования;

– во-вторых, соответствующая квалификационная коллегия судей дает согласие на возбуждение уголовного дела в отношении судьи при наличии такого основания по статье 305 УК РФ (вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта), как если вынесенный судьей судебный акт отменен или изменен вышестоящей судебной инстанцией как неправосудный;

– в-третьих, вступивший в законную силу, не отмененный и не измененный судебный акт не может рассматриваться как неправосудный, поскольку отсутствие подтверждения в установленном порядке незаконности и необоснованности этого судебного акта вышестоящей судебной инстанцией презюмирует его правосудность;

– в-четвертых, определять, является ли конкретный судебный акт неправосудным, т. е. оценивать его законность и обоснованность, в том числе с точки зрения правильности применения материального закона или соблюдения процессуальных правил, – такая проверка может осуществляться лишь в специальных, закрепленных процессуальным законом процедурах, а именно посредством рассмотрения дела судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанций.

На основе всего вышеизложенного в отношении неправосудного судебного акта можно сказать следующее: это акт, который был признан в специальных, закрепленных процессуальным законом процедурах, а именно посредством рассмотрения дела судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, незаконным и (или) необоснованным, а приговор – ещё и (или) несправедливым.

Апелляционная, кассационная и надзорная инстанция существует в гражданском, административном или уголовном судопроизводстве либо судопроизводстве в арбитражном суде.

В конституционном судопроизводстве таких инстанций нет, решения Конституционного Суда РФ не обжалуются и не могут признаваться незаконными и (или) необоснованными, и это не случайно, поскольку с точки зрения действующего законодательства в отношении решений, принимаемых Конституционным Судом РФ, действует неопровержимая презумпция их правосудности.

Так, согласно ч. 1 ст. 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) «О Конституционном Суде Российской Федерации» Решение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно и не подлежит обжалованию. Решение Конституционного Суда Российской Федерации, вынесенное по итогам рассмотрения дела, назначенного к слушанию в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, вступает в силу немедленно после его провозглашения. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации, принятое в порядке, предусмотренном статьей 47.1 настоящего Федерального конституционного закона, вступает в силу со дня его опубликования в соответствии со статьей 78 настоящего Федерального конституционного закона. Иные решения Конституционного Суда Российской Федерации вступают в силу со дня их принятия.

Конституционное судопроизводство осуществляется не только Конституционным Судом РФ, но и конституционным (уставным) судом субъекта РФ, решения которого также не обжалуются и, соответственно, не могут признаваться незаконными и (или) необоснованными, отсутствует апелляционная, кассационная и надзорная инстанции, и это закономерно, поскольку в отношении решений, принимаемых конституционным (уставным) судом субъекта РФ, как установлено законами субъектов РФ, регулирующими деятельность таких судов, действует неопровержимая презумпция их правосудности.

В качестве примера конституционного (уставного) суда субъекта РФ возьмём Конституционный Суд Республики Татарстан и Уставный суд города Москвы.

Решение Конституционного суда Республики Татарстан окончательно, не подлежит обжалованию и вступает в силу немедленно после его провозглашения (ч. 1 ст. 73 Закон РТ от 22.12.1992 № 1708-XII (ред. от 26.03.2016) «О Конституционном суде Республики Татарстан»).

Решение Уставного суда окончательно, не подлежит обжалованию и вступает в силу немедленно после его провозглашения (ч. 1 ст. 74 Закона г. Москвы от 13.02.2002 № 10 (ред. от 04.04.2012) «Об Уставном суде города Москвы»).

Следовательно, в конституционном судопроизводстве, с точки зрения соответствующего действующего законодательства, в отношении решений, принимаемых как Конституционным Судом РФ, так и конституционным (уставным) судом субъекта РФ, действует неопровержимая презумпция их правосудности. Из этого следует, что решения, принимаемые как Конституционным Судом РФ, так и конституционным (уставным) судом субъекта РФ, не могут быть неправосудными.

Таким образом, решения Конституционного Суда РФ, конституционного (уставного) суда субъекта РФ, принятые в конституционном судопроизводстве, не могут быть предметом преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ.

В связи с изложенным не могу согласится с позицией, что «…вынесение неправосудного судебного акта судьями Конституционного Суда РФ, с нашей точки зрения, также может составлять объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ» [1].

Несмотря на то, что в производстве по делам об административных правонарушениях прямо не названы ни апелляционная, ни кассационная, ни надзорная инстанции, тем не менее КоАП РФ предусмотрел в Разделе IV «Производство по делам об административных правонарушениях» Главу 30 «Пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях», которая включает в себя ст. 30.1–30.19 КоАП

РФ с говорящими названиями, в частности, такими как «Право на обжалование постановления по делу об административном правонарушении» (ст. 30.1), «Пересмотр решения, вынесенного по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении» (ст. 30.9), «Принесение протеста на не вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении и последующие решения» (ст. 30.10), «Право на обжалование, опротестование вступивших в законную силу постановления по делу об административном правонарушении, решений по результатам рассмотрения жалоб, протестов» (ст. 30.12).

Если в КоАП РФ прямо не названы ни апелляционная, ни кассационная, ни надзорная инстанции, но есть Глава 30 «Пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях», то абз. 4 п. 18.2 Постановления Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 (ред. от 10.11.2011) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» указывает на наличие суда апелляционной или кассационной инстанции при производстве по делам об административных правонарушениях, а именно: «Кроме того, надлежит иметь в виду, что, исходя из положений абзаца второго части 1 статьи 3.12 и пункта 2 части 1 статьи 30.7 КоАП РФ, суд апелляционной или кассационной инстанции, рассматривая жалобу на решение суда первой инстанции, которым лицо привлечено к административной ответственности с назначением ему иного наказания, нежели административное приостановление деятельности, не вправе изменить решение, назначив лицу наказание в виде административного приостановления деятельности».

Так, в частности, при рассмотрении жалобы на постановление по делу об административном правонарушении проверяются на основании имеющихся в деле и дополнительно представленных материалов законность и обоснованность вынесенного постановления (п. 8 ч. 2 ст. 30.6 КоАП РФ).

Следовательно, в КоАП РФ существует процедура пересмотра судебного акта с точки зрения его законности и обоснованности, в результате которой он может быть признан неправосудным.

Учитывая, что КоАП РФ не использует в своём тексте таких категорий, как «апелляционная», «кассационная» либо «надзорная» инстанция, как в процессуальном законодательстве, например, в ГПК РФ, УПК РФ, за основу возьмём название Главы 30 КоАП РФ, охватывающей все существующие способы пересмотра судебного акта, предусмотренные в данном кодексе, и получим: пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях.

Итак, судебные акты, принятые при производстве по делам об административных правонарушениях и разрешающие дело по существу, являются предметом преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ.

Вот и подтверждение тому. Как следует из приговора Кемеровского областного суда с участием коллегии присяжных заседателей от 14 января 2011 года по делу 2-17/2011, «Исходя из фактических обстоятельств уголовного дела, признанных доказанными коллегией присяжных заседателей, действия подсудимого Соснина С.В. следует квалифицировать по ст. 305 ч. 1 УК РФ (по каждому из 9-ти эпизодов вынесения постановлений в отношении С.И.Ю., Б.Д.Ю., Ш.В.А., М.М.В., К.П.А., П.А.С., Е.В.А., М.В.Ф., Ш.Д.Н.), как вынесение судьей заведомо неправосудного иного судебного акта.

…Согласно вердикту коллегии присяжных заседателей мировой судья Соснин С.В, располагая протоколами об административном правонарушении, протоколами об отстранении от управления транспортными средствами, протоколами о направлении на медицинское освидетельствование, актами медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством, содержащимися в материале об административном правонарушении в отношении С.И.Ю., Б.Д.Ю., Ш.В.А., М.М.В., К.П.А., П.А.С., Е.В.А., М.В.Ф., Ш.Д.Н., не дал должной оценки имеющимся в деле доказательствам совершенных С.И.Ю., Б.Д.Ю., Ш.В.А., М.М.В., К.П.А., П.А.С., Е.В.А., М.В.Ф., Ш.Д.Н. административных правонарушений по ст. 12.8 ч. 1 КоАП РФ и вынес постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении в отношении С.И.Ю., Б.Д.Ю., Ш.В.А., М.М.В., К.П.А., П.А.С., Е.В.А., М.В.Ф., Ш.Д.Н., привлекаемых к административной ответственности за совершение административного правонарушения.

…Очевидные и осознанные нарушения закона со стороны мирового судьи Соснина С.В. повлекли вынесение им заведомо неправосудных постановлений, которые впоследствии были отменены председателем и и.о. председателя Кемеровского областного суда как незаконные и необоснованные…» [9].

Таким образом, признание судебного акта неправосудным возможно в гражданском, административном или уголовном судопроизводстве либо судопроизводстве в арбитражном суде по-

средством рассмотрения дела судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, а также при производстве по делам об административных правонарушениях посредством пересмотра судом постановлений и решений по делам об административных правонарушениях.

При этом следует учитывать, что не может быть неправосудным в контексте ст. 305 УК РФ такой судебный акт, который был принят в порядке пересмотра судом надзорной инстанции, за исключением уголовного судопроизводства, либо в порядке пересмотра судом вступивших в законную силу постановления по делу об административном правонарушении, решений по результатам рассмотрения жалоб, протестов при производстве по делам об административных правонарушениях, вследствие того, что он не подлежит пересмотру в этом же порядке с точки зрения закона. Не подлежит пересмотру в порядке надзора в гражданском или административном судопроизводстве либо судопроизводстве в арбитражном суде акт, принятый в порядке надзора Президиумом Верховного Суда РФ (ст. 391.1 ГПК РФ; ст. 332 КАС РФ; ч. 1–3 ст. 308.1 АПК РФ), который не наделён законом правом пересматривать свои же акты, принятые в порядке надзора, другого же органа надзора нет.

В уголовном же судопроизводстве судебный акт в форме постановления, принятый в порядке надзора Президиумом Верховного Суда РФ, подлежит пересмотру в порядке надзора тем же органом, принявшим решение в порядке надзора, то есть Президиумом Верховного Суда Российской Федерации (п. 5 ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ).

Теперь приведём перечень и раскроем понятие приговора, решения и иных судебных актов применительно к предмету преступления ст. 305 УК РФ с учетом рассмотренного выше.

Приговор выносится в уголовном судопроизводстве, решения – в гражданском и административном судопроизводстве, а также судопроизводстве в арбитражном суде.

Приговор – решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции (п. 28 ч. 1 ст. 5 УПК РФ).

Решение суда – эта форма постановления суда первой инстанции, которым дело разрешается по существу; принимается именем Российской Федерации (ч. 1 ст. 194 ГПК РФ).

Решение – это судебный акт, принятый арбитражным судом первой инстанции при рассмотрении дела по существу (абз. 2 ч. 2 ст. 15 АПК РФ).

Решение принимается именем Российской Федерации при разрешении судом первой инстанции административного дела по существу (ч. 1 ст. 175 КАС РФ).

Рассмотрим «иной судебный акт» как предмет преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, применительно к виду судопроизводства, в котором он выносится:

1) «иной судебный акт» как предмет преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, в уголовном судопроизводстве – это:

а) определение – любое решение, вынесенное коллегиально судами первой, апелляционной и кассационной инстанций, за исключением приговора и кассационного определения (п. 23 ч. 1 ст. 5 УПК РФ);

б) постановление – любое решение, за исключением приговора, вынесенное судьей единолично; решение, вынесенное президиумом суда при пересмотре соответствующего судебного решения, вступившего в законную силу (п. 25 ч. 1 ст. 5 УПК РФ).

В литературе существует точка зрения, согласно которой вердикт является предметом преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ [3, с. 639; 4; 7, с. 395].

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 5 УПК РФ вердикт – решение о виновности или невиновности подсудимого, вынесенное коллегией присяжных заседателей.

Присяжный заседатель – лицо, привлеченное в установленном настоящим Кодексом порядке для участия в судебном разбирательстве и вынесения вердикта (п. 30 ч. 1 ст. 5 УПК РФ).

В ч. 1 ст. 305 УК РФ указан субъект вынесения неправосудных актов – это судья (судьи). Судья – должностное лицо, уполномоченное осуществлять правосудие (п. 54 ч. 1 ст. 5 УПК РФ). Присяжный заседатель не является судьёй.

Как следствие изложенного, присяжный заседатель не субъект преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, а вердикт, выносимый коллегией присяжных заседателей, соответственно не предмет преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ.

Приведём пример «иного судебного акта» в уголовном судопроизводстве.

Как следует из приговора суда с участием присяжных заседателей Верховного Суда Удмуртской Республики от 1 ноября 2010 года (вступил в законную силу 16.05.2011), «Иванов В.В., являясь судьей, вынес четыре заведомо незаконных постановления о прекращении уголовных дел по четырем уголовным делам. Постановления отнесены законодателем к иным судебным актам» [8].

В УПК РФ используется понятие «судебное решение», под которым понимается «приговор, определение, постановление, вынесенные при производстве по уголовному делу в судах первой и второй инстанций; определение и постановление, вынесенные при производстве по уголовному делу в суде кассационной инстанции; постановление, вынесенное при производстве по уголовному делу в суде надзорной инстанции» (п. 53.1 ч. 1 ст. 5 УПК РФ).

Судебное решение классифицируется в зависимости от того, разрешается ли им дело по существу на:

а) итоговое судебное решение – приговор, иное решение суда, вынесенное в ходе судебного разбирательства, которым уголовное дело разрешается по существу (п. 53.2 ч. 1 ст. 5 УПК РФ);

б) промежуточное судебное решение – все определения и постановления суда, за исключением итогового судебного решения (п. 53.3 ч. 1 ст. 5 УПК РФ).

Если, как было выяснено выше, предметом преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, являются лишь акты суда, разрешающие дело по существу, то применительно к уголовному судопроизводству предметом данного преступления будет лишь «итоговое судебное решение», но никак не промежуточное судебное решение.

Соответственно изложенному при вынесении промежуточного судебного решения квалификация действий судьи по ст. 305 УК РФ исключается.

Тем не менее, в судебной практике встречались случаи, когда предметом преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, признавалось промежуточное судебное решение, которое не разрешало дело по существу и не было отменено или изменено посредством рассмотрения дела судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, но действия судьи, вынесшего такое решение, были квалифицированы по ст. 305 УК РФ.

Приведём для наглядности два разноплановых примера по этой проблеме.

В примере первом в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, выступает такое промежуточное судебное решение, как постановление об отказе в удовлетворении ходатайства начальника уголовно-исполнительной инспекции об отмене условной меры наказания и исполнении реальной в виде лишения свободы.

Как следует из приговора Верховного Суда РФ от 18 февраля 2011 г. № УКПИ10-11, «Сидоренко А.В., работая в соответствии с Указом исполняющего обязанности Президента Российской Федерации от 25.03.2000 № <...> в должности судьи – председателя <...> районного суда <...> области, вынес заведомо неправосудный судебный акт от 21 мая 2004 года и совершил служебный подлог при следующих обстоятельствах.

18 февраля 2004 года в <...> районный суд <...> области поступило представление начальника уголовно-исполнительной инспекции № <...> ГУИН Министерства юстиции Российской Федерации по <...> области (далее – УИИ № <...>) М. об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда в отношении П., осужденного по приговору от 28 августа 2003 года к 2 годам 6 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года, который нарушил общественный порядок, за что привлекался к административной ответственности, не исполнял в течение испытательного срока возложенные на него судом обязанности.

10 марта 2004 года по указанному представлению Сидоренко А.В. назначил судебное заседание на 31 марта 2004 года, которое в назначенный день не состоялось и отложено в связи с невозможностью рассмотрения представления в отсутствие осужденного П.

7 мая 2004 года прокурору, начальнику уголовно-исполнительной инспекции, дежурному адвокату юридической консультации № <...> направлено уведомление о назначении судебного заседания по рассмотрению представления в отношении П. на 9 часов 21 мая 2004 года в помещении <...> районного суда <...> области. В этот же день начальнику учреждения <...> г. <...> направлено постановление судьи Сидоренко А.В. от 6 мая 2004 года об этапировании П. в ИВС <...> РОВД, а затем в <...> районный суд на 21 мая 2004 года на 9 часов.

21 мая 2004 года доставление содержащегося под стражей в ИВС <...> РОВД П. в суд не было обеспечено, явились начальник уголовно-исполнительной инспекции М. и прокурор А., которым стало известно от секретаря судебных заседаний Л., что судебное заседание по рассмотрению представления в отношении П. вновь не состоится. М. и А. ушли в другой судебный процесс в отношении С.

В нарушение требований ст. 399 УПК РФ о рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, в том числе об отмене условного осуждения в соответствии со ст. 74 УК РФ в судебном заседании с участием представителя учреждения, по представлению которого решается вопрос, связанный с исполнением наказания, прокурора, осужденного, который может осуществлять свои права с помощью адвоката, Си-

доренко А.В. с целью недопущения дальнейшего нарушения сроков рассмотрения представления, находящегося в его производстве более 3-х месяцев, без проведения судебного заседания 21 мая 2004 года в помещении <...> районного суда <...> области по адресу: <...> область, г. <...> вынес (изготовил и подписал) заведомо неправосудный судебный акт – постановление <...> районного суда от 21 мая 2004 года об отказе в удовлетворении ходатайства начальника уголовно-исполнительной инспекции М. об отмене в отношении П. условной меры наказания и исполнении реальной в виде лишения свободы...

Постановлением президиума <...> областного суда от 16 сентября 2004 г. постановление судьи <...> районного суда Сидоренко А.В. от 21 мая 2004 г. об отказе в удовлетворении ходатайства начальника уголовно-исполнительной инспекции М. об отмене условной меры наказания и исполнении реальной в виде лишения свободы в отношении П. отменено, и производство по делу прекращено в связи с нарушением требований УПК РФ при рассмотрении ходатайства».

В примере втором в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, выступает такое промежуточное судебное решение, как определение об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу на подписку о невыезде.

Как следует из кассационного определения Верховного Суда РФ от 24 декабря 2002 г. № КАС02-611, «М. признан виновным в халатности и в вынесении заведомо неправосудного судебного решения при таких обстоятельствах.

В 1984 году М. был избран народным судьей, а с 30 апреля 1996 года назначен заместителем председателя Магаданского городского суда.

29 декабря 1997 года М., находясь в очередном отпуске, получил от адвоката Есина С.В. ходатайство об изменении меры пресечения А. с заключения под стражу на подписку о невыезде (уголовное дело по обвинению А. находилось в производстве М.). Не назначив судебного заседания, не известив прокурора, адвоката и подсудимого А. о дате его проведения, М. из ложно понятых интересов службы удовлетворил ходатайство адвоката Есина, вынес заведомо неправосудное определение об изменении А. меры пресечения в виде заключения под стражу на подписку о невыезде. Постановлением президиума Магаданского областного суда 4 февраля 1998 года указанное определение отменено как незаконное.

В судебном заседании М. вину не признал и показал, что уголовное дело П. своевременно не рассмотрел по объективным причинам, меру пресечения А. изменил после предоставления адвокатом документов, свидетельствующих о заболевании А. и нуждаемости в лечении.

…Выводы суда о доказанности вины осужденного М. в совершенных преступлениях основаны на непосредственно, полно и объективно исследованных в судебном заседании доказательствах.

…Обоснованно суд первой инстанции пришел к выводу и о доказанности вины М. в вынесении заведомо неправосудного определения от 30 декабря 1997 года в отношении А. об изменении меры пресечения с заключения под стражу на подписку о невыезде.

Из показания свидетеля Есина видно, что в декабре 1997 года он написал ходатайство на имя судьи М. об изменении А. меры пресечения с заключения под стражу на подписку о невыезде, с приложением документов, подтверждающих наличие заболевания у А. и нуждаемости того в обследовании в условиях медицинского учреждения. Ходатайство было удовлетворено. Он не помнит, проводилось ли судебное заседание по данному делу или нет.

Однако из сообщения начальника учреждения МЗ-47/1 усматривается, что 30 декабря 1997 года А. в Магаданский городской суд на судебное заседание не доставлялся (т. 2 л. д. 262– 263).

Из выписки из приказа усматривается, что М. с 11 ноября 1997 года по 6 февраля 1998 года находился в отпуске (т. 3 л. д. 32–35).

Постановлением президиума Магаданского областного суда от 4 февраля 1998 года по протесту прокурора области определение Магаданского областного суда от 30 декабря 1997 года об изменении меры пресечения А. отменено, поскольку оно вынесено вне рамок судебного заседания и без участия сторон.

Обоснованность постановления президиума подтверждается материалами уголовного дела в отношении А., из которого видно, что в протоколе судебного заседания 30 декабря 1997 года отсутствуют пояснения адвоката Есина.

Изложенные доказательства опровергают доводы М. и защиты о том, что вопрос об изменении меры пресечения А. был рассмотрен 30 декабря 1997 года в судебном заседании.

Суд правильно квалифицировал действия М. в этой части по ст. 305 ч. 1 УК РФ как вынесение судьей заведомо неправосудного судебного решения».

Считаю, что если судья выносил, как в двух рассмотренных выше примерах, промежуточные судебные решения, не имеющие отноше-

ния к предмету преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, то и действия судьи не должны были быть квалифицированы по этой статье, их надо было квалифицировать по ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», они достаточно подробно раскрываются в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»;

2) «иной судебный акт» как предмет преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, в гражданском судопроизводстве – это:

а) судебный приказ – судебное постановление, вынесенное судьей единолично на основании заявления о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества от должника по требованиям, предусмотренным статьей 122 настоящего Кодекса, если размер денежных сумм, подлежащих взысканию, или стоимость движимого имущества, подлежащего истребованию, не превышает пятисот тысяч рублей (ч. 1 ст. 121 ГПК РФ);

б) апелляционное определение – это форма постановления суда апелляционной инстанции (ч. 1 ст. 329 ГПК РФ);

в) постановление или определение суда кассационной инстанции (ст. 388 ГПК РФ). Согласно ч. 3 ст. 388 ГПК РФ Постановление президиума соответствующего суда подписывается его председательствующим, определение судебной коллегии – судьями, рассматривавшими дело в кассационном порядке.

В правовых позициях Конституционного Суда РФ можно встретить характеристику как правосудного судебного акта, так и промежуточного судебного акта в гражданском судопроизводстве.

В первом случае судебный акт будет предметом преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, а во втором – промежуточный судебный акт не будет предметом данного преступления.

Первый случай. Согласно п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 20.10.2015 № 27-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.И. Карабанова и В.А. Мартынова», «как следует из правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 25 января 2001 года № 1-П, осуществление правосудия, по смыслу статей 18, 118 (части 1 и 2), 120 и 126 Конституции Российской Федерации, связано прежде всего с разрешением судом соответствующих дел, которое в гражданском судопроизводстве выражается в судебных актах, определяющих правоотношения сторон или иные правовые обстоятельства и разрешающих спор о праве, обеспечивая возможность беспрепятственной реализации права и охраняемого законом интереса, а также защиту нарушенных или оспоренных материальных прав и законных интересов; в судебных актах, разрешающих дело по существу, суд определяет действительное материально-правовое положение сторон, применяя законодательные нормы к тому или иному конкретному случаю в споре о праве; именно разрешая дело по существу и принимая решение в соответствии с законом, суд осуществляет правосудие в собственном смысле слова и тем самым обеспечивает права и свободы как непосредственно действующие».

Второй случай. В п. 5 Постановления Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» отражено, что «судебные акты, которые, хотя и принимаются в гражданском судопроизводстве, но которыми дела не разрешаются по существу и материально-правовое положение сторон не определяется, не охватываются понятием «осуществление правосудия»; ...в таких актах решаются, главным образом, процессуально-правовые вопросы, возникающие в течение процесса – от принятия заявления и до исполнения судебного решения, в том числе при окончании дела (прекращение производства по делу и оставление заявления без рассмотрения)»;

3) «иной судебный акт» как предмет преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, в судопроизводстве в арбитражных судах – это:

а) судебные акты в форме судебного приказа, решения, постановления, определения (ч. 1 ст. 15 АПК РФ);

б) судебный акт, вынесенный арбитражным судом первой инстанции в порядке приказного производства, именуется судебным приказом (ч. 2 ст. 15 АПК РФ);

в) судебные акты, принимаемые арбитражными судами апелляционной инстанции и судами кассационной инстанции, образованными в соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 года № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», по результатам рассмотрения апелляционных и кассационных жалоб, именуются постановлениями. Судебные акты, выносимые Верховным Судом Российской Федерации по результатам рассмо-

трения кассационных жалобы, представления в порядке, установленном статьями 291.1–291.15 настоящего Кодекса, именуются определениями (ч. 3 ст. 15 АПК РФ);

г) все иные судебные акты арбитражных судов, принимаемые в ходе осуществления судопроизводства, именуются определениями (абз. 2 ч. 3 ст. 15 АПК РФ);

4) «иной судебный акт» как предмет преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, в административном судопроизводстве – это:

а) апелляционное определение – форма судебного акта, принятого по результатам рассмотрения апелляционных жалобы, представления (ч. 1 ст. 311 КАС РФ);

б) постановление – судебный акт, принимаемый по результатам рассмотрения кассационных жалобы, представления с административным делом президиумом суда кассационной инстанции (ч. 1 ст. 330 КАС РФ);

в) определения – это судебный акт, принимаемый по результатам рассмотрения кассационных жалобы, представления с административным делом Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда Российской Федерации и Судебной коллегией по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации (ч. 1 ст. 330 КАС РФ);

5) «иной судебный акт» как предмет преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, в производстве по делам об административных правонарушениях – это:

а) постановление – судебный акт, принимаемый по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении (ч. 1 ст. 29.9 КоАП РФ, ст. 29.10 КоАП РФ). Данное постановление может быть: 1) о назначении административного наказания; 2) о прекращении производства по делу об административном правонарушении (ч. 1 ст. 29.9 КоАП РФ);

б) решение по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении (абз. 2 ч. 2 ст. 30.1 КоАП РФ; ст. 30.7 КоАП РФ);

в) решение по протестам на не вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении и последующие решения (ст. 30.10 КоАП РФ).

Ещё раз напомню, что в случае, если судебный акт не разрешает дело по существу, то он не является предметом преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, и, соответственно, вынесение такого акта исключает уголовную ответственность судьи по ст. 305 УК РФ.

Вот и пример тому. Как следует из постановления Президиума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2004 г. № 733п04пр, «вынося заключение об оставлении представления Генерального прокурора Российской Федерации без удовлетворения, судебная коллегия указала, что по смыслу диспозиции ч. 1 ст. 305 УК РФ необходимыми условиями для признания в действиях судьи наличия признаков данного состава преступления являются заведомость и неправосудность судебного акта, постановленного лишь с существенным нарушением как материального, так и процессуального законов, влияющим на разрешение дела по существу и препятствующим доступу граждан к правосудию за защитой своих личных, имущественных и других прав.

К такому акту определение, постановленное под председательством судьи И. 10 января 2003 года, отнести нельзя. Как видно из его содержания, основанием для приостановления производства по гражданскому делу по иску ОАО «Квант» и К. к Б. и Ч. о возмещении ущерба в сумме 1000000 рублей и взыскании компенсации морального вреда в сумме 1000 рублей послужило наличие в прокуратуре Зеленоградского административного округа г. Москвы неразрешенного уголовного дела в отношении должностных лиц ОАО «Квант». Информация о наличии уголовного дела в отношении К. и Ч. была известна Новгородскому районному суду, о чем свидетельствует запрос судьи И. от 10 января 2003 года (дело № 2-52, Архив Новгородского районного суда, 2003, *л. д.* 98).

Доводы прокурора о том, что уголовное дело в отношении должностных лиц ОАО «Квант» было возбуждено по иным преступлениям, не связанным с гражданским делом, находящимся в производстве Новгородского районного суда, не могут быть признаны убедительными, поскольку достоверно, по какому делу, каким судом оно рассматривается и в отношении каких лиц ОАО «Квант», на момент приостановления гражданского дела 10 января 2003 года Новгородскому районному суду известно не было. Между тем, как видно из копии протокола судебного заседания Перовского районного суда г. Москвы от 10 января 2003 года, К. являлся подсудимым по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 33, ч. 2 ст. 306, ч. 2 ст. 307 и ч. 1 ст. 325 УК РФ (материалы проверки Новгородской областной прокуратуры, № 18/8 пр., *л. д.* 30).

При таких обстоятельствах судья в соответствии со ст. 215 ГПК РФ обязан был приостановить производство по гражданскому делу до разреше-

ния другого дела, рассматриваемого в уголовном порядке. Отдельные же нарушения, допущенные при постановлении определения о приостановлении дела как промежуточного судебного акта, не могут быть признаны существенными, а действия судьи – общественно-опасными, содержащими признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 305 УК РФ».

Так, например, требования законности и обоснованности к решению в гражданском судопроизводстве достаточно подробно раскрыты в п. 2–3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 (ред. от 23.06.2015) «О судебном решении»: «2. Решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права (часть 1 статьи 1, часть 3 статьи 11 ГПК РФ).

Если имеются противоречия между нормами процессуального или материального права, подлежащими применению при рассмотрении и разрешении данного дела, то решение является законным в случае применения судом в соответствии с частью 2 статьи 120 Конституции Российской Федерации, частью 3 статьи 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» и частью 2 статьи 11 ГПК РФ нормы, имеющей наибольшую юридическую силу. При установлении противоречий между нормами права, подлежащими применению при рассмотрении и разрешении дела, судам также необходимо учитывать разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данные в постановлениях от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» и от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

3. Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (статьи 55, 59–61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов».

Требование же законности, обоснованности и справедливости раскрывается в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре»: «Обратить внимание судов на то, что в силу положений статьи 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым и признается таковым, если он соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона. С учетом положений статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года (далее – Пакт о гражданских и политических правах) и статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (далее – Конвенция о защите прав человека и основных свобод) приговор может быть признан законным только в том случае, если он постановлен по результатам справедливого судебного разбирательства».

На основе всего вышеизложенного следует сделать вывод, что неправосудный судебный акт применительно к ст. 305 УК РФ – это акт суда, разрешивший дело по существу в гражданском, административном или уголовном судопроизводстве либо судопроизводстве в арбитражном суде или при производстве по делам об административных правонарушениях, отменённый или изменённый судом апелляционной, кассационной либо надзорной инстанции либо судом посредством пересмотра постановлений и решений по делам об административных правонарушениях в случаях, предусмотренных соответствующим законодательством, как незаконный и (или) необоснованный, а приговор – ещё и (или) как несправедливый.

В литературе есть и иные точки зрения на неправосудность судебного акта применительно к ст. 305 УК РФ:

а) «неправосудность приговора, решения или иного судебного акта означает в юридическом смысле несоответствие судебного акта (в любой его части) фактическим обстоятельствам юридического конфликта, подлежащего судебному разрешению, и выраженное в неправильном применении судом норм материального и (или) процессуального права» [2, с. 12–13];

б) «неправосудные судебные акты должны характеризоваться существенными нарушениями материального и процессуального закона, противоречить фактическим обстоятельствам дела, искажать объективную истину и быть способны

причинить ущерб конституционным правам и свободам участников судопроизводства, государственным и общественным интересам и т. п.» [1].

В судебной практике также дают своё определение понятия «неправосудности судебного акта».

Так, в Постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2004 г. № 733п04пр указывается, что, «вынося заключение об оставлении представления Генерального прокурора Российской Федерации без удовлетворения, судебная коллегия указала, что по смыслу диспозиции ч. 1 ст. 305 УК РФ необходимыми условиями для признания в действиях судьи наличия признаков данного состава преступления являются заведомость и неправосудность судебного акта, постановленного лишь с существенным нарушением как материального, так и процессуального законов, влияющим на разрешение дела по существу и препятствующим доступу граждан к правосудию за защитой своих личных, имущественных и других прав».

Пристатейный библиографический список

1. Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Комментарий к ст. 305 УК РФ // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный). Т. 2. 2-е изд. / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015.
2. Карташов А.Ю. Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.
3. Кондрашова Т.В. Вынесение заведомо неправосудного судебного акта. Злоупотребление правами и обязанностями представителя правосудия. Преступления против правосудия // Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред.: д-р юрид. наук, проф. И.Я. Козаченко, д-р юрид. наук, проф. З.А. Незнамова, канд. юрид. наук, доц. Г.П. Новосёлов. М.: НОРМА, 2000.
4. Коробейников Б.В. Комментарий к статье 305 УК РФ // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2013.
5. Кудрявцев В.Л. Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта. Преступления, совершаемые лицами, осуществляющими правосудие, предварительное следствие или дознание, а также сторонами по гражданскому делу (ст. 299–303, 305 УК РФ) // Энциклопедия уголовного права. Т. 28. Преступления против правосудия / Издание проф. В. Малинина; МИЭП при МПА ЕрзАзЭС. СПб., 2017.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. 14-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1982.
7. Чучаев А.И. Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ). Преступления, посягающие на реализацию конституционных принципов правосудия. Понятие и виды преступлений против правосудия. Преступления против правосудия // Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. проф. А.И. Рарога. М.: Институт международного права и экономики: Триада, Лтд, 1996.
8. https://rospravosudie.com.
9. http://sudact.ru.

References (transliterated)

1. Brilliantov A.V., Kosevich N.R. Kommentarij k st. 305 UK RF // Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: v 2 t. (postatejnyj). T. 2. 2-e izd. / pod red. A.V. Brilliantova. M.: Prospekt, 2015.
2. Kartashov A.Ju. Ugolovnaja otvetstvennost' za vynesenie zavedomo nepravosudnyh prigovo-ra, reshenija ili inogo sudebnogo akta: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Stavropol', 2004.
3. Kondrashova T.V. Vynesenie zavedomo nepravosudnogo sudebnogo akta. Zloupotreblenie pra-vami i objazannostjami predstavitelja pravosudija. Prestuplenija protiv pravosudija // Ugolov-noe pravo. Osobennaja chast': uchebnik dlja vuzov / otv. red.: d-r jurid. nauk, prof. I.Ja. Kozachenko, d-r jurid. nauk, prof. Z.A. Neznamova, kand. jurid. nauk, doc. G.P. Novosjolov. M.: NORMA, 2000.
4. Korobejnikov B.V. Kommentarij k stat'e 305 UK RF // Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: nauchno-prakticheskij (postatejnyj). 2-e izd., pererab. i dop. / pod red. S.V. D'jakova, N.G. Kadnikova. M.: Jurisprudencija, 2013.
5. Kudrjavcev V.L. Vynesenie zavedomo nepravosudnyh prigovora, reshenija ili inogo sudebno-go akta. Prestuplenija, sovershaemye licami, osushhestvljajushhimi pravosudie, predvaritel'noe sledstvie ili doznanie, a takzhe storonami po grazhdanskomu delu (st. 299–303, 305 UK RF) // Jenciklopedija ugolovnogo prava. T. 28. Prestuplenija protiv pravosudija / Izdanie prof. V. Malinina; MIJeP pri MPA ErzAzJeS. SPb., 2017.
6. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka / pod red. d-ra filol. nauk, prof. N.Ju. Shvedovoj. 14-e izd., stereotip. M.: Rus. jaz., 1982.
7. Chuchaev A.I. Vynesenie zavedomo nepravosudnyh prigovora, reshenija ili inogo sudebnogo akta (st. 305 UK RF). Prestuplenija, posjagajushhie na realizaciju konstitucionnyh principov pravosudija. Ponjatie i vidy prestuplenij protiv pravosudija. Prestuplenija protiv pravosudija // Ugolovnoe pravo. Osobennaja chast': uchebnik / pod red. prof. A.I. Raroga. M.: Institut mezhdunarodnogo prava i jekonomiki: Triada, Ltd, 1996.
8. https://rospravosudie.com.
9. http://sudact.ru.

Джафарли В.Ф.

КРИТИЧЕСКИЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАТЬИ 159[6] УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ»

***Цель**: Произвести подробный анализ ст. 159[6] УК РФ, акцентируя внимание на специфичных способах совершения компьютерных хищений.*

***Методология**: Использовались формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, диалектические методы.*

***Результаты**: В статье произведен критический уголовно-правовой анализ статьи 159[6] УК РФ, предусматривающей ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации. Данная специальная норма в нынешнем виде не соответствует «материнскому» составу мошенничества, предусмотренному статьей 159 УК РФ, по специфическому способу посягательства «обман» и / или «злоупотребление доверием». Изложена точка зрения авторитетных отечественных ученых о необходимости разрешения правового пробела, связанного с квалификацией хищений в киберпространстве.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Статья обладает научной ценностью, так как предлагает усовершенствовать уголовно-правовое законодательство путем замены статьи 159[6] УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» статьей 158[2] УК РФ «Хищение в сфере информационных технологий».*

***Ключевые слова**: компьютерное мошенничество, критический анализ, информационные технологии, совершенствование уголовного законодательства.*

Dzhafarli V.F.

CRITICAL CRIMINAL-LAW ANALYSIS OF ART. 159[6] OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION «FRAUD IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION»

***Purpose**: To make a detailed analysis of Art. 159[6] of the Crim. Code of the Russian Federation, focusing on specific methods of committing computer theft.*

***Methodology**: Technical legal, comparative legal, historic legal, dialectical methods were used.*

***Results**: The article provides a critical criminal analysis of Art. 159[6] of the Crim. Code of the Russian Federation, which contemplates liability for fraud in the field of computer information. This special rule in its present form does not correspond to the «parent» composition of fraud provided for in Art.159 of the Crim. Code of the Russian Federation, for a specific method of infringing «deceit» and/or «abuse of trust». The point of view of authoritative domestic scientists about the need to resolve the legal gap associated with the qualification of theft in cyberspace is stated.*

***Novelty/originality/value**: The article has scientific value, as it suggests improving the criminal law by replacing Art. 159[6] of the Crim. Code of the Russian Federation «Fraud in the field of computer information» with Art. 158[2] of the Crim. Code of the Russian Federation «Theft in the field of information technologies».*

***Keywords**: computer fraud, critical analysis, information technology, improvement of legislation.*

Сфера уголовно-правовой охраны от преступных посягательств, направленных на завладение чужой безналичной собственностью, ныне действующим Уголовным кодексом урегулирована не в полной мере, что вызывает справедливые нарекания со стороны ученых-теоретиков, а также порождает трудности в вопросах четкой, однозначной квалификации данных деяний в повседневной правоприменительной деятельности.

Введение Федеральным законом № 207-ФЗ от 29 ноября 2012 г. в текст Уголовного кодекса РФ специальной нормы – статьи 159[6] УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» – вроде бы явилось несомненным шагом вперед. Наконец-то свершилось то, о необходимости чего говорили многие ученые и практические работники правоохранительных органов. И, казалось бы, теперь для квалификации хищений с использованием компьютерных технологий не придется, как ранее, пытаться свести вместе статьи 159, 187 и 272 УК РФ. Однако, к сожалению, статья 159[6] УК имеет целый ряд существенных концептуальных недостатков, на которых следует особо заострить внимание.

Прежде всего, следует отметить, что в специальном составе, предусмотренном статьей 159[6] УК РФ, выявляется явное несоответствие «материнскому» составу – статье 159.

В качестве способов совершения мошенничества выделяются совершение хищения путем обмана (или злоупотребления доверием), а также противоправное приобретение права на чужое имущество путем обмана (или злоупотребления доверием).

В диспозиции статьи 159[6] УК РФ присущие мошенничеству способы «обман» и «злоупотребление доверием» вообще отсутствуют, что вызывает следующие, на наш взгляд, резонные вопросы:

1. Если это мошенничество, то на кого непосредственно направлен обман, или чьим доверием злоупотребляет злоумышленник, в непосредственный контакт с жертвой не вступающий и, более того, зачастую не знающий про личность жертвы ничего, кроме минимального алгоритмического набора?

2. Каким образом происходит хищение чужого имущества при отсутствии связи «преступник–потерпевший», тогда как необходимым условием мошенничества является добровольная передача последним, введенным в заблуждение путем обмана или злоупотребления доверием, своего имущества или права на свое имущество?

3. Каким образом происходит хищение чужого имущества при отсутствии связи «преступник–уполномоченный работник кредитной, торговой или иной организации», тогда как в этом случае необходимым условием мошенничества является обман данного работника или злоупотребление его доверием? Помимо самой формулировки статьи 159[6] УК РФ определенные вопросы в плане разночтения и смысловой нагрузки возникают при ознакомлении с пояснительной запиской, сопровождавшей проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации», после принятия которого квалифицированные виды мошенничеств и были введены в состав УК РФ.

Так, согласно указанной пояснительной записке «…в статье 159 УК РФ в редакции проекта предлагается сохранить общий состав мошенничества – хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием…

…Предлагается также выделить в самостоятельный состав преступления мошенничество в сфере компьютерной информации (статья 159[6] УК РФ законопроекта), когда хищение или приобретение права на чужое имущество сопряжено с преодолением компьютерной защиты имущества (имущественных прав) и осуществляется путем ввода, удаления, модификации или блокирования компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей…

…Подобные преступления совершаются не путем обмана или злоупотребления доверием конкретного субъекта, а путем получения доступа к компьютерной системе и совершения вышеуказанных действий, которые в результате приводят к хищению чужого имущества или приобретению права на чужое имущество (определение термина «компьютерная информация» дано в примечании 1 к статье 272 УК РФ как сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средства их хранения, обработки и передачи)…» (Постановление № 6 от 5 апреля 2012 г. Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» [5].

Анализ текстов пояснительной записки, а также статей 159 и 159[6] УК РФ порождает ряд вопросов, касающихся:

1. Конкуренции общей и специальной уголовно-правовых норм.

Так, если, по мнению законодателя, в статье 159 УК РФ сохранить общий состав мошенничества – хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество посредством обмана или злоупотребления доверием, то в статье 159[6] УК РФ, образующей, соответственно, специальный состав мошенничества, опять же по мнению законодателя, присущие «классическому» мошенничеству способы «обман» или «злоупотребление доверием» необязательны.

При этом конкуренция норм, как известно, являет собой прием законодательной техники, уровень абстрагирования и конкретизации признаков составов преступлений. Одним из ее видов является конкуренция общей и специальной норм [2].

Таким образом, принимая во внимание, что состав преступления, предусмотренного ст. 159[6] УК РФ, является специальным относительно общей нормы о мошенничестве (ст. 159 УК РФ), по указанным в ч. 3 ст. 17 УК правилам квалификации в случае, если преступление предусмотрено как общей, так и специальной нормами, следует вывод об отсутствии совокупности преступлений, в результате чего ответственность наступает по специальной норме – ст. 159[6] УК РФ.

2. Различия в трактовке мошеннических действий.

Так, в пояснительной записке указано, что хищение или приобретение права на чужое иму-

щество сопряжено с преодолением компьютерной защиты имущества (имущественных прав) и осуществляется путем ввода, удаления, модификации или блокирования компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей [3]. Под этим, по всей вероятности, подразумевается своеобразный вариант специфичного для мошенничества способа хищения, тем более, далее указано, что подобные преступления совершаются не путем обмана или злоупотребления доверием конкретного субъекта, а путем получения доступа к компьютерной системе и совершения вышеуказанных действий [3].

Следует отметить, что в тексте ст. 159^6 УК РФ указанный в пояснительной записке способ хищения дан в усеченной форме без формулировки «с преодолением компьютерной защиты имущества (имущественных прав)».

Справедливой представляется позиция Р.Б. Иванченко и А.Н. Малышева, которые при анализе формулировки вышеуказанной пояснительной записки приходят к следующим выводам:

«– во-первых, происходит размытие понятия «мошенничество» при формулировании диспозиции ст. 159^6 УК РФ. Ведь общепринято, что «мошенничество» – это хищение путем обмана или злоупотребления доверием;

– во-вторых, рассуждая о совершении преступления путем «получения доступа к компьютерной системе», авторы пояснительной записки противоречат сами себе, поскольку такой доступ можно получить и без преодоления компьютерной защиты имущества, о котором как о способе совершения данного преступления говорится в предыдущем абзаце пояснительной записки.

В результате обоснованность криминализации данного деяния в самостоятельной норме УК выглядит довольно сомнительно» [3].

По мнению М.В. Степанова, «…поскольку в диспозиции статьи 159^6 УК РФ заимствуется термин «мошенничество», выступающий в качестве видового для всех специальных составов, предусмотренных статьями 159^1–159^6 УК РФ, это дает полное основание для вывода о необходимости установления факта обмана или злоупотребления доверием и при совершении рассматриваемого преступления, поскольку оно, как и все предшествующие, закрепляет специальный состав, основывающийся на «материнском» составе мошенничества, а следовательно, должно соответствовать ему по общим признакам ...о каком обмане можно вести речь, если отсутствует лицо, которому сообщаются ложные или несоответствующие действительности сведения. Может быть, российский законодатель, а вслед за ним и правоприменитель допускают возможность обмана оборудования…» [4].

Необходимость критического разбора статьи 159^6 УК в данном случае вынуждена, но крайне необходима, так как существующая формулировка вызывает вопросы, изложенные выше, и, по существу, принятие данного нормативного акта проблемы квалификации хищений в киберпространстве не устранило.

В связи с вышеизложенным автор полагает целесообразным в рамках настоящего исследования вынести на обсуждение научного сообщества и практических сотрудников правоохранительных органов проект статьи 158^2 УК РФ «Хищение в сфере информационных технологий», изложив ее в следующей редакции:

1. Хищение чужого имущества в сфере информационных технологий (интернет-коммуникаций, электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ) посредством ввода, удаления, блокирования, модификации электронной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи электронной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, –

наказывается…

2. То же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину, –

наказывается…

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере, –

наказываются…

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные организованной группой либо в особо крупном размере, –

наказываются…».

Предлагаемый проект нормы 158^2 УК РФ «Хищение в сфере информационных технологий» значительно отличается от рекомендуемой к замене статьи 159^6 УК «Мошенничество в сфере компьютерной информации» как концептуально, так и содержательно, в связи с чем автор полагал бы необходимым остановиться на следующих моментах, обосновывающих предложение о внесении изменений в уголовно-правовое законодательство.

Прежде всего, почему «хищение» вместо «мошенничества»? Конечно, возникает соблазн отразить в УК РФ, в зависимости от наличия или отсутствия непосредственного контакта между злоумышленником и жертвой, по отдельности оба вида хищения, различающихся по способам совершения преступного посягательства, – кражу (тайным путем, имеющим место при несанкционированном воздействии на информацию либо при вмешательстве в деятельность средств хранения, обработки или передачи информации в информационно-телекоммуникационных сетях) или мошенничество (путем обмана и злоупотребления доверием пользователя, введенного в заблуждение, вследствие чего последний добровольно сообщает не подлежащую огласке конфиденциальную информацию).

Полагаем, что наличие в составе УК РФ обоих рассмотренных видов преступных посягательств является чрезмерным и необоснованным, а кроме того, ни кража, ни мошенничество не могут по отдельности охватить объективную сторону высокотехнологичных посягательств на чужую собственность. В связи с этим понятие «хищение», включающее в себя различные способы завладения чужим имуществом, в данном контексте является наиболее уместным.

Кроме того, представляется более правильным в качестве объекта преступных посягательств обозначить все же сферу информационных технологий, а не компьютерной информации. Необходимость подобной трансформации вызвана, во-первых, тем, что компьютерная информация является производным от информационных технологий компонентом, а во-вторых, утилитарно-ограниченной ролью лишенного доступа к внешнему миру компьютера, как устройства лишь для выполнения заданного программным обеспечением алгоритма определенных операций и хранения внесенных в его память данных и только после подключения к телекоммуникационным сетям становящегося частью глобальной системы оборота данных, а значит в целом выступающего в качестве средства электронно-технического обеспечения информационно-технологических процессов.

Автор занимается вопросами уголовно-правовой охраны от высокотехнологичных посягательств на протяжении 17 лет, в 2003 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по проблематике уголовной ответственности за совершение хищений в банковской сфере, связанной с использованием электронных платежных средств.

Апробация результатов исследования нашла свое отражение в том, что сформулированные в диссертации положения с 2003 г. используются в учебном процессе Московского университета МВД России по курсу уголовного права, а также внедрены в практическую деятельность УБЭП ГУВД г. Москвы (ныне – УЭБ и ПК ГУ МВД России по г. Москве) [1].

Внесение изменений в российское уголовное законодательство продиктовано необходимостью более широкого и эффективного регламентирования охраны собственности от преступных посягательств, совершаемых в сфере информационных технологий (интернет-коммуникаций, электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ) с целью неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств.

Пристатейный библиографический список

1. Джафарли В.Ф. Уголовная ответственность за совершение хищений в банковской сфере, связанная с использованием электронных платежных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 10.
2. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособ. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2010. С. 49.
3. Иванченко Р.Б., Малышев А.Н. Проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1. С. 196.
4. Степанов М.В. Критический анализ нормы о мошенничестве в сфере компьютерной информации (ст. 159[6] УК РФ) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1. С. 174.
5. http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/902340340.

References (transliterated)

1. Dzhafarli V.F. Ugolovnaja otvetstvennost' za sovershenie hishhenij v bankovskoj sfere, svjazannaja s ispol'zovaniem jelektronnyh platezhnyh sredstv: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2003. S. 10.
2. Ugolovnoe pravo. Obshhaja chast': ucheb. posob. Voronezh: Voronezhskij institut MVD Rossii, 2010. S. 49.
3. Ivanchenko R.B., Malyshev A.N. Problemy kvalifikacii moshennichestva v sfere komp'juternoj informacii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2014. № 1. S. 196.
4. Stepanov M.V. Kriticheskij analiz normy o moshennichestve v sfere komp'juternoj informacii (st. 159[6] UK RF) // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2016. № 1. S. 174.
5. http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/902340340.

Ванюшева Я.В.

КОРРУПЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ

***Цель**: Исследование факторов, которые способствуют торговле людьми в современном мире.*

***Методология**: Использовались индуктивный и формально-юридический методы.*

***Результаты**: В статье выделены основные коррупционные факторы, способствующие торговле людьми: стремление скрыть незаконный источник прибыли; незаконное изготовление документов коррумпированными должностными лицами; экономика, зависящая от труда мигрантов; прибыль от участия должностных лиц государства в организации торговли людьми. Установлено, что коррупция порождена стремлением к эксплуатации труда жертв торговли людьми. Наиболее опасным коррупционным фактором признано участие должностных лиц государства в торговле людьми.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток рассмотреть коррупцию как фактор, сопутствующий торговле людьми.*

***Ключевые слова**: торговля людьми, коррупция, должностные лица.*

Vanyusheva Y.V.

CORRUPTION FACTORS CONTRIBUTING TO HUMAN TRAFFICKING

***Purpose**: To study the factors that contribute to human trafficking in the modern world.*

***Methodology**: Inductive and formally legal methods were used.*

***Results**: The article identifies the main corruption factors that contribute to human trafficking: the desire to hide the illegal source of profit; illegal production of documents by corrupt officials; an economy that depends on the labor of migrants; profit from participation of state officials in the organization of trafficking in persons. It is established that corruption is generated by the desire to exploit the labor of victims of human trafficking. The most dangerous corruption factor is the participation of state officials in trafficking in human beings*

***Novelty/originality/value**: The paper has a high scientific value, since it is one of the first attempts to consider corruption as a factor related trafficking.*

***Keywords**: human trafficking, corruption, officials.*

Торговля людьми в современном мире – это не только преступление, но и комплексное социально-экономическое явление. Одним из факторов, способствующих торговле людьми, является коррупция.

Главный фактор, порождающий торговлю людьми, – стремление к получению прибыли за счет эксплуатации купленных людей в разных целях. Люди используются в качестве рабов, исполнителей секс-услуг, доноров человеческих органов, в последние годы – также боевиков в Сирии и Ираке. Еще одной формой эксплуатации является попрошайничество, когда люди выпрашивают деньги на улицах, а потом передают «заработанное» своим кураторам и получают процент. Специалисты отмечают новый вид эксплуатации – торговлю людьми с целью использования их для перевозки наркотических веществ [8].

Торговля людьми запрещена как преступление в большинстве государств, однако наличие коррупции способствует тому, что люди, участвующие в данном преступлении, избегают уголовной ответственности. Путем взяток работодатели добиваются того, чтобы их деяния, связанные с нелегальной покупкой работников, фактически становящихся рабами, не были зафиксированы и не повлекли их привлечения к юридической ответственности. Коррупция способствует также эксплуатации рабочей силы лиц, ставших жертвами торговли людьми, что образует другой состав преступления – использование рабского труда. Должностные лица подкупаются с целью сокрытия рабочей силы от контролирующих государственных органов ввиду того, что у работодателей есть интерес в дешевом труде, экономии на уплате налогов, создании неучтенной продукции.

Другой разновидностью коррупционных преступлений, связанных с торговлей людьми, является система подкупа иностранными бизнесменами чиновников в целях получения определенных льгот, увеличения квот и т. п. [5].

К факторам, порождающим коррупцию при торговле людьми, относится потребность торговцев «живым товаром» в оформлении документов для перемещения продаваемых лиц через границы либо в незаконном пересечении границы без необходимых для этого документов (заграничного паспорта, визы). В том и в другом случае требуется участие подкупленных должностных лиц государства, работающих в дипломатических и

пограничных органах. Последние должны подлежать уголовной ответственности по ст. 322.1 УК РФ, согласно которой состав преступления образует организация незаконной миграции, то есть организация незаконного въезда в Россию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконного пребывания в России или незаконного транзитного проезда через территорию России. При этом незаконными признаются въезд или выезд, совершенные в нарушение требований, установленных ФЗ от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Экономическим коррупциогенным фактором, сопутствующим торговле людьми, следует признать «мигрантозависимую» экономику, которая основана на бесправном труде приезжих рабочих. В связи с этим отмечается такого рода преступление, как прямой сговор работодателей или других лиц с правоохранительными органами, при котором в некоторых случаях дело доходило даже до возврата жертв, обратившихся в полицию, прошлым «хозяевам» [7]. В методическом пособии по вопросам борьбы с торговлей людьми, издаваемом Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, говорится, что жертвы торговли людьми сталкиваются с огромными препятствиями, включая бездействие правительства и попустительство должностных лиц в отношении торговли людьми либо их участие в этой торговле. Примером может быть случай, когда пограничник берет взятки за то, что не обращает внимания на нелегальных иммигрантов, тем самым давая им возможность пересечь государственную границу [6].

В наибольшей степени коррупция влияет на положение лиц, ставших жертвами торговли людьми, с целью скрыть эксплуатацию уже после того, как эта эксплуатация началась. Такие люди могут годами находиться в положении рабов, а коррумпированные чиновники не будут вызволять их из рабства.

Коррупция в сфере торговли людьми в одном государстве способна повлиять на привлечение виновных в этом преступлении лиц к уголовной ответственности в другом государстве. Она может породить и такое явление, что вернувшиеся на родину боятся полицейских и других должностных лиц, особенно если сталкивались, будучи жертвами торговли, с коррупцией или насилием с их стороны. Они могут также опасаться, что с ними не будут хорошо обращаться, потому что они выехали из своего государства или района нелегально. В результате данные лица из-за страха не соглашаются быть свидетелями в уголовных делах по торговле людьми.

Адвокаты жертв торговли людьми вносят свою лепту в борьбу с этим злом. В Кыргызстане сообщалось, что адвокаты критикуют правоохранительные органы своего государства за недостаток упреждающих расследований. Они указывают на то, что милиция не проводила расследований, если жертвы не обращались с конкретными, имеющими хорошую доказательную базу заявлениями. В стране принимаются меры по противодействию торговле людьми. Например, в начале 2017 г. было проведено трехдневное обучение для 24 судей и 23 прокуроров. Однако коррупция по-прежнему остается системной проблемой в Кыргызской Республике. НПО и международные организации сообщали о случаях получения взяток сотрудниками правоохранительных органов за закрытие дел, а иногда и за предупреждение подозреваемых о рейдах. Сообщается, что торговцы людьми также смогли избежать наказания, предложив жертвам вознаграждение за отзыв заявлений [9].

Еще одним коррупционным фактором, сопутствующим торговле людьми, стало участие должностных лиц в незаконном усыновлении (удочерении), которое само по себе является отдельным преступлением, наказуемым по ст. 154 УК РФ. Вместе с тем действует такой международно-правовой акт, как Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, принятый резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года. Протокол о торговле людьми также охватывает торговлю в целях незаконного усыновления в случаях, «когда незаконное усыновление представляет собой практику, аналогичную рабству» [3]. Данное преступление порождено имеющимся в развитых странах спросом на усыновление детей из бедных развивающихся стран.

Процедура межгосударственного усыновления детей приобретает коррупционные формы, сопровождается служебными злоупотреблениями со стороны должностных лиц, которые по роду своих профессиональных или служебных обязанностей могут и должны участвовать в официальной процедуре усыновления (удочерения): руководители воспитательных, лечебных учреждений, организаций социальной защиты населения и других аналогичных учреждений, в которых находятся дети, оставшиеся без попечения родителей; должностные лица органов опе-

ки и попечительства; должностные лица органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации; судьи, вынесшие решение об усыновлении (удочерении); государственные служащие, осуществляющие регистрацию усыновления (удочерения); работники детских домов и интернатов, медицинских учреждений, органов образования, аппарата администрации региона, работники муниципальных органов образования, которые готовят необходимые официальные документы для усыновления, иные физические лица (например, осуществляющие действия по усыновлению (удочерению) по поддельным документам) [1, 4].

Наиболее опасный для общества коррупционный фактор, способствующий торговле людьми, – участие должностных лиц государства, в том числе самых высокопоставленных, в организации торговли людьми с целью извлечения прибыли. В этом случае «государство может фактически оказаться в роли сообщника в ситуациях, когда структуры или официальные лица способствуют торговле людьми, попустительствуют или создают препятствия для совершенствования или принятия законодательства, а также ареста и судебного преследования торговцев. По мнению некоторых экспертов, существуют страны, в которых члены семей глав государства вовлечены в торговлю людьми в целях получения прибыли» [2]. В августе 2017 г. сообщалось, что в Молдове офицеры Национального центра по борьбе с коррупцией и прокуроры провели обыски в правительстве, Министерстве юстиции и Министерстве просвещения в рамках расследований по делу о коррупции и торговле людьми, в котором также фигурируют нотариусы и представители нескольких бюро переводов. Их подозревают в незаконной выдаче документов иностранцам и гражданам Молдовы. В то же время проблемой той же Молдовы является то, что уголовные дела в отношении официальных лиц, содействовавших данным преступлениям, очень редко заканчивались приговорами, вероятнее всего по причине коррупции и слабого развития сектора правосудия [10].

Таким образом, основные коррупционные факторы, способствующие торговле людьми, – это стремление скрыть незаконный источник прибыли; незаконное изготовление документов коррумпированными должностными лицами; экономика, зависящая от труда мигрантов; прибыль от участия должностных лиц государства в организации торговли людьми, которое является самым опасным коррупционным фактором в торговле людьми.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамова С.Р. Методика расследования торговли несовершеннолетними, подмены ребенка и незаконного усыновления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
2. Анализ торговли людьми как бизнес-модели: путь к более эффективному предотвращению преступления. Вена: Бюро Специального представителя и координатора ОБСЕ по борьбе с торговлей людьми, 2011.
3. Борьба с торговлей людьми. Руководство для парламентариев. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2009.
4. Глушков А.И. Проблемы доказывания должностных преступлений по делам о незаконном усыновлении (удочерении) // Наука и школа. 2015. № 6. С. 18–21.
5. Козлов А.Е. Коррупция и торговля людьми // Взаимодействие органов государственной власти при расследовании преступлений коррупционной направленности: проблемы и пути их решения: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося российского учёного Николая Сергеевича Алексеева (Москва, 23 октября 2014 года). М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014.
6. Набор пособий по вопросам борьбы с торговлей людьми. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2006.
7. Рязанцев С. Россия в глобальной экономике. Трудовая эксплуатация в «мигрантозависимой» экономике // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 1. С. 6–22.
8. Как не стать жертвой торговли людьми? [Электронный ресурс]. URL: https:// https://kompromat1.info/articles/56850-kak_ne_statj_zhertvoj_torgovli_ljudjmi.
9. Отчет по торговле людьми за 2017 год. Кыргызская Республика: категория 2 [Электронный ресурс]. URL: https://kg.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/190/2017/07/KYRGYZ-REPUBLIC-2017-TIP-REPORT_rus.pdf.
10. Обыски в правительстве прошли в рамках расследований по делу о коррупции и торговле людьми [Электронный ресурс]. URL: http://baltionline.md/obyski-v-pravitelstve-proshli-v-ramkah-rassledovanij-po-delu-o-korruptsii-i-torgovle-lyudmi.

References (transliterated)

1. Abramova S.R. Metodika rassledovanija torgovli nesovershennoletnimi, podmeny rebenka i nezakonnogo usynovlenija: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2009.
2. Analiz torgovli ljud'mi kak biznes-modeli: put' k bolee jeffektivnomu predotvrashheniju prestuplenija. Vena: Bjuro Special'nogo predstavitelja i koordinatora OBSE po bor'be s torgovlej ljud'mi, 2011.
3. Bor'ba s torgovlej ljud'mi. Rukovodstvo dlja parlamentariev. N'ju-Jork: Organizacija Ob#edinennyh Nacij, 2009.
4. Glushkov A.I. Problemy dokazyvanija dolzhnostnyh prestuplenij po delam o nezakonnom usynovlenii (udocherenii) // Nauka i shkola. 2015. № 6. S. 18–21.
5. Kozlov A.E. Korrupcija i torgovlja ljud'mi // Vzaimodejstvie organov gosudarstvennoj vlasti pri rassledovanii prestuplenij korrupcionnoj napravlennosti: problemy i puti ih reshenija: materialy Mezhdunarodnoj nauch-

no-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 100-letiju so dnja rozhdenija vydajushhegosja rossijskogo uchjonogo Nikolaja Sergeevicha Alekseeva (Moskva, 23 oktjabrja 2014 goda). M.: Akademija Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii, 2014.

6. Nabor posobij po voprosam bor'by s torgovlej ljud'mi. N'ju-Jork: Organizacija Ob#edinennyh Nacij, 2006.

7. Rjazancev S. Rossija v global'noj jekonomike. Trudovaja jekspluatacija v «migrantozavisimoj» jekonomike // Mezhdunarodnye processy. 2015. T. 13. № 1. S. 6–22.

8. Kak ne stat' zhertvoj torgovli ljud'mi? [Jelektronnyj resurs]. URL: https:// https://kompromat1.info/articles/56850-kak_ne_statj_zhertvoj_torgovli_ljudjmi.

9. Otchet po torgovle ljud'mi za 2017 god. Kyrgyzskaja Respublika: kategorija 2 [Jelektronnyj resurs]. URL: https://kg.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/190/2017/07/KYRGYZ-REPUBLIC-2017-TIP-REPORT_rus.pdf.

10. Obyski v pravitel'stve proshli v ramkah rassledovanij po delu o korrupcii i torgovle ljud'mi [Jelektronnyj resurs]. URL: http://baltionline.md/obyski-v-pravitelstve-proshli-v-ramkah-rassledovanij-po-delu-o-korruptsii-i-torgovle-lyudmi.

«Новая адвокатская газета» – корпоративное издание нового типа, появление которого обусловлено коренными переменами, произошедшими в адвокатском сообществе России после принятия Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Являясь органом Федеральной палаты адвокатов РФ, издание не преследует цель выступать в роли указующего или направляющего перста, представляя интересы той или иной части корпорации или группы лиц, а позиционирует себя как выразитель интересов всей российской адвокатуры. Принципиальное значение при этом имеет закрепленная Законом организация адвокатского сообщества, основанная на обязательном членстве каждого адвоката в адвокатской палате субъекта федерации, являющейся в свою очередь членом ФПА РФ. Рассматривая в качестве высших ценностей адвокатского сообщества заложенные в Законе принципы независимости, самоуправления, корпоративности и равноправия адвокатов, газета оценивает события государственной и общественной жизни и действия тех или иных лиц с точки зрения соответствия данным принципам. Выступая органом корпорации юристов-профессионалов, газета рассматривает профессионализм как главное качество адвоката и уделяет первостепенное внимание проблемам учебы и практического опыта коллег в различных отраслях права.

Основными направлениями издания являются:

– оперативное информирование о деятельности и решениях ФПА;

– освещение взаимоотношений адвокатуры с государственными и общественными институтами;

– освещение корпоративной жизни адвокатских палат;

– рассказ о созданных адвокатами прецедентах в национальной и международной судебной практике, публикация наиболее интересных решений судов;

– ответы на вопросы, волнующие адвокатов и адвокатские образования;

– взаимодействие с информационными изданиями адвокатских палат;

– поддержка общественно значимых инициатив адвокатов и адвокатских образований;

– информирование о наиболее важных событиях из жизни иностранной адвокатуры, о сотрудничестве российских и зарубежных адвокатских образований и адвокатов.

Адрес редакции: 119002, г. Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43
Тел.: (495) 787-28-35 Тел./факс: (495) 787-28-36
E-mail: advgazeta@mail.ru, press@advpalata.com

Добряков Д.А.

К ВОПРОСУ О НЕПРИМЕНИМЫХ ВИДАХ НАКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Цель**: Анализ положения неприменимых видов уголовных наказаний в системе наказаний, их значения для уголовного законодательства и практики его применения, а также формулирование предложений по решению связанной с ними проблемы.*

***Методология**: В статье использованы метод анализа, историко-правовой и формально-юридический методы.*

***Результаты**: В статье рассмотрены такие неприменимые виды наказаний, как арест и смертная казнь, проанализировано их значение и неоднозначное влияние на систему наказаний и уголовное законодательство в целом, на основании чего внесены предложения по совершенствованию УК РФ.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Статья имеет определённую научную ценность, поскольку в ней анализируется проблема неприменимых видов наказаний, и содержатся предложения по её решению.*

***Ключевые слова**: наказание, система наказаний, неприменимое («мёртвое») наказание, арест, смертная казнь, уголовное законодательство, уголовное право.*

Dobryakov D.A.

TO THE ISSUE OF DORMANT TYPES OF PUNISHMENTS IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

***Purpose**: Analysis of the condition of dormant types of criminal penalties in the system of punishments, their significance for criminal legislation and practice of its application, and the formulation of suggestions for solving the related problem.*

***Methodology**: Method of analysis, historical-legal and formal-legal methods were used in the article.*

***Results**: The article examines such dormant types of punishments as arrest and capital punishment and analyses their significance and ambiguous effect on the system of punishments and criminal legislation in general, on account of which suggestions were made to improve the Criminal Code of the Russian Federation.*

***Novelty/originality/value**: The article has a certain scientific value, as it analyses the issue of dormant types of punishments and contains suggestions for its solution.*

***Keywords**: punishment, system of punishments, dormant («dead») punishment, arrest, capital punishment, criminal legislation, criminal law.*

При формальном рассмотрении закреплённая в ст. 44 УК РФ система наказаний может быть небезосновательно сочтена достаточной для дифференциации уголовной ответственности в соответствии с уголовно-правовым принципом справедливости. Действительно, система наказаний включает в себя 13 видов наказаний, в разной степени ограничивающих различные права и свободы подвергающихся им лиц, что даёт возможность в каждом частном случае применить к лицу подходящую и соответствующую тяжести совершённого преступления меру наказания из числа предусмотренных санкцией конкретной статьи Особенной части УК РФ.

Но для того чтобы поверхностное формальное впечатление соответствовало реальному положению вещей, необходимо не только обеспечить надлежащий порядок назначения и исполнения наказаний, с чем традиционно и даже неизбежно возникают трудности, но и сделать так, чтобы все наказания, составляющие систему наказаний, могли быть применены при возникновении такой потребности.

В настоящее время в Российской Федерации в отношении виновных в совершении преступлений лиц могут быть полноценно, т. е. во всех предусмотренных УК РФ случаях, применены 11 видов наказаний из 13 предлагаемых законом. Неприменяемыми, а точнее неприменимыми (здесь следует чётко различать «неприменяемость», т. е. игнорирование практикой в связи с отсутствием необходимости применения либо по иным причинам, и «неприменимость», т. е. невозможность применения даже при наличии такой необходимости), являются такие наказания, как арест и смертная казнь.

УК РФ вводился в действие поэтапно, что было установлено в ст. 4 Федерального закона от 13.06.1996 № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации». Изначально законодателем было отложено введение в действие положений УК РФ, касающихся на-

казаний в виде обязательных работ и ареста, на срок, ограниченный 2001 годом [1]. Позже к названным наказаниям было добавлено ограничение свободы (Федеральный закон от 27.12.1996 № 161-ФЗ), а ещё позже был изменён срок введения соответствующих положений УК РФ в действие, установленный для каждого из наказаний в отдельности (Федеральный закон от 10.01.2002 № 4-ФЗ). Ныне действующая редакция Федерального закона от 13.06.1996 № 64-ФЗ (от 13.07.2015) устанавливает следующие сроки: обязательные работы должны были быть введены в действие не позднее 2004 года, ограничение свободы – не позднее 2005 года, а арест – не позднее 2006 года. К настоящему времени в действие введены положения УК РФ о наказаниях в виде обязательных работ и ограничения свободы, притом если с обязательными работами срок был соблюдён (Федеральный закон от 28.12.2004 № 177-ФЗ), то с ограничением свободы просрочка составила пять лет (Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ). В свою очередь, положения о наказании в виде ареста не введены в действие до сих пор.

Сама по себе практика поэтапного введения в действие нормативных правовых актов считается нормальной [2] и может быть объяснена необходимостью создать требуемые условия для возможности применения и инфраструктуру или какой-либо другой причиной. Но вопросы неизбежно возникают при нарушении установленных в специальных законах сроков введения этих актов (или их частей) в действие, ведь если требуемые условия вовремя не созданы, следует либо перенести срок, либо решить проблему иным способом, например вовсе отказавшись от введения соответствующего акта (или его части) в действие.

Тем не менее, арест не вводится в действие уже более 20 лет (из них более 10 лет – вопреки ст. 4 Федерального закона от 13.06.1996 № 64-ФЗ). Однако, как ни парадоксально, отсутствие федерального закона, который бы ввёл в действие положения УК РФ о наказании в виде ареста, не мешает судам назначать данный вид наказания, пусть и очень редко. Так, в 2016 году арест был назначен дважды [3], столько же раз арест был назначен и в 2013 году [4]. Хотя арест не может быть отбыт всеми осуждёнными и, следовательно, назначен во всех предусмотренных УК РФ случаях из-за отсутствия необходимых для этого арестных домов, он может быть применён в отношении отдельной категории осуждённых, которую составляют военнослужащие, отбывающие арест на гауптвахте (ч. 3 ст. 54 УК РФ) [5]. Сложившаяся ситуация с частичным применением ареста, а также характер правоограничений, составляющих содержание данного вида наказания, позволяют говорить о наличествующем de facto разделении ареста на два условно самостоятельных наказания, а именно: гражданский арест, т. е. применяемый к гражданским лицам, и военный арест, применяемый к военнослужащим [6]. Впрочем, несмотря на это, de jure арест остаётся неприменимым, «мёртвым» видом наказания.

Всё это не может не вызывать сожаление, поскольку арест часто рассматривается как перспективное наказание, служащее альтернативой длительному лишению свободы [7]. Но ещё большее сожаление вызывает то воздействие, которое положение наказания в виде ареста оказывает на уголовное законодательство и возможности его практического применения.

Арест предусмотрен в качестве вида наказания в санкциях 32 частей 113 статей Особенной части УК РФ, притом это число со временем увеличивается – в очередной раз законодатель добавил в УК РФ содержащую в санкции наказание в виде ареста статью в 2016 году (ст. 116.1 УК РФ; Федеральный закон от 03.07.2015 № 323-ФЗ). До появления в УК РФ в 2011 году наказания в виде принудительных работ неприменимость ареста приводила к такой ситуации, когда возможность дифференциации уголовной ответственности при вынесении приговора была существенно ограничена, и наказание в виде лишения свободы на определённый срок не имело достаточно «строгой» альтернативы. Пока не были введены в действие изначально предусмотренные в законе, но длительное время остававшиеся «мёртвыми» положения об обязательных работах и ограничении свободы, суд и вовсе в большинстве случаев был вынужден выбирать основное наказание из предусмотренных санкциями статей штрафа, исправительных работ и лишения свободы. Появление в системе наказаний принудительных работ несколько расширило возможности суда в выборе видов наказаний, хотя данное наказание само чуть не повторило судьбу ареста, начав применяться лишь в 2017 году, т. е. более чем через пять лет с момента включения в систему наказаний (Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ) [8], а его регламентация в УК РФ остаётся далеко не бесспорной (в частности, неоднозначно соотношение положений ст. 53.1 УК РФ с санкциями ч. 1 ст. 159.1, ч. 1 ст. 159.2 УК РФ и т. д.). Однако во многих случаях проблема ареста по-прежнему стоит остро.

В ряде санкций статей Особенной части УК РФ неприменимость ареста оставляет лишение

свободы на определённый срок «наедине» с обязательными и исправительными работами (ч. 1 ст. 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий») либо ограничением свободы (ч. 1 ст. 230 УК РФ «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов»; ст. 284 УК РФ «Утрата документов, содержащих государственную тайну»). В одном случае из-за неприменимости ареста в санкции статьи безальтернативно остаётся лишь штраф (ст. 271 УК РФ «Нарушение правил международных полётов»), в другом – лишение свободы на определённый срок (ч. 1 ст. 283 УК РФ «Разглашение государственной тайны»). Кроме того, во множестве санкций статей Особенной части УК РФ арест является самым строгим видом наказания (начиная с ч. 1 ст. 15 УК РФ «Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью» и заканчивая ч. 1 ст. 330 УК РФ «Самоуправство») из установленных законодателем, что сильно ограничивает их потенциал. Примечательно, что санкция уже упомянутой выше ст. 116.1 УК РФ относится к их числу и предполагает возможность назначения судом за нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию, уголовного наказания в виде обязательных либо исправительных работ, а также ареста. Почему законодатель не включил в этот перечень наказание в виде принудительных работ, остаётся загадкой, ведь это могло бы хоть немного компенсировать неприменимость ареста.

Таким образом, положение наказания в виде ареста в современном российском уголовном законодательстве можно охарактеризовать, по меньшей мере, как сложное. Несколько лучше (точнее проще) положение другого неприменимого наказания – смертной казни.

Если арест является рядовым видом наказания, к тому же «мёртвым с рождения», то смертная казнь есть мера исключительная (ч. 1 ст. 59 УК РФ), «убитая» с течением времени. Ещё до принятия УК РФ был введён мораторий на исполнение наказания в виде смертной казни, ставший развитием Указа Президента Российской Федерации от 16.05.1996 № 24 и подтверждённый Конституционным Судом РФ (Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П). Вследствие этого, как в дальнейшем указал Конституционный Суд РФ (Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р), сложился конституционный режим, в рамках которого начался необратимый процесс, направленный на полную отмену смертной казни и приведший к формированию устойчивых гарантий права человека не быть подвергнутым данной мере наказания. Процесс отмены смертной казни в Российской Федерации был достаточно сложен, однако к настоящему моменту мораторий уже сменился фактической отменой данного наказания, для формального завершения которой остался финальный штрих – полное исключение положений о смертной казни из действующего законодательства. При этом можно быть как сторонником применения смертной казни, так и его противником, но в любом случае необходимо принять тот факт, что смертная казнь, изначально позиционируемая как временная мера (ч. 2 ст. 20 Конституции РФ), уже не будет возвращена в российскую уголовно-правовую практику. Для возвращения смертной казни потребовалось бы, как минимум, изменение Конституции РФ и отказ Конституционного Суда РФ от собственной позиции, вероятность чего кажется ничтожной.

В отличие от ареста, который может быть достойной альтернативой повсеместно применяемому наказанию в виде лишения свободы на определённый срок, смертная казнь не имеет сколь бы то ни было существенной криминологической значимости и даже может быть охарактеризована как мера бесполезная и бесперспективная [9]. Конечно, речь здесь идёт об общей превенции, поскольку с позиций частной превенции смертная казнь, напротив, обладает непревзойдённой эффективностью (в силу вполне очевидных причин). Также нельзя не отметить, что смертная казнь может казаться объективно оправданной там, где общество сталкивается с непримиримым противодействием со стороны лица, умышленно совершившего особо тяжкое преступление против жизни, отрицающего все базовые правила человеческого общежития и убеждённо противопоставляющего себя обществу. Назначение такому лицу (например, вменяемому серийному убийце) смертной казни было бы более чем уместным, но смертная казнь в таком случае с некоторой долей цинизма должна восприниматься не столько как наказание, сколько как защитительная мера, уничтожающая опасного для общества человека.

Итак, наказания в виде ареста и смертной казни столкнулись с одной и той же проблемой – они «мертвы» и уже долгое время не находят применения в российской уголовно-правовой практике, первое – в силу невозможности исполнения, а второе – в связи с запретом применения (мораторием). Положения об этих наказаниях загромождают законодательство в сущности ненужными конструкциями (что особенно свойственно аресту в силу распространённости его закрепления

в санкциях статей Особенной части УК РФ) и порой приводят к правовым коллизиям (как с тем же арестом, положения о котором в действие не вводились, однако изредка всё же применяются, т. е. судебная практика фактически идёт вразрез с законодательством). Эта проблема, проблема неприменимости отдельных видов наказаний, существенна уже потому, что она нарушает целостность системы наказаний, сокращает возможности суда по выбору справедливого наказания и, следовательно, мешает дифференциации уголовной ответственности. В некоторых случаях неприменимость конкретных наказаний приводит к безальтернативности наказания в санкциях статей Особенной части УК РФ. В других случаях это обстоятельство способно ввести в заблуждение законодателя и привести к явным ошибкам, что имело место, например, в ч. 2 ст. 159.4 УК РФ, когда за мошенническое хищение в сфере предпринимательской деятельности в размере до шести миллионов рублей суд мог назначить лишь штраф в размере до одного миллиона рублей, поскольку остальные установленные в санкции данной статьи наказания (принудительные работы и лишение свободы) применены быть не могли в силу отложенного введения в действие либо противоречия нормам Общей части УК РФ [10]. К счастью, ст. 159.4 УК РФ утратила силу (Федеральный закон от 03.07.2016 № 325-ФЗ), и таким образом упомянутая ошибка была устранена, однако другие спорные положения никуда не делись.

Представляется целесообразным решить проблему наличия в уголовном законодательстве неприменимых видов наказаний следующим образом. Во-первых, следует признать фактически состоявшуюся отмену смертной казни и исключить все положения о данном наказании из обеих частей УК РФ. Изменение текста Конституции РФ при этом не кажется обязательным, текст Основного закона и так содержит применительно к смертной казни оборот «впредь до её отмены» (ч. 2 ст. 20 Конституции РФ) и ссылается на возможность установления смертной казни федеральным законом (УК РФ), в связи с чем исключения этого наказания из федерального закона (УК РФ) вполне достаточно. Во-вторых, необходимо проанализировать перспективы наказания в виде ареста и внести ясность в его статус. Конечно, наилучшим выходом было бы создание требуемой для исполнения ареста инфраструктуры (сети арестных домов), однако даже в случае окончательного признания невозможности этого в связи с экономическими или иными причинами есть по меньшей мере два способа «реанимировать» данный вид наказания.

Первый способ состоит в том, чтобы сделать арест специальным видом наказания, применяемым исключительно в отношении военнослужащих. Фактически данный способ представляется наиболее простым, поскольку предполагает лишь косметическое изменение положений законодательства об аресте без создания каких-либо дополнительных условий для применения данного вида наказания, поскольку военнослужащие и сейчас могут отбывать (и отбывают) арест на гауптвахте.

Второй способ основывается на опыте других государств, в частности Республики Беларусь, где арестные дома могут создаваться не только как самостоятельные учреждения, но и как изолированные участки исправительных учреждений [11]. При избрании данного пути потребуются существенное изменение, прежде всего, уголовно-исполнительного законодательства и определённая доработка уже существующей пенитенциарной инфраструктуры, однако несомненным достоинством здесь является сохранение общегражданского значения наказания в виде ареста.

Пристатейный библиографический список

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2-е изд, изм. и доп. / под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М.: Норма: ИНФРА-М, 1998. С. 95.

2. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 482.

3. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2016 год // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/f10_1-svod-2016.xls.

4. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2013 год // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2013/f_10_1-privlech_k_otvetstven_i_vidi_nakazan_za_2013.xls.

5. Сундуров Ф.Р., Талан М.В. Наказание в уголовном праве: учеб. пособ. М.: Статут, 2015. С. 134.

6. Рябова Л.В. Арест как вид наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 12.

7. Лопашенко Н.А. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М.: Проспект, 2016. С. 157.

8. С 2017 года в РФ начнут применять наказание в виде принудительных работ [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/obschestvo/3675215.

9. Квашис В.Е. Куда идёт смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы / предисл.

Ю.Е. Пудовочкина. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2011. С. 547–548.

10. Клепицкий И.А. Качество уголовного закона: проблемы Общей части: монография / отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2016. С. 144–145.

11. Шевелева С.В. Уголовно-исполнительное право: учебник для аспирантуры / под общ. ред. Е.А. Антонян. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 160.

References (transliterated)

1. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii. 2-e izd, izm. i dop. / pod obshh. red. Ju.I. Skuratova i V.M. Lebedeva. M.: Norma: INFRA-M, 1998. S. 95.

2. Nersesjanc V.S. Obshhaja teorija prava i gosudarstva: uchebnik. M.: Norma: INFRA-M, 2012. S. 482.

3. Otchet o chisle privlechennyh k ugolovnoj otvetstvennosti i vidah ugolovnogo nakazanija za 2016 god // Sudebnyj Departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii [Jelektronnyj resurs]. URL: www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/f10_1-svod-2016.xls.

4. Otchet o chisle privlechennyh k ugolovnoj otvetstvennosti i vidah ugolovnogo nakazanija za 2013 god // Sudebnyj Departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii [Jelektronnyj resurs]. URL: www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2013/f_10_1-privlech_k_otvetstven_i_vidi_nakazan_za_2013.xls.

5. Cundurov F.R., Talan M.V. Nakazanie v ugolovnom prave: ucheb. posob. M.: Statut, 2015. S. 134.

6. Rjabova L.V. Arest kak vid nakazanija: ugolovno-pravovye i ugolovno-ispolnitel'nye aspekty: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2005. S. 12.

7. Lopashenko N.A. Aktual'nye problemy ugolovnogo prava. Chast' Obshhaja: uchebnik / pod red. L.V. Inogamovoj-Hegaj. M.: Prospekt, 2016. S. 157.

8. S 2017 goda v RF nachnut primenjat' nakazanie v vide prinuditel'nyh rabot [Jelektronnyj resurs]. URL: http://tass.ru/obschestvo/3675215.

9. Kvashis V.E. Kuda idjot smertnaja kazn'. Mirovye tendencii, problemy i perspektivy / predisl. Ju.E. Pudovochkina. SPb.: Juridicheskij centr-Press, 2011. S. 547–548.

10. Klepickij I.A. Kachestvo ugolovnogo zakona: problemy Obshhej chasti: monografija / otv. red. A.I. Rarog. M.: Prospekt, 2016. S. 144–145.

11. Sheveleva S.V. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: uchebnik dlja aspirantury / pod obshh. red. E.A. Antonjan. M.: Norma: INFRA-M, 2017. S. 160.

EURASIAN LEGAL PORTAL
ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

Наш портал состоит из следующих разделов:

- *Законопроекты*
- *Принятые законы*
- *Судебная практика*
- *Пресс-релизы*
- *Юридические статьи*
- *Юридические вузы*
- *Юридическая школа в лицах*
- *Новости*
- *Наши партнеры*
- *Институт законодательства*
- *Бесплатная юридическая консультация*

www.eurasialegal.info

Целями проекта являются:

1. Создание информативной актуальной научной базы в области права для успешного ориентирования в современном юридическом мире.

2. Свободный обмен теоретическими и практическими знаниями в области права в рамках Содружества Независимых государств (СНГ).

Наша задача заключается в постоянном усовершенствовании портала, предоставлении полной и достоверной информации пользователям, внедрении новых актуальных проектов, интересных юридических источников и привлечении к развитию проекта профессиональных юристов для взаимовыгодного сотрудничества.

Игбаева Г.Р.

КОНТРАКТ О СЛУЖБЕ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК АДМИНИСТРАТИВНЫЙ АКТ

***Цель**: Определить особенности правового регулирования контракта о службе в органах внутренних дел как административного акта.*

***Методология**: Использовались частно-научные методы познания: формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический, системного анализа и другие.*

***Результаты**: На основе анализа нормативных правовых актов, регламентирующих трудовые и служебные отношения в органах внутренних дел, делается вывод, что контракт о службе в органах внутренних дел (полиции) как способ регулирования служебных правоотношений является административным актом, относящимся к регулированию административного права.*

***Новизна**/**оригинальность**/**ценность**: Статья содержит последовательное изложение аргументации в обоснование вывода об административно-правовой сущности контракта о службе в органах внутренних дел на основе анализа норм трудового права и актов, регламентирующих служебные отношения в органах внутренних дел.*

***Ключевые слова**: служба, органы внутренних дел, контракт, правоотношения, сотрудник органов внутренних дел, граждане, должность.*

Igbaeva G.R.

THE CONTRACT ON SERVICE IN BODIES OF INTERNAL AFFAIRS AS AN ADMINISTRATIVE ACT

***Purpose**: To determine the peculiarities of legal regulation of the contract on service in bodies of internal Affairs as an administrative act*

***Methodology**: We used a special scientific cognition methods: formal legal, comparative legal, historical, system analysis and others.*

***Results**: Based on the analyses of normative legal acts regulating employment and service relationships in the internal Affairs the conclusion that the contract on service in bodies of internal Affairs (police) is an administrative act and related to the regulation of administrative law is made.*

***Novelty**/**originality**/**value**: The article contains a consistent presentation of the argument in support of the conclusion that legal and administrative entity of the contract on service in bodies of internal Affairs on the basis of analysis of norms of the labour law and the acts regulating the service relationships in the internal Affairs bodies*

***Keywords**: service, organs of internal Affairs, contract, legal, personnel of bodies of internal Affairs, citizens, position.*

В конце XX века в нормативных правовых актах, регламентирующих порядок прохождения государственной службы, был введен новый термин – «служебный контракт», который рассматривался как разновидность трудового договора. В свою очередь, действующий Трудовой кодекс Российской Федерации исключил контракт из разновидностей трудового договора.

Субъектами правоотношений в сфере органов внутренних дел являются Российская Федерация и гражданин. От имени Российской Федерации действует министр внутренних дел Российской Федерации или уполномоченный руководитель, имеющий право назначения на соответствующую должность. Перечень уполномоченных руководителей и иных должностных лиц, наделенных правом рассмотрения документов, представленных гражданином для поступления на службу в органы внутренних дел, и принятия по ним решений, утвержден Приказом МВД России от 18.07.2014 № 595 «О некоторых вопросах поступления граждан Российской Федерации на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» [9].

Руководство органа внутренних дел нельзя смешивать с личностью конкретного руководителя. Например, начальник органа внутренних дел, подписывающий трудовые договоры с работниками, стажерами органа внутренних дел и контракты о службе с сотрудниками органов внутренних дел, сам является сменной (назначаемой) фигурой. Его могут освободить от занимаемой должности, он может покинуть эту должность в силу различных обстоятельств, однако правоотношения с работниками и сотрудниками, с которыми он заключил трудовые договоры и контракты о службе, не прекращаются.

Правоотношения на службе в органах внутренних дел возникают не между конкретным руководителем и работниками, а между федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, от имени которой выступал тот или иной руководитель, и конкретным гражданином.

Возникновение и изменение правоотношений на службе в органах внутренних дел определяется главой 4 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Статья 20 ФЗ № 342–ФЗ предусматривает, что правоотношения на службе в органах внутренних дел между Российской Федерацией и гражданином возникают и осуществляются на основании контракта в результате:

1) поступления на службу в органы внутренних дел по результатам конкурса;

2) зачисления в образовательное учреждение высшего профессионального образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел для обучения по очной форме по результатам прохождения вступительных испытаний;

3) назначения на должность в органах внутренних дел;

4) восстановления в должности в органах внутренних дел в соответствии с законодательством Российской Федерации.

МВД России устанавливает перечень должностей в ОВД, подлежащих замещению на конкурсной основе. Данный перечень содержит скудный список должностей, предусмотренных организационно-штатной структурой МВД России и министерств (управлений) внутренних дел субъектов федерации (главный инспектор, ведущий специалист и т. д.), а также ряд должностей в образовательных и научно-исследовательских заведениях МВД России (начальник кафедры, заместитель начальника кафедры, профессор, доцент). В структуре городских (районных) УВД (ОВД) должностей, замещаемых в порядке конкурса, не предусмотрено [1].

Конкурс предполагает оценку профессионального уровня претендентов на замещение должности в органах внутренних дел, их соответствия установленным квалификационным требованиям к соответствующей должности.

Изменение правоотношений на службе в органах внутренних дел (назначение сотрудника органов внутренних дел на другую должность в органах внутренних дел) осуществляется на основании согласия или ходатайства сотрудника, выраженных в рапорте.

Особенности возникновения и изменения правоотношений на службе в органах внутренних дел и особенности прохождения службы в органах внутренних дел в период действия военного положения определяются президентом Российской Федерации.

Легальное определение контракта о прохождении службы в органах внутренних дел закреплено ст. 21 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Контракт о прохождении службы в органах внутренних дел – соглашение между руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченным руководителем и гражданином, поступающим на службу в органы внутренних дел, или сотрудником органов внутренних дел о прохождении службы в органах внутренних дел и (или) замещении должности в органах внутренних дел. Контрактом устанавливаются права и обязанности сторон, а также период их действия.

Как справедливо отмечает Н.С. Климкин, «с помощью контракта достигается: конкретизация взаимных прав и обязанностей, ответственности сторон, заключивших контракт; соблюдение условий, которые должны обеспечивать наиболее благоприятные возможности для профессиональной деятельности сотрудника; индивидуализации прохождения службы на всех ее этапах применительно к общей и специальной подготовке сотрудника, стажу его службы, профессиональному опыту, личностным особенностям; социальная защита сотрудника, выражающаяся в том, что предусмотренные законодательством льготы, гарантии и компенсации будут ему предоставлены своевременно и в полном объеме» [4].

Как обоснованно отмечают А.Г. Гришаков и Ю.А. Прибытко, «контракт о прохождении службы в органах внутренних дел (полиции) как способ регулирования служебных правоотношений является административным актом и относится к регулированию не трудового, а исключительно административного права» [2].

Деятельность сотрудников органов внутренних дел регулируется в основном не трудовым, а специальным законодательством [3]. Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что в процессе государственной службы сотрудники вступают в правоотношения, которые можно именовать «служебно-трудовые».

Статья 11 Трудового кодекса определяет, что Трудовой кодекс и иные нормативно-правовые акты о труде распространяются на всех работников, занятых по трудовому договору с работодателем независимо от его организационно-право-

вой формы. Нормы Кодекса и всего трудового законодательства, указывает ч. 2 этой статьи, обязательны для применения на всей территории Российской Федерации для всех работодателей (юридических или физических лиц) независимо от их форм собственности.

При этом отмечается, что на государственных гражданских служащих и муниципальных служащих действие трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, распространяется с особенностями, предусмотренными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации о государственной гражданской службе и муниципальной службе.

В этой же статье определяются исключения из сферы распространения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, определенных лиц. Анализ данной статьи показывает, что прямого распространения трудового законодательства на правоотношения службы в органах внутренних дел не содержится, законодатель в этом случае отсылает к специальному законодательству.

Рассматривая службу в органах внутренних дел как вид федеральной государственной службы, следует иметь в виду, что «в системе органов внутренних дел осуществляется государственная служба двух видов: федеральная государственная гражданская служба и правоохранительная служба. Оба вида государственной службы в системе органов внутренних дел имеют свои особенности, но в то же время входят в единую, взаимосвязанную систему государственных служебных отношений» [5]. Служебная деятельность в органах внутренних дел регулируется федеральным законодательством: нормами Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федерального закона от 19.07.2011 № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и другими, а также актами Министерства внутренних дел России.

В указанных правовых актах содержатся нормы, отражающие специфику служебной деятельности органов внутренних дел. Профессиональная деятельность лиц, состоящих на службе в органах внутренних дел, имеет свои особенности, обусловленные целями и задачами полиции [7].

Трудовое законодательство Российской Федерации распространяется на сотрудников полиции в части, не урегулированной законодательством Российской Федерации, регламентирующим вопросы прохождения службы в органах внутренних дел, и Федеральным законом о полиции.

Часть 2 ст. 3 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определяет, что в случаях, не урегулированных нормативными правовыми актами Российской Федерации, к правоотношениям, связанным со службой в органах внутренних дел, применяются нормы трудового законодательства.

Правоотношения, связанные с прохождением в органах внутренних дел федеральной государственной гражданской службы, регулируются законодательством Российской Федерации о государственной гражданской службе, а трудовые отношения – трудовым законодательством.

Отдельно следует остановиться на такой категории, как стажер органов внутренних дел. Законодатель под стажером органов внутренних дел понимает кандидата, назначенного на соответствующую должность в органах внутренних дел, без присвоения ему специального звания на период испытания. Его особый правовой статус предполагает распространение трудового законодательства Российской Федерации на правоотношения с его участием с теми же ограничениями, что и для сотрудников органов внутренних дел. В период испытания со стажером заключается срочный трудовой договор, на стажера распространяется действие трудового законодательства, а также частей 1–3 статьи 68 ФЗ № 342-ФЗ.

Следует заключить, что нормы специального законодательства устанавливают субсидиарный порядок применения трудового законодательства и иных актов о труде к правоотношениям, связанным со службой в органах внутренних дел. Между тем применение трудового законодательства не отрицает публично-правового характера государственной службы. Административно-правовой институт государственной службы, и в частности службы в органах внутренних дел, продолжает находиться на стадии своего формирования, при этом контракт о службе в органах внутренних дел (полиции) как способ регулирования служебных правоотношений является административным актом, относящимся к регулированию административного права.

Пристатейный библиографический список

1. Буянов И.В. Правовые основы государственной службы в органах внутренних дел: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011.
2. Гришаков А.Г., Прибытко Ю.А. Контракт о прохождении службы в органах внутренних дел и его правовая природа // Алтайский юридический вестник. 2015. № 1 (9). С. 59–62.
3. Игбаева Г.Р. Трудовое право. Уфа, 2014.
4. Климкин Н.С. Контракт о службе в органах внутренних дел Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002.
5. Шиенкова А.С. Административно-правовое регулирование правоохранительной службы в органах внутренних дел Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002.
6. Ямалетдинова Н.В. Теоретические, методологические и организационные основы социального аудита правоохранительной деятельности // Евразийская адвокатура. 2016. № 4 (23). С. 88–91.
7. Янбухтин Р.М. Эффективность деятельности полиции: проблемы и критерии // Вестник ВЭГУ. 2013. № 1 (63). С. 81–86.
8. http://www.pravo.gov.ru.

References (transliterated)

1. Bujanov I.V. Pravovye osnovy gosudarstvennoj sluzhby v organah vnutrennih del: avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. M., 2011.
2. Grishakov A.G., Pribytko Ju.A. Kontrakt o prohozhdenii sluzhby v organah vnutrennih del i ego pravovaja priroda // Altajskij juridicheskij vestnik. 2015. № 1 (9). S. 59–62.
3. Igbaeva G.R. Trudovoe pravo. Ufa, 2014.
4. Klimkin N.S. Kontrakt o sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. M., 2002.
5. Shienkova A.S. Administrativno-pravovoe regulirovanie pravoohranitel'noj sluzhby v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. M., 2002.
6. Jamaletdinova N.V. Teoreticheskie, metodologiches-kie i organizacionnye osnovy social'nogo audita pravoohranitel'noj dejatel'nosti // Evrazijskaja advokatura. 2016. № 4 (23). S. 88–91.
7. Janbuhtin R.M. Jeffektivnost' dejatel'nosti policii: problemy i kriterii // Vestnik VJeGU. 2013. № 1 (63). S. 81–86.
8. http://www.pravo.gov.ru.

Московская городская коллегия адвокатов «Московская гильдия адвокатов и юристов»

Moscow city Bar Collegium's «Moscow Guild of lawyer and legal advisers»

осуществляет квалифицированную юридическую помощь по следующим направлениям:

– правовое обслуживание бизнеса (представление интересов предпринимателей в арбитражных судах всех инстанций; защита чести, достоинства и деловой репутации; защита права собственности, владения; арендные отношения с федеральными и муниципальными органами власти; претензионное производство; досудебное урегулирование споров на этапе переговоров; правовое сопровождение антикризисных процедур);

– уголовное право, ведение уголовных дел различной категории, защита на предварительном расследовании и в суде (более 100 успешно проведенных дел: прекращение на стадии расследования, условное осуждение, мировые соглашения), защита прав потерпевших от преступлений; условно-досрочное освобождение (неоднократно добивались положительных результатов);

– гражданское право (бракоразводные процессы, раздел имущества, определение порядка общения с ребенком; признание права собственности на квартиру, долю в квартире, выселение; споры с ТСЖ; споры со страховыми компаниями (ОСАГО, КАСКО)).

Вы можете обратиться к нам по адресу:
Юридический адрес: 115404, Россия, г. Москва, ул. Бирюлевская, д. 5, корп. 2, оф. 402.
Адрес для корреспонденции: 121601, г. Москва, Филевский бул., д. 37, оф. 88.
Телефоны: +7(926) 189-50-90, +7(903) 125-28-55
Веб-сайт коллегии: www.mos-guild.com

Ахметшин Р.А.

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ МЕЛКОГО ХИЩЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА НА МЕСТЕ СОВЕРШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

***Цель**: Раскрытие особенностей деятельности сотрудников органов внутренних дел при выявлении мелкого хищения чужого имущества на месте совершения административного правонарушения.*

***Методология**: Использовались формально-юридический и сравнительно-правовой методы.*

***Результаты**: В статье определен порядок действий сотрудников органов внутренних дел при выявлении и квалификации мелкого хищения чужого имущества на месте совершения административного правонарушения.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Статья обладает научной ценностью и новизной, поскольку предлагает порядок действий сотрудников органов внутренних дел при выявлении мелкого хищения чужого имущества на месте совершения административного правонарушения.*

***Ключевые слова**: административное правонарушение, мелкое хищение чужого имущества, административная ответственность, административное наказание, органы внутренних дел.*

Akhmetshin R.A.

FEATURES OF ACTIVITY OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN IDENTIFYING PETTY THEFT OF ANOTHER'S PROPERTY AT THE PLACE OF COMMITTING AN ADMINISTRATIVE OFFENSE

***Purpose**: Discovery of the peculiarities in the activity of employees of internal Affairs bodies in identifying petty theft of another's property at the place of committing an administrative offense.*

***Methodology**: We used formal-legal and comparative-legal methods.*

***Results**: The article studies the features of actions of employees of internal Affairs bodies in the identification and qualification of petty theft of another's property at the place of committing an administrative offense.*

***Novelty/originality/value**: The afrticle has a scientific value and novelty, as proposed, the order of actions of employees of internal Affairs bodies in identifying petty theft of another's property at the place of committing an administrative offense.*

***Keywords**: administrative offense, petty theft of another's property, administrative responsibility, administrative penalty, the internal Affairs bodies.*

В настоящее время в правоприменительной практике возникают определенные трудности в вопросе разграничения уголовно наказуемых деяний (кражи, мошенничества, присвоения и растраты) и мелкого хищения чужого имущества на месте совершения административного правонарушения. По-разному квалифицируются действия лиц, совершивших хищение чужого имущества, стоимость которого не превышает одну тысячу рублей (ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ) и двух с половиной тысяч рублей (ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ), но при обстоятельствах, характеризующих квалифицированные составы хищений, предусмотренных статьями 158–160 УК РФ [1,2].

В практической деятельности органов внутренних дел в большинстве случаев сообщения о факте совершения хищения поступают в форме заявления собственников имущества [3]. Так, при поступлении заявления о хищении имущества в территориальный орган внутренних дел оперативный дежурный в зависимости от ущерба направляет на место происшествия либо следственно-оперативную группу (если сумма ущерба является значительной, и имеются признаки уголовно наказуемого деяния), либо участкового уполномоченного полиции, либо других должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях по ст. 7.27 КоАП РФ в соответствии с приказом МВД России № 403 от 5 мая 2012 г. (если имеются основания предполагать о мелком хищении, исходя из заявления собственника о стоимости похищенного имущества).

В целях повышения эффективности деятельности сотрудников органов внутренних дел при выявлении мелкого хищения чужого имущества на месте совершения административного правонарушения представляется необходимым определить следующий порядок действий сотрудника полиции, если из заявления собственника похищенного имущества имеются основания предполагать о мелком хищении.

1. Сотрудник органов внутренних дел (например, участковый уполномоченный полиции соответствующего административного участка, на котором произошло хищение чужого имущества) принимает заявление от оперативного дежурного территориального органа внутренних дел и вы-

езжает на место совершения административного правонарушения.

2. По прибытии на место совершения административного правонарушения необходимо опросить потерпевшего (заявителя) либо лицо, сообщившее о правонарушении, на предмет похищенного и его признаков, а также о предполагаемой стоимости имущества. В случае хищения необходимо принять письменное заявление от потерпевшего.

3. При необходимости произвести осмотр места происшествия (фотовидеофиксация) с составлением соответствующего протокола.

4. Выявить лиц, которые могли стать свидетелями и очевидцами произошедшего, и опросить их в установленном законодательством порядке.

5. Опросить лицо, ответственное за сохранность похищенного имущества, с составлением соответствующего акта от данного лица.

6. При возможности просмотреть видеозапись с места происшествия с лицом, ответственным за видеонаблюдение объекта, на котором произошло хищение.

7. На основании вышеуказанных действий у сотрудника ОВД должна сформироваться картина произошедшего. Далее сотруднику необходимо исключить все признаки, указывающие на уголовно наказуемое деяние:

– размер материального ущерба (более 2500 рублей);

– если размер материального ущерба не превышает 2500 рублей, то исключить квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки кражи, мошенничества, присвоения и растраты, а также разбоя.

8. Установить размер стоимости похищенного имущества. В случае если лицо было задержано, произвести личный досмотр находящихся вещей с целью определения размера ущерба с составлением протокола изъятия (осмотр похищенного).

9. Провести административное расследование в соответствии со ст. 28.7 КоАП РФ.

10. Ущерб, нанесенный юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю, то есть собственнику похищенного имущества, фиксируется справкой о стоимости вещи (товара) от имени материально ответственного лица похищенного имущества (заверенной печатью) и накладной по закупочной цене похищенного имущества (заверенной печатью). В случае необходимости (ущерб нанесен физическому лицу) провести оценку похищенного имущества у эксперта.

11. Оформить расписку о получении имущества.

12. Установить лицо, совершившее хищение; определить его возраст.

13. Квалификация в зависимости от похищенного имущества:

1) до 1000 рублей (включительно) – ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ;

2) до 2500 рублей (включительно) – ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ.

14. Опросить правонарушителя.

15. Установить личность предполагаемого правонарушителя, проверить по базам ИБДР, РАБ и в базе данных административной практики с целью исключить уголовно наказуемое деяние, предусмотренное ст. 158.1 УК РФ (Мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

16. Составить протокол административного правонарушения (при наличии документа, удостоверяющего личность), в случае невозможности установления личности выбрать меру обеспечения в виде доставления в территориальный орган внутренних дел с обращением к базе «Портрет» и Форме № 1 территориального органа МВД России по вопросам миграции с последующим составлением протокола административного правонарушения.

17. Оформить административное дело и направить его в мировой суд.

Пристатейный библиографический список

1. Ивакин С.В. Мелкое хищение в российском законодательстве: вчера, сегодня, завтра // Символ науки. 2015. № 3. С. 152–154.

2. Прохорцев И.А. Что показало изучение дел о мелком хищении // Право и практика. 2013. № 1. С. 20–30.

3. Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2014. № 12-3. С. 46–48.

References (transliterated)

1. Ivakin S.V. Melkoe hishhenie v rossijskom zakonodatel'stve: vchera, segodnja, zavtra // Simvol nauki. 2015. № 3. S. 152–154.

2. Prohorcev I.A. Chto pokazalo izuchenie del o melkom hishhenii // Pravo i praktika. 2013. № 1. S. 20–30.

3. Aktual'nye problemy bor'by s prestuplenijami i inymi pravonarushenijami. 2014. № 12-3. S. 46–48.

Янбухтин Р.М., Игбаева Г.Р.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА ПОЛИЦИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

Цель*: Определить перспективные направления формирования позитивного образа полиции в общественном мнении.*

Методология*: Использовались частно-научные методы познания: формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический, системного анализа и другие.*

Результаты*: Формированию позитивного образа полиции в общественном мнении способствует активная деятельность МВД России в информационной, идеологической, пропагандисткой и воспитательной областях. При этом необходимо целенаправленно формировать позитивный образ полиции и его сотрудников в общественном мнении, освещать во всех основных сферах современных медиакоммуникаций (телевидение, радио, печатные и электронные СМИ, Интернет, наружная реклама и другие носители) основные направления взаимодействия полиции с общественностью, институтами гражданского общества, широкими слоями населения.*

Новизна/оригинальность/ценность*: Статья содержит последовательное изложение аргументации в обоснование перспективных направлений формирования позитивного образа полиции в общественном мнении во всех основных сферах современных медиакоммуникаций.*

Ключевые слова*: органы внутренних дел, общественное мнение, пресс-служба, полиция, сотрудник полиции, информация, позитивный образ, взаимодействие, население, гражданское общество, средства массовой информации.*

Yanbuhtin R.M., Igbaeva G.R.

PROSPECTIVE DIRECTIONS FOR THE FORMATION OF POLICE POSITIVE IMAGE IN PUBLIC OPINION

Purpose*: To identify prospective directions for the formation of police positive image in public opinion*

Methodology*: We used a special scientific cognition methods: formal legal, comparative legal, historical, system analysis and others.*

Results*: The activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the information, ideological, propaganda and educational fields contributes to the formation of police positive image in public opinion. At the same time, it is necessary to formulate a positive image of the police and its employees in public opinion, highlight the main areas of interaction of police with the public, institutions in all major areas of modern media communications (television, radio, print and electronic media, the Internet, outdoor advertising and other media) civil society, the general population.*

Novelty/originality/value*: The article contains a consistent presentation of the arguments in support of the perspective directions of the formation of a positive image of the police in public opinion in all major areas of modern media communications*

Keywords*: bodies of internal affairs, public opinion, press service, police, police officer, information, positive image, interaction, population, civil society, mass media.*

Сегодня актуальной задачей, стоящей перед МВД Российской Федерации, является построение развитой системы управления социальной информацией, связанной с выстраиванием эффективной системы связей с общественностью, формированием позитивного общественного мнения об органах внутренних дел (полиции), разработка специальных технологий и адаптация общих методов пиар-технологий согласно специфике деятельности различных подразделений и отделов органов внутренних дел. В этой связи одной из перспективных задач, стоящих перед подразделениями информации и общественных связей органов внутренних дел Российской Федерации (информационно-аналитическими группами, пресс-службами органов внутренних дел и др.), является выработка стратегии, тактики, технологий формирования позитивного образа полиции в общественном мнении как носителя функциональных характеристик правоохранительного института.

Одна из технологий формирования позитивного образа полиции заключается в создании и популяризации обобщенного, идеализированного образа сотрудника органов внутренних дел (полиции), аккумулирующего в себе наиболее совершенные образцы исполнения профессиональных обязанностей, в котором подчеркиваются достоинства и социальная значимость данного вида деятельности. Учитывая то, что наряду с привлекательностью, престижностью профессии большое значение в массовом сознании имеют

мотивы служения общественным целям, следует активнее популяризировать подвиги и героические образцы поведения сотрудников полиции. В процессе формирования положительного образа полиции в общественном мнении необходимо учитывать специфику массового и индивидуального сознания, особенности функционирования позитивного общественного мнения, закономерности информационного воздействия на сознание человека.

Из существующих закономерностей информационного воздействия на сознание человека наравне со средствами массовой информации на формирование общественного мнения оказывают влияние также социальные условия, общение людей между собой, личный опыт.

Следующим важным моментом информационного воздействия на общественное сознание является понимание того, что в массовом и индивидуальном сознании могут присутствовать различные ассоциативные типы и стереотипы восприятия органов внутренних дел населением. В «ассоциативном» эксперименте Т.А. Бондаренко были выделены следующие виды ассоциаций, которые население связывает с органами внутренних дел: а) положительный (порядок, защита, безопасность, помощь, последняя надежда, благородные цели); б) отрицательный (продажность, недоверие, безнаказанность, бездействие, частое нарушение законов); в) нейтральный (преступление, погоня, следствие, розыск) [1].

Рассматривая вопрос о содержательной стороне подаваемого средствами массовой информации информационного материала, выражаем согласие с существующими утверждениями, что публикации в СМИ, теле- и радиопередачи, отражающие важность, опасность, социальную полезность деятельности сотрудников органов внутренних дел, конкретные факты проявления профессионального героизма, освещающие деятельность лучших сотрудников подразделений и др., могут быть успешно использованы в целях укрепления авторитета полиции. Возражение вызывает лишь ориентация на публикации материалов, освещающих или только положительные моменты в деятельности сотрудника органов внутренних дел, или только отрицательные. На наш взгляд, наиболее действенной предоставляется объективная подача информации, содержащей материалы, связанные с повседневной, будничной деятельностью и жизнью сотрудников полиции, освещением разных сторон их профессиональной деятельности. Все это также оказывает положительное влияние на общественное мнение. Подобный подход при подаче информации демонстрируют материалы ведомственных печатных изданий (журналы «Полиция», «Профессионал», «Закон и порядок», газета «Щит и Меч»), федеральные и региональные телепрограммы «Вести. Дежурная часть» (РТР, Россия); «Криминальный спектр» (БСТ, Башкортостан) и другие.

Следующей важной проблемой, имеющей стратегическое значение в контексте концепции создания позитивного образа полиции, является определение перспектив формирования и наращивания положительной составляющей общественного мнения о деятельности полиции.

В научной литературе рассматриваются два главных решения этой проблемы: первое связано с сохранением статус-кво органов внутренних дел и удержанием социальной дистанции «без стремления решать проблемы отношений милиции и населения», что предполагает «массированное пропагандистское воздействие на население через СМИ» с целью «убедить людей в том, что полиция делает все возможное и даже больше, чтобы обеспечить их защиту от посягательств со стороны преступных элементов»; второе ориентирует на достижение адекватного восприятия гражданами деятельности сотрудников органов внутренних дел, построенного на основе другой социальной стратегии, предполагающей, что «контакты населения с милицией станут катализатором конструктивных измерений в ее работе» [3].

В целом признавая позицию Ю.Н. Мазаева в плане формирования позитивной составляющей общественного мнения о деятельности органов внутренних дел, считаем необходимым подчеркнуть, что формирование позитивного образа полиции возможно при условии активного взаимодействия полицейских подразделений с широкими слоями населения, общественными объединениями, организациями, институтами гражданского общества, отдельными гражданами. При этом информацию о взаимодействии сотрудников полиции с общественностью следует преподносить с помощью именно средств массовой информации.

Особый интерес представляет такая форма взаимодействия со средствами массовой информации, как проведение пресс-клубов. Как отмечается в литературе, «данный проект представляет собой площадку для дискуссий по широкому кругу вопросов деятельности Министерства – от обсуждения актуальных проблем к поиску решений. За круглым столом регулярно собираются журналисты агентств и изданий, радио и телевидения. Пресс-клуб позволяет его участникам не-

посредственно обмениваться информацией, дает возможность в неформальной обстановке пообщаться с руководством МВД России на самые разные темы. Такое живое общение – эффективный ресурс распространения значимой и полезной информации о деятельности Министерства» [2, с. 23].

Пресс-центром МВД России проводится ежедневный мониторинг материалов центральных и региональных СМИ. По итогам составляется аналитическая справка с приложением копий наиболее значимых публикаций. Вся информация анализируется, после чего принимаются конкретные решения. Например, по критическим материалам назначаются служебные проверки, по проблемным готовятся дополнительные разъяснения. Кроме того, мониторинг позволяет выявить наиболее актуальные темы, которые становятся своеобразным сигналом для проведения дальнейшей информационной работы.

Наряду с организацией взаимодействия с центральными и региональными средствами массовой информации, МВД России организует работу ведомственных СМИ. В настоящее время МВД России реализует несколько информационных проектов, направленных на построение новой, партнерской модели взаимоотношений полиции и общества.

Также следует отметить, что пресс-центр МВД России и соответствующие подразделения территориальных органов МВД России постоянно проводят социальные акции и другие мероприятия, которые имеют положительный общественный резонанс. Так, например, в регионах пресс-службами были организованы акции «Народный участковый», где граждане голосовали за лучшего участкового уполномоченного, а также фотовыставки, посвященные работе органов внутренних дел, и, наконец, мероприятия по профилактике так называемого социального мошенничества.

В связи с прогрессирующим развитием компьютерных и телекоммуникационных технологий не меньшую роль при подаче информации о взаимодействии полиции с общественными группами и слоями населения играет Интернет, активным пользователем которого является молодежь.

В этой связи следует отметить, что оперативному распространению информации о работе российской полиции и активному установлению диалога с гражданами, особенно с молодежью, способствуют и интернет-ресурсы: официальный сайт Министерства и ведомственные сайты территориальных органов МВД России, а также Правоохранительный портал Российской Федерации. В качестве примера можно привести официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации, на котором размещены разделы и рубрики, позволяющие получить самую разнообразную информацию о МВД России.

Также можно отметить, что на сайтах многих территориальных органов внутренних дел созданы разделы «Наркостоп!» с целью предотвращения наркомании и налаживания тесного сотрудничества и взаимодействия граждан и правоохранительных структур [4].

Для расширения информационного поля, а также эффективного использования в деятельности органов внутренних дел возможностей блогосферы пресс-центр МВД России поддерживает контакты с ведущими российскими блогерами, которые охотно участвуют в проводимых для них информационных мероприятиях.

Наряду с организацией популярных сайтов и видеоблогов в Интернете рекомендуем активнее представлять дискуссионные передачи на телевидении и радио, сохранять рубрики в газетах и журналах, которые, согласно опросам населения региона (города, поселка), представляют практический интерес для граждан (например, «Участковый уполномоченный полиции советует…», «Полиция разъясняет…»).

В связи с этим следует отметить, что необходимо проводить систематические встречи с общественностью, организовывать круглые столы, пресс-клубы по тем или иным конкретным проблемам, актуальность которых выясняется по результатам опроса или анализа писем, обращений, просьб граждан. При этом информацию о взаимодействии сотрудников полиции с общественностью следует преподносить с помощью именно средств массовой информации, а также современных компьютерных, информационных и телекоммуникационных технологий, Интернета.

Совершенствуя систему диалога органов внутренних дел с общественностью, СМИ, населением, принципиально важно исходить из содержания Федерального закона «О полиции», а также принципов и норм профессиональной этики, системы нравственных, профессионально-этических ценностей, принципов и обязательств, которыми сотрудник полиции должен руководствоваться в процессе профессиональной деятельности и в повседневной жизни, в быту, семье.

Пристатейный библиографический список

1. Бондаренко Т.А. Стереотип восприятия правоохранительных органов в Дальневосточном регионе // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 99–103.
2. Грибакин В. Пресс-центр МВД России как источник объективной и своевременной информации для гражданского общества // Профессионал. 2012. № 1. С. 23.
3. Мазаев Ю.Н. Роль СМИ в формировании общественного мнения о милиции // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 107.
4. https://79.mvd.ru/press/projects/NarkoStop.
5. Субхангулов Р.Р., Теймуров Р.Н. Проблемы духовно-нравственного воспитания молодежи в современной России и пути их решения // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 6 ч. 2016. С. 180–182.

References (transliterated)

1. Bondarenko T.A. Stereotip vosprijatija pravoohranitel'nyh organov v Dal'nevostochnom regione // Sociologicheskie issledovanija. 2006. № 1. S. 99–103.
2. Gribakin V. Press-centr MVD Rossii kak istochnik ob#ektivnoj i svoevremennoj informacii dlja grazhdanskogo obshhestva // Professional. 2012. № 1. S. 23.
3. Mazaev Ju.N. Rol' SMI v formirovanii obshhestvennogo mnenija o milicii // Sociologicheskie issledovanija. 2004. № 2. S. 107.
4. https://79.mvd.ru/press/projects/NarkoStop.
5. Subhangulov R.R., Tejmurov R.N. Problemy duhovno-nravstvennogo vospitanija molodezhi v sovremennoj Rossii i puti ih reshenija // Tradicionnaja i innovacionnaja nauka: istorija, sovremennoe sostojanie, perspektivy: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 6 ch. 2016. S. 180–182.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Jus est ars boni et aequi

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация
Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-917-40-61-340

Канатов Т.К.

КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКОГО ПРАВА И СМЕЖНЫХ ПРАВ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Цель*: Исследование актуальных проблемных вопросов классификации объектов авторского права и смежных прав.*

Методология*: Использовались системно-структурные, конкретно-социологические, историко-правовые, социально-правовые, сравнительно-правовые, статистические методы.*

Результаты*: Сделанные в статье выводы и положения, которые исследуются в работе, в целом базируются на законодательстве стран ЕАЭС, а также международных договорах и конвенциях, которые были ратифицированы в странах ЕАЭС. Актуальность и значимость данной работы заключается в анализе классификации объектов авторского права и смежных прав в странах ЕАЭС. Выработанные в исследовании теоретические положения могут быть применены в целях последующего изучения особенностей проблем реализации исключительных прав авторов и смежных прав при договорном использовании в странах ЕАЭС. Следовательно, данным исследованием автор вносит весомый вклад в теорию гражданского права.*

Новизна/оригинальность/ценность*: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток рассмотреть актуальные проблемные вопросы классификации объектов авторского права и смежных прав в странах ЕАЭС.*

Ключевые слова*: авторское право, смежное право, исключительное право, договор, евразийский, экономический.*

Kanatov T.K.

CLASSIFICATION OF OBJECTS OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Purpose*: Of the Study the current problem issues of classification of objects of copyright and related rights.*

Methodology*: We used a system-structural, specific sociological, historical, and legal, socio-legal, and comparative legal, statistical methods.*

Results*: The article presents the study conclusions and provisions, which are investigated in the work, in General, are based on the law of the EEU, international treaties and conventions that have been ratified in the countries of the EEU. The relevance and significance of this work consists in the analysis of classification of objects of copyright and related rights in the countries of the EEU. Also the significance of the study is that developed in her theoretical situation in the future can be used to further study the peculiarities of the implementation challenges the exclusive rights of authors and related rights in contract in use in the countries of the EEU. Therefore, according to the study, the author makes a significant contribution to the theory of civil law.*

Novelty/originality/value*: The article possesses high scientific value as is one of the first attempts to consider actual problems of classification of objects of copyright and related rights in the countries of the EEU.*

Keywords*: Copyright, related rights, the exclusive right, the Treaty, the Eurasian economic.*

Аудиовизуальное произведение. На сегодняшний день одним из объектов авторского права выступает аудиовизуальное произведение. Авторское право в аудиовизуальной сфере, по справедливому замечанию С.Е. Кружалова, является относительно новым разделом авторского права, возникшим в начале XX столетия [14].

В соответствии со ст. 1263 ГК РФ аудиовизуальное произведение представляет собой произведение, включающее зафиксированную серию взаимосвязанных изображений (которые сопровождаются или не сопровождаются звуком) и предназначенное для зрительского и слухового (если сопровождается звуком) восприятия при помощи необходимых технических устройств. Аудиовизуальные произведения состоят из кинематографических, а также всех иных произведений, которые выражены средствами, аналогичными кинематографическим (теле- и видеофильмы, прочие идентичные произведения), вне зависимости от метода их первоначальной или последующей фиксации [16].

Впервые определение «аудиовизуальное произведение» было официально употреблено в общегражданском законодательстве в ст. 134 Основ гражданского законодательства СССР и республик 1991 г. [17, с. 733].

Согласно ст. 134 Основ, к объектам авторского права, наряду с другими, относятся аудиовизуальные произведения, которыми являются кино-, теле-, видеопроизведения.

По мнению Э.П. Гаврилова, аудиовизуальное произведение представляет собой слияние произведений и идей (результат творчества большого коллектива авторов), что делает невозможным квалифицировать аудиовизуальное произведение как созданное соавторами. В связи с этим на аудиовизуальное произведение возникает особое авторское право [5, с. 97].

Бернской конвенцией об охране литературных и художественных произведений (1886 г.), участницами которой являются страны ЕАЭС, аудиовизуальные произведения условно приравниваются к оригинальным произведениям, предусматривается закрепление авторских прав на аудиовизуальное произведение в общем.

Музыкальные произведения. Музыкальное произведение включает в себя текст и музыку, а выражается благодаря исполнению музыкантами, певцом непосредственно либо с помощью записи на бумаге, аудио- или видеоносителе. В соответствии с законодательством стран ЕАЭС текст и музыка охраняются авторским правом, а фонограмма и исполнение – нормами смежных прав. Для признания музыкального произведения объектом авторского права необходимо его выражение в объективной форме, что закреплено в п. 3 ст. 1259 части IV ГК РФ [1]. Это нотная запись, звуко- и видеозапись, публичное исполнение произведения.

Авторско-правовой охране подлежат как оригинальные, т. е. новые, неизвестные ранее музыкальные произведения, так и производные, создание которых связано с использованием уже известного музыкального произведения в целом или его части. Для того чтобы законно использовать оригинальные произведения для создания производных, требуется получать согласие авторов оригинальных произведений. Внешняя форма оригинального музыкального произведения состоит из трех элементов: мелодии, гармонии и ритма [1].

Производным музыкальным произведением может быть, к примеру, аранжировка – обработка музыкального произведения, написанного для конкретного музыкального инструмента или ансамбля, после которой оно перекладывается для игры на других инструментах [1].

Также в качестве объекта авторского права могут признаваться сборники музыкальных произведений, вне зависимости от правового режима произведений, входящих в состав сборника. Объектом считается именно особый порядок систематизации, подборки и расположения музыкальных произведений. В случае обработки музыкальных произведений, входящих в состав сборника, такая обработка будет рассматриваться в качестве отдельного объекта авторско-правовой охраны [1].

Еще одним объектом музыкального произведения является семплирование – перемещение отрывка из одного произведения в другое. Для семплирования необходимо получать разрешение у автора музыкального произведения, а также у исполнителя и изготовителя фонограммы [1, с. 31].

Музыкальные произведения очень часто используются в качестве фона в общественных местах, к примеру торговых центрах, ресторанах, кафе, барах и т. д. Существует ошибочное мнение, что вознаграждение платить не нужно, так как авторам, исполнителям, изготовителям фонограмм платят организации теле-, радиоэфира. Однако это не далеко не так, поскольку это два разных вида использования музыкальных произведений. Радио и телевидение платит за сообщение произведений для всеобщего сведения, а хозяйствующий субъект, в котором звучит радио, должен выплачивать вознаграждение за публичное исполнение произведений [11, с. 64].

Формат аудиовизуального произведения (телевизионный формат). В настоящее время телевидение играет важную роль как СМИ, развлекательный формат. Телевизионные передачи, шоу, фильмы и т. п. все чаще становятся объектами нарушения прав в виде несанкционированного копирования. При этом владельцы прав на оригинальное аудиовизуальное произведение, или, иначе говоря, «телевизионный формат», не получают вознаграждения за использование результатов их интеллектуальной деятельности, его еще именуют «copycat television», что означает в переводе с английского «подражатель, подделка».

В законодательстве стран ЕАЭС понятие «телевизионный формат» отсутствует. На практике телеформат подразумевает совокупность информации и материалов, которые определяют творческую концепцию произведения (шоу, передачи, игры и т. п.) и значительные компоненты ее практического осуществления, в том числе описание сюжетных линий (идей), правил проведения, типов ведущего (ведущих) и прочих персонажей, манеры их поведения, хронологической очередности действий и событий, элементов декораций и сценографии, музыкальное сопровождение, хронометраж и прочие творческие и технические составляющие телевизионной программы [12].

Как отмечает А.В. Горчаков, «формат аудиовизуального произведения» является представ-

ленным в объективном виде комплексом самостоятельных охраняемых и неохраняемых отдельно от формата результатов интеллектуальной деятельности, которые составляют единый сложный объект и систематизированы так, чтобы они могли использоваться для создания аудиовизуальных произведений, обладающих повторяющимся характером [6, с. 73].

Форматы зачастую становятся лидерами телепросмотров. В любой телевизионной программе есть два основных показателя. Во-первых, это «доля программы» – среднее число лиц, которые смотрели телепрограмму, выраженное в процентах от общего числа телезрителей в данное время. Во-вторых, это «рейтинг» программы – среднее число лиц, которые ее смотрели, выраженное в процентах от общего числа исследуемой аудитории. Телеканалами также ведется учет среднесуточной доли, т. е. среднего количества человек, которые смотрели телеканал в течение суток, выраженного в процентах от общего числа телезрителей.

Все эти показатели служат не только мерилом популярности той или иной программы, но и определяют рост (или падение) цены рекламной минуты времени в ее перерывах. Основной доход телевизионных каналов приходится на рекламу. Рекламодатели готовы платить огромные деньги за то, чтобы иметь возможность продемонстрировать свой товар или услугу как можно большему количеству потенциальных покупателей [6].

Программы для ЭВМ, базы данных и объекты авторских прав в глобальных телекоммуникационных сетях. Согласно ст. 1261 ГК РФ программа для ЭВМ представляет собой выраженную в объективном виде совокупность сведений и команд, которые предназначены для функционирования ЭВМ и прочих компьютерных устройств с целью получения конкретного результата, включая подготовительные материалы, полученные в процессе работы над программой для ЭВМ, и формируемые ею аудиовизуальные отображения.

Программы для ЭВМ:

– являются самостоятельным результатом интеллектуальной деятельности;

– охраняются, по общему правилу, как произведения литературы. На программы для ЭВМ распространяются нормы, относящиеся к произведениям, за исключением случаев, предусмотренных специальными нормами;

– регулируются посредством как общих норм, так и специальных, которые, хотя и не выделены организационно, образуют стройную систему регулирования отношений, связанных с использованием программ для ЭВМ и распоряжением исключительным правом на них.

В силу ст. 1260 ГК РФ базы данных представляют собой поданный в объективном виде комплекс самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и прочих аналогичных материалов), которые систематизированы так, чтобы их можно было найти и обработать при помощи ЭВМ.

Говоря о глобальных телекоммуникационных сетях, необходимо отметить, что первой страной, решившей ввести специальное регулирование оборота авторских прав в Интернете, стала Франция, которая ввела закон «Creation and Internet bill». По данному закону предусмотрена ответственность до 30000 евро либо отключение абонента от Интернета. Реализация данного закона на практике, мягко говоря, вызывает недоумение в связи с тем, что индивидуализировать нарушителя практически и технически невозможно.

Графический дизайн как объект правового регулирования творческой деятельности. Графический дизайн как разновидность творческой деятельности является глобальным явлением постиндустриального общества. Как самостоятельную профессиональную деятельность появление дизайна связывают с развитием массового производства, технологии, прикладных наук. Его история многогранна и включает факты из области архитектуры, техники, изобразительного искусства, теории знаковых систем, социологии, культурологии, проблем коммуникации, рекламы и маркетинга, функционального анализа и эргономики. Первое исследование мышления, актуальных направлений и идей в культуре, посвященное этой профессии, отождествляло дизайн с историей стилей [18].

Истоки дизайна как вида проектно-художественной деятельности представляют взаимодействие научно-технической и визуальной, художественной культур, инженера и художественного творчества. Дизайн – одновременно и продукт культуры, инструмент культурного строительства, и фактор, активно формирующий культуру [15, с. 7].

Графический дизайн главным образом получил свое развитие благодаря появлению программного обеспечения, базирующегося на семиотике – науке, исследующей свойства знаков и знаковых систем, а также теории информации с учетом социально-технического контекста.

Графический дизайн подразделяется в зависимости от материала печатной формы на такие

виды, как: 1) линогравюра (гравюра на линолеуме); 2) гелиогравюра; 3) ксилография (гравюра на дереве); 4) офорт (гравюра на металле); 5) акватинта; 6) литография.

Компьютерная графика, применяемая в графическом дизайне, систематизируется на: 1) деловую; 2) иллюстративную; 3) художественную и рекламную; 4) компьютерную анимацию; 5) мультимедиа [20]. Давайте подробнее их рассмотрим.

Деловая графика является областью компьютерной графики, предназначенной для наглядного представления разных показателей функционирования учреждений (плановые показатели, отчетная документация, статистические сводки).

Иллюстративная графика представляет собой произвольное рисование и черчение на экране компьютера.

Художественная и рекламная графика помогает создавать рекламные ролики на телевидении, мультфильмы, компьютерные игры и т. п.

С помощью компьютерной анимации получаются движущиеся изображения на экране дисплея.

Мультимедиа – это объединение высококачественного изображения на экране компьютера со звуковым сопровождением [19, с. 25].

Наиболее распространенными в гражданском обороте объектами графического дизайна являются фирменный стиль и его элементы – система визуально-коммуникативных средств, спроектированная в целях создания определенного образа, включающая в себя основные элементы (торговый знак, цвет, шрифт, упаковка, сувениры, графики на одежде, транспортных средствах, зданиях и т. д.) [7].

Фильм как объект авторского права. Фильм считается одним из самых сложных произведений с точки зрения правового регулирования порядка его создания и использования. Сложность вытекает из особенности природы фильма и условий его создания по сравнению с другими произведениями [19].

Касательно определения первоначального носителя прав на фильм в мире имеет место два ключевых подхода: система «авторского права на фильм» (film copyright).

Вопрос относительно круга авторов в государствах, где первоначальным обладателем авторского права на фильм признаются физические лица, решается разными способами.

Выделяются три группы.

В первую входят государства, в законодательствах которых предусматривается закрытый перечень авторов, наряду с этим круг авторов в соответствии со страной также может изменяться. В России, в частности, на современной стадии авторы фильма – это автор сценария, режиссер-постановщик и композитор оригинальной музыки к фильму. В Киргизии к указанному перечню авторов добавлен режиссер-постановщик и художник-постановщик (ст. 13 Закона Кыргызской Республики «Об авторском праве и смежных правах» от 14.01.1998) [7, 8].

Во вторую группу входят государства, в законодательствах которых дается приблизительный перечень авторов (Франция, Бельгия, Испания и т. д.). К примеру, во Франции авторами признают автора сценария, автора переработки, автора диалогов, автора музыкальных композиций со словами или без них, специально написанных для произведения, режиссера.

В третью группу входят государства, в которых вовсе нет перечня авторов (Дания, Финляндия, Швеция), для определения круга авторов применяют общие правила о произведении, которое создано в соавторстве [7, 25].

Следует также отметить, что фильм является продуктом соединения значительного числа результатов интеллектуальной собственности, которые принадлежат разным лицам.

В литературе отмечено, что если говорить о правовом статусе фильма, следует отметить тот факт, что существует две группы произведений – первоначальные (самостоятельные) и вторичные (зависимые). К первой группе относятся оригинальные, творчески самостоятельные произведения, при создании которых не заимствуются ранее существовавшие; ко второй – произведения, при создании которых используются ранее существовавшие произведения. Вторая группа включает следующие категории произведений: составные, т. е. созданные путем подбора или расположения материалов (сборники, энциклопедии и т. п.), и производные, т. е. созданные с использованием элементов формы других произведений (к примеру, переводы, переработки). В соответствии со ст. 1263 ГК РФ фильм имеет своих авторов – автора сценария, режиссера-постановщика и автора оригинальной музыки [7].

Мультимедийный продукт как объект авторских прав. На сегодняшний день определение «мультимедиа» неоднозначно. Легальное определение понятия «мультимедийный продукт», о котором упоминается в ч. 4 ГК РФ, отсутствует. Необходимо подчеркнуть, что данный термин вызвал огромное число споров. Определение «продукт» используется по отношению к вещам, тогда как «мультимедийный продукт» скорее го-

ворит о некоем результате интеллектуальной деятельности вне зависимости от его материального носителя. Учитывая вышеизложенное, полагаем, следует заменить определение, используемое законодателем, на «мультимедийное произведение» [3].

Согласно Новому словарю иностранных слов мультимедиа (от лат. Multum – много, medium – центр, средоточие) является единой совокупностью:

1) программных и аппаратных средств, благодаря которым обеспечивается воспроизведение на дисплее видео- и аудиоинформации, получаемых различными методами из разнообразных источников информации по каналам связи и применяемых при обучении, в компьютерных играх, для создания базы данных справочной природы и пр.;

2) нескольких видов СМИ (к примеру, радио, кино, телевидения и пр.), которые используются с информационной и выразительной целью [9, с. 549].

Термин «мультимедиа» также касается разнообразных средств передачи информации – текста, звука, изображения, анимации, информационной технологии, основанной на общем использовании разных видов информации – графической, текстовой, акустической, видео с диалоговым управлением [2, с. 56].

Сегодня в наибольшей мере популярно понимание мультимедиа с технической позиции. Наряду с этим данную категорию определяют в качестве особого вида компьютерной технологии, объединяющего в себе и традиционные статические визуальные данные (текст, графику), и динамические (речь, музыку, видеофрагменты, анимацию и т. п.) [22].

Н.А. Савченко отмечает ряд толкований термина «мультимедиа», из которых можно выделить следующие:

1) технология, описывающая порядок разработки, функционирования и использования средств обработки информации разнообразных видов;

2) информационный ресурс, образованный на базе технологий обработки и представления информации разнообразных видов;

3) компьютерное программное обеспечение, работа которого связана с обработкой и представлением информации разнообразных видов;

4) компьютерное аппаратное обеспечение, при помощи которого возможна работа с информацией разнообразных видов [20].

Следовательно, в соответствии с вышеперечисленными определениями мультимедиа являются средствами обработки информации или компьютерными технологиями.

Обсуждение проблем определения понятия анализируемого объекта осуществлялось не только в странах ЕАЭС, но и в Европе и США. В п. 43 Зеленой книги Европейской Комиссии от 19.07.1995 «Авторское право и смежные права в информационном обществе» (Green Paper on Copyright and Related Rights in the information Society) указано, что мультимедийные продукты представляют собой комбинацию данных и объектов разных видов, подобно изображению (неподвижному или в движении), тексту, музыке и программному обеспечению [22].

В 1995 г. в США специальной рабочей группой был подготовлен подробный доклад касательно направлений развития законодательства в отношении интеллектуальной собственности (Белая книга по интеллектуальной собственности) [23, 24]; согласно докладу рабочей группы, мультимедийные продукты – сочетание нескольких разных компонентов или видов работ в единой среде.

Компьютерная игра как разновидность мультимедиа. Правовой режим данного объекта не определен в законодательстве стран ЕАЭС, а судебная практика идет по пути признания компьютерной игры программой для ЭВМ или базой данных [13, с. 195–196].

В РФ, к примеру, судебная практика идет по пути признания компьютерной игры программой для ЭВМ, на нее распространяется режим литературного произведения (ст. 1261 ГК РФ).

В судебной практике США компьютерные игры признаются аудиовизуальными произведениями как объектами авторского права.

Во Франции правовая природа компьютерных игр определяется в качестве компьютерных программ и аудиовизуального произведения.

Основной целью, для которой создается компьютерная игра, является вовлечение пользователя в игровой процесс. В отличие от зрителя фильма он не наблюдает за происходящим со стороны, а участвует в событиях и благодаря своим действиям приводит их к какому-либо варианту развития или к единственному задуманному авторами финалу.

Таким образом, компьютерную игру по праву стран ЕАЭС следует признать мультимедийным продуктом, поскольку она соответствует всем его признакам.

Сообщение передач как объект смежных прав. Вещательные организации являются ос-

новными распространителями произведений литературы и искусства. Благодаря развитию технологий передачи данных, в частности высокоскоростного широкополосного доступа в сеть Интернет и технологий беспроводной передачи данных, стали возможны новые способы распространения авторских произведений, такие как интерактивное телевидение, телевидение на мобильном телефоне, Интернет-телевидение и персональные цифровые видеозаписывающие устройства [4].

Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций, принятая 26 октября 1961 г. в Риме, по настоящее время является основным международным договором, предоставляющим охрану смежных прав организаций вещания. Российская Федерация является участницей Римской конвенции с 26 мая 2003 г. [4].

Вступление в силу Римской конвенции подтолкнуло государства к принятию национальных законов о предоставлении гражданско-правовой охраны правам организаций вещания на сообщения передач [4].

В п. 1 ст. 1304 ГК РФ содержится перечень объектов смежных прав. В качестве объекта смежных прав выступают сообщения передач организаций эфирного или кабельного вещания, включая передачи, созданные самой организацией эфирного или кабельного вещания или по ее заказу за средства другой организации.

Под «передачей» понимают либо «распространение сигналов», «вещание» как действия, либо «сигналы», «программы» как результаты этих действий [10, с. 156].

При радиовещании данный объект является совокупностью звуков, а в случае телевизионного вещания – совокупностью изображений, которые, как правило, сопровождают совокупность звуков, распространяемых вещательными организациями.

Вещание может осуществляться в эфир (также через спутник), по кабелю (также через оптическое волокно) или посредством сети Интернет [4].

При вещании очень часто используются объекты авторского права (музыкальные, аудиовизуальные и другие произведения), объекты смежных прав (исполнения, фонограммы, передачи и т. д.) и не охраняемые авторским правом объекты (сведения о событиях, факты, явления). Обязательно должны быть заключены договоры на объекты авторского права с правообладателями или с организацией коллективного управления правами.

Передача в эфир или по кабелю имеет двоякую юридическую природу, с одной стороны, это использование объектов авторского права, с другой – смежного права [14, с. 51].

В заключение хотелось бы отметить, что объекты авторских и смежных прав постоянно эволюционируют в связи с развитием науки и техники, что требует незамедлительного правового регулирования в странах ЕАЭС.

Пристатейный библиографический список

1. Алиастратова М.Е. Авторское право на музыкальные произведения: дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 31.
2. Бабенко В.С. Виртуальная реальность: Толковый словарь терминов. СПб., 2006. С. 56.
3. Бабарыкин П.В. Совершенствование правового регулирования сложных объектов в сети Интернет. С. 83–84 [Электронный ресурс]. URL: http: // www.nlr.ru/news.
4. Власов Е.Г. Гражданско-правовая охрана сообщений передач в качестве объекта смежных прав: дис. … канд. юрид. наук. М., 2013, С. 51.
5. Гаврилов Э.П. Комментарий к Закону «Об авторском праве и смежных правах». М.: Экзамен, 2005. С. 97.
6. Горчаков А.В. Правовая природа формата аудиовизуального произведения: дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 73.
7. Дижур А.Л. Фирменный стиль. М., 1979. (Художественное конструирование за рубежом).
8. Закон Кыргызской Республики «Об авторском праве и смежных правах» от 14.01.1998 [Электронный ресурс]. URL: www.copyright.ru.
9. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. М., 2008. С. 549.
10. Зенин И.А. Гражданское право: в 4 т. Т. 2. Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. Е.А. Суханова. М.: Волтерс Клувер, 2008, С. 156.
11. Каменная Ю.Ю. Платим за музыкальный фон предприятия? // Торговля: бухгалтерский учет и налогообложение. 2010. № 5. С. 64.
12. Комаров С. Неформат телеформата // Менеджер. Кино. 2008. № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.unifin.ru.
13. Котенко Е.С. Правовая природа компьютерных игр // Традиции и новации в системе современного российского права: сборник тезисов VIII международной межвузовской научно-практической конференции молодых ученых. М.: МГЮА, 2009. С. 195–196.
14. Кружалов С.Е. Аудиовизуальное произведение как объект авторского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
15. Лаврентьев А.Н. История дизайна. М.: Гардарики, 2006. С. 7.
16. Орлов Д.М. Осуществление и гражданско-правовая защита прав авторов аудиовизуального произведения: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011.

17. Основы гражданского законодательства Союза ССР и Республик // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. 26 июня. № 26. Ст. 733.

18. Певзнер Н. От Морриуса до Гропиуса. Лондон, 1936.

19. Радоминова А.О. Гражданско-правовое регулирование создания и использования аудиовизуальных произведений: история и современность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

20. Руденко Т.Ю. Правовое регулирование в сфере графического дизайна: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. С. 25.

21. Савченко Н.А. Использование мультимедиа-технологий в общем среднем образовании [Электронный ресурс]. URL: http: //www.ido.rudn.ru/nfpk/mult/mult1.html.

22. Семенова Н.Г. Мультимедийные обучающие системы лекционных курсов: теоретические основы создания и применения в процессе обучения студентов технических вузов электротехническим дисциплинам: автореф. дис. … д-ра пед. наук. Астрахань, 2007.

23. Green Paper on Copyright and Related Rights in the information Society COM (95) 382 final, Brussels, July 1995 [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/documentation/official-docs/green-papers/index_en.html.

24. Lehman B., Brown R. Intellectual Property and the National Information Infrastructure: The report of the Working Group on Intellectual Property Rights United States. U.S. Patent and Trademark Office, Washington D.C., September 1995 [Электронный ресурс]. URL: http://www.uspto.gov/web/offices/com/doc.

25. Pascal Kamina. Film Copyright in the European Union. Cambridge University Press, United Kingdom. 2002.

References (transliterated)

1. Aliastratova M.E. Avtorskoe pravo na muzykal'nye proizvedenija: dis. … kand. jurid. nauk. M., 2012. S. 31.

2. Babenko V.S. Virtual'naja real'nost': Tolkovyj slovar' terminov. SPb., 2006. S. 56.

3. Babarykin P.V. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovanija slozhnyh ob#ektov v seti Internet. S. 83–84 [Jelektronnyj resurs]. URL: http: // www.nlr.ru/news.

4. Vlasov E.G. Grazhdansko-pravovaja ohrana soobshhenij peredach v kachestve ob#ekta smezhnyh prav: dis. … kand. jurid. nauk. M., 2013, S. 51.

5. Gavrilov Je.P. Kommentarij k Zakonu «Ob avtorskom prave i smezhnyh pravah». M.: Jekzamen, 2005. S. 97.

6. Gorchakov A.V. Pravovaja priroda formata audiovizual'nogo proizvedenija: dis. … kand. jurid. nauk. M., 2013. S. 73.

7. Dizhur A.L. Firmennyj stil'. M., 1979. (Hudozhestvennoe konstruirovanie za rubezhom).

8. Zakon Kyrgyzskoj Respubliki «Ob avtorskom prave i smezhnyh pravah» ot 14.01.1998 [Jelektronnyj resurs]. URL: www.copyright.ru.

9. Zaharenko E.N., Komarova L.N., Nechaeva I.V. Novyj slovar' inostrannyh slov. M., 2008. S. 549.

10. Zenin I.A. Grazhdanskoe pravo: v 4 t. T. 2. Veshhnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Iskljuchitel'nye prava. Lichnye neimushhestvennye prava: uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop. / pod red. E.A. Suhanova. M.: Volters Kluver, 2008, S. 156.

11. Kamennaja Ju.Ju. Platim za muzykal'nyj fon predprijatija? // Torgovlja: buhgalterskij uchet i nalogooblozhenie. 2010. № 5. S. 64.

12. Komarov S. Neformat teleformata // Menedzher. Kino. 2008. № 1 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.unifin.ru.

13. Kotenko E.S. Pravovaja priroda komp'juternyh igr // Tradicii i novacii v sisteme sovremennogo rossijskogo prava: sbornik tezisov VIII mezhdunarodnoj mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchenyh. M.: MGJuA, 2009. S. 195–196.

14. Kruzhalov S.E. Audiovizual'noe proizvedenie kak ob#ekt avtorskogo prava: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2002.

15. Lavrent'ev A.N. Istorija dizajna. M.: Gardariki, 2006. S. 7.

16. Orlov D.M. Osushhestvlenie i grazhdansko-pravovaja zashhita prav avtorov audiovizual'nogo proizvedenija: dis. … kand. jurid. nauk. M., 2011.

17. Osnovy grazhdanskogo zakonodatel'stva Sojuza SSR i Respublik // Vedomosti SND i VS SSSR. 1991. 26 ijunja. № 26. St. 733.

18. Pevzner N. Ot Morriusa do Gropiusa. London, 1936.

19. Radominova A.O. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie sozdanija i ispol'zovanija audiovizual'nyh proizvedenij: istorija i sovremennost': dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2012.

20. Rudenko T.Ju. Pravovoe regulirovanie v sfere graficheskogo dizajna: dis. … kand. jurid. nauk. M., 2011. S. 25.

21. Savchenko N.A. Ispol'zovanie mul'timedia-tehnologij v obshhem srednem obrazovanii [Jelektronnyj resurs]. URL: http: //www.ido.rudn.ru/nfpk/mult/mult1.html.

22. Semenova N.G. Mul'timedijnye obuchajushhie sistemy lekcionnyh kursov: teoreticheskie osnovy sozdanija i primenenija v processe obuchenija studentov tehnicheskih vuzov jelektrotehnicheskim disciplinam: avtoref. dis. … d-ra ped. nauk. Astrahan', 2007.

23. Green Paper on Copyright and Related Rights in the information Society COM (95) 382 final, Brussels, July 1995 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://europa.eu/documentation/official-docs/green-papers/index_en.html.

24. Lehman B., Brown R. Intellectual Property and the National Information Infrastructure: The report of the Working Group on Intellectual Property Rights United States. U.S. Patent and Trademark Office, Washington D.C., September 1995 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.uspto.gov/web/offices/com/doc.

25. Pascal Kamina. Film Copyright in the European Union. Cambridge University Press, United Kingdom. 2002.

Сведения об авторах

АЛИЕВ Орхан Фирдовси оглы – докторант Института права и прав человека Национальной академии наук Азербайджана, AZ 1143, г. Баку, пр. Г. Джавида, д. 31.

АХМЕТШИН Руслан Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, 450103, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

БАРАНОВСКИЙ Алексей Александрович – стажер адвоката Московской региональной коллегии адвокатов, 109147, Российская Федерация, г. Москва, ул. Таганская, д. 36, стр. 1.

БЕЛОЗЕРОВА Ирина Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического института Российского университета дружбы народов, 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

БОНДАРЕНКО Юлия Викторовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, 450103, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

ВАНЮШЕВА Яна Владимировна – преподаватель кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, 450103, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна – доктор юридических наук, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов, 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

ДЖАФАРЛИ Вугар Фуад оглы – адвокат, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин РААН, 105120, Российская Федерация, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д. 3/5, стр. 1.

ДОБРЯКОВ Денис Андреевич – аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

ЗАХАРЕНКОВ Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры адвокатуры и нотариата Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ИГБАЕВА Гузель Римовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, 450103, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

КАЛИНКИНА Любовь Даниловна – кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Мордовия, почетный адвокат России, заведующая кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, 430000, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Полежаева, д. 44.

КАНАТОВ Танат Канатович – доктор PhD, докторант Российской государственной академии интеллектуальной собственности, представитель ЕврАзНИИПП в Республике Казахстан, 010000, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Бейбитшилик, д. 71.

КРЫСИНА Наталья Рафиковна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, 430000, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Полежаева, д. 44.

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, В.О., 10-я линия, д. 19, литер А.

МЕЛКОНЯН Давид Араикович – судья федерального арбитражно-третейского суда, генеральный директор и основатель Московского правового центра «Вектор», 127055, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новослободская, д. 26, стр. 1, оф. 233.

МЕЛЬНИЧЕНКО Роман Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, тренер адвокатов и профессиональных медиаторов, 400131, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8.

НЕЧКИН Андрей Вадимович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, 620034, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 54, к. 314.

РАГУЛИН Андрей Викторович – адвокат, доктор юридических наук, доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура», проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, 105120, Российская Федерация, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д. 3/5, стр. 1.

СОТКОВА Василина Владимировна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, 430000, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Полежаева, д. 44.

СТАЛЬНОВА Мария Александровна – адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов, член Адвокатской палаты Свердловской области, 620075, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Первомайская, д. 43, оф. 24.

СУЛТАНОВ Айдар Рустэмович – начальник юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим», 423574, г. Нижнекамск–4, промзона ПАО «Нижнекамскнефтехим».

ЮРОВА Инна Олеговна – преподаватель кафедры юридических дисциплин Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утесмисова, аспирант кафедры гражданского и семейного права Саратовской государственной юридической академии, 090000, Республика Казахстан, г. Уральск, пр. Достык, д. 162.

ЯНБУХТИН Раиль Маратович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, 450103, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Jus est ars boni et aequi

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация
Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-917-40-61-340

About the authors

AKHMETSHIN Ruslan Aleksandrovich – candidate of juridical sciences, associate professor of chair of administrative law disciplines of Ministry of Internal Affairs of Russia Ufa legal institute, 450103, Russian Federation, Ufa, Muksinov St., 2.

ALIYEV Orhan Firdovsi Oglou – doctoral candidate of Institute of the right and human rights of National academy of Sciences of Azerbaijan, Azerbaijan Republic, AZ 1143, Baku, G. Jaweed Ave., 31.

BARANOWSKI Aleksey Alexandrovich – trainee in the Moscow Regional Bar Association, 109147, Russian Federation, Moscow, Taganskaya Str., 36-1.

BELOZEROVA Irina Ivanovna – candidate of juridical sciences, associate professor of chair of of penal law, criminal trial and criminalistics of the Russian university of friendship of the people, 117198, Russian Federation, Moscow, Miklukho-Maklay St., 6.

BONDARENKO Yulia Victorovna – candidate of juridical sciences, senior lecturer of chair of history and theory of state and law of Ministry of Internal Affairs of Russia Ufa legal institute, 450103, Russian Federation, Ufa, Muksinov St., 2.

DOBRJAKOV Denis Andreevich – post graduate student of chair of penal law, criminal trial and criminalistics of the Russian university of friendship of the people, 117198, Russian Federation, Moscow, Miklukho-Maklay St., 6.

DZHAFARLI Vugar Fuad ogly – advocate, candidate of juridical sciences, associate professor of chair of criminal law of Russian academy of advocacy and notaries, 105120, Russian Federation, Moscow, Maly Poluyaroslavsky Lane, 3/5, p. 1.

IGBAYEVA Guzel Rimovna – candidate of juridical sciences, associate professor of chair of civil law disciplines of Ministry of Internal Affairs of Russia Ufa legal institute, 450103, Russian Federation, Ufa, Muksinov St., 2.

KALINKINA Lyubov Danilovna – candidate of juridical sciences, associate professor, honored lawyer of the Republic of Mordovia, honorable advocate of Russia, manager of chair of criminal trial, justice and public prosecutor's supervision of the Mordovian state university, 430000, Russian Federation, Saransk, Polezhaev St., 44.

KANATOV Tanat Kanatovich – doctor PhD., representative of EVRAZNIIPP in the Republic of Kazakhstan, doctoral candidate of the Russian state academy of intellectual property, 010000, Kazakhstan Republic, Astana, Beybitshilik St, 71.

KRYSINA Natalia Rafikovna – candidate of juridical sciences, associate professor, associate professor of chair of criminal procedure, justice and prosecutor's supervision of the Mordovian state university, 430000, Russian Federation, Saransk, Polezhaev str., 44.

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – doctor of juridical sciences, professor of chair of criminal law and procedure of the St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University Justice (RPA Russian Ministry of Justice), 199178, Russian Federation, St. Petersburg, V.O., 10th line, 19 A.

MELKONYAN David Araikovich – judge of federal arbitrazhno-treteiski court, director and the founder of the Moscow Legal Center «Vektor», 127055, Russian Federation, Moscow, Novoslobodskaya St., 26/1, office 233.

MELNICHENKO Roman Grigoryevich – candidate of juridical sciences, associate professor, coach of advocates and professional mediators, 400131, Russian Federation, Volgograd, Gagarin St., 8.

NECHKIN Andrey Vadimovich – candidate of juridical sciences, lecturer of the Chair of Constitutional Law Department of the Urals State Law University, 620034, Russian Federation, Yekaterinburg, Kolmogorov St., 54.

RAGULIN Andrey Viktorovich – doctor of juridical sciences, associate professor, advocate, vice rector of the Russian academy of advocacy and notariate, 105120, Russian Federation, Moscow, Maly Poluyaroslavsky Lane, 3/5, p. 1.

SOTKOVA Vasilina Vladimirovna – senior teacher of chair of criminal trial, justice and public prosecutor's supervision of the Mordovian state university, 430000, Russian Federation, Saransk, Polezhaev St., 44.

STALNOVA Maria Alexandrovna – advocate of Sverdlovsk Regional Bar Association, member of the Chamber of Advocates of the Sverdlovsk region, 620075, Russian Federation, Yekaterinburg, Pervomayskaya St., 43, office 24.

SULTANOV Aydar Rustemovich – head of the legal Department of PJSC "Nizhnekamskneftekhim" 423574, Nizhnekamsk-4, industrial area, PJSC "Nizhnekamskneftekhim".

VANYUSHEVA Yana Vladimirovna – lecturer of chair of history and theory of state and law of Ministry of Internal Affairs of Russia Ufa legal institute, 450103, Russian Federation, Ufa, Muksinov St., 2.

VINOGRADOVA Elena Valeryevna – doctor of juridical sciences, professor of chair of judicial authority, law-enforcement and human rights activity of Legal institute of the Russian university of friendship of the people, 117198, Russian Federation, Moscow, Miklukho-Maklay St., 6.

YANBUHTIN Rail Maratovich – candidate of sociological sciences, assistant professor of the department of social and humanitarian and economic disciplines Ministry of Internal Affairs of Russia Ufa legal institute, 450103, Russian Federation, Ufa, Muksinov St., 2.

YUROVA Inna Olegovna – teacher of chair of legal disciplines of the West Kazakhstan State University, postgraduate student of Chair of Civil and Family Law of Saratov State Law Academy, 090000, Republic of Kazakhstan, Uralsk, prospekt Dostyk, 162.

ZAKHARENKOV Dmitry Nikolaevich – post graduate student of chair of legal profession and a notariate of the Moscow state legal university, 125993, Russian Federation, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya St., 9.

НАЙДЕМ АДВОКАТА

«Найдем Адвоката» – это не юридическая фирма

Мы бесплатный сервис по подбору юристов и адвокатов необходимой Вам специализации во всех регионах России и мира.

Подбор юристов и адвокатов осуществляется бесплатно и в течение одного часа.

С нами работает более 1700 тщательно отобранных узкоспециализированных юристов и адвокатов в более чем 50 странах мира.

За два года работы Проекта мы помогли более чем 3000 клиентов, которым были подобраны юристы и адвокаты, решившие их проблемы.

Вам или Вашим близким нужен юрист или адвокат? Тогда оставьте заявку на сайте naidemadvokata.ru или позвоните нам по номеру: 8 (800) 775-07-20 (звонок по России бесплатный).